

Дарья Лев

Ящик Пандорры

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Открыв ларец с кошмарами,
главное — не оставить надежду на дне.

18+

Аллариум

Дарья Лев

Ящик Пандорры

«Автор»

2026

Дарья Лев

Ящик Пандорры / Дарья Лев — «Автор», 2026 — (Аллариум)

Когда бывший покровитель проводил надо мной эксперименты, дабы превратить в совершенное оружие, он решил назвать свое детище в честь одаренной всеми богами Пандорры из мифов моего мира. Так новая и кошмарная версия меня обрела собственное имя. Иронично, что спустя три с лишним сотни лет я обзавелась и собственным ящиком с катастрофами и кошмарами. Сделка с Гончим. Стоило сказать ему всего одно «да» — крышка с ларца слетела, и словно все мои худшие ночные кошмары вырвались на свободу. Привычная магия дает сбой, новоявленный алат испытывает терпение, подзащитный народ подложил свинью. Собственные чувства — и те с цепи сорвались. Вильгельм, очевидно, пытается создать новую и более послушную версию меня. Гончий с моей помощью пытается спасти неизвестно кого. Внезапно объявившийся бывший пытается вернуть безвозвратно утраченное прошлое. Что до меня, так я просто пытаюсь захлопнуть чертов ларец, не оставив надежду на лучший исход на самом дне.

© Дарья Лев, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	53
Глава 7	62
Глава 8	73

Дарья Лев

Ящик Пандорры

Глава 1

Круглый мраморный бассейн успел остыть несколько раз, но я все равно не торопилась выходить из купальни, только машинально касалась артефакта, подогревающего воду, когда начинало колотить от холода.

Я сидела на нижней подножке внутри каменной чаши, оперевшись спиной на остальные ступени, так, что вода едва прикрывала грудь. Время от времени уставала пялиться на воду перед собой и откидывала голову назад. Гладкий бортик под затылком был жестким, но прохладным. От этого прикосновения мысли на секунду становились яснее, но тут же расплзались как грязь под ногами в дождь.

Пар медленно поднимался вверх ленивыми клубами, оседая каплями на невысоком потолке купальни. Здесь пахло мылом, мокрым камнем, немного плесенью. И едва заметно — моей кровью. Я чувствовала, что раны постепенно затягиваются, не стала снимать бинты перед тем, как залезть в бассейн, но, кажется, все равно снова свела на нет работу Гончего. Неблагодарная ему досталась пациентка.

Почти сразу после появления Эйла я отключилась. Может, от усталости, может, от шока. Запомнилось только его лицо, слишком живое, настоящее, изумленное, а потом — непроглядная тьма. Не знаю, сколько так провалялась, но в себя пришла, похоже, глубокой ночью, в темноте, которую разбавлял лишь отсвет тлеющих дров в камине. Рядом никого не увидела, облегченно выдохнула и заснула, укутавшись в одеяло. В надежде, что просто окончательно свихнулась.

Открыв глаза утром, первым делом я увидела Гончего. Он спал в кресле напротив, скрестив руки на груди, неудобно склонив голову на плечо и вытянув ноги. Выглядело так, словно он долго сидел там, а потом просто вырубился.

Эйла нигде поблизости не было, от чего я испытала мимолетное, почти постыдное облегчение.

Может, я правда просто спятила? Галлюцинации от усталости или что-то вроде того.

Осторожно, чтобы не разбудить своего невольного стража, выпуталась из одеяла, нацепила сапоги и внезапно зависла. Прислушалась к внутренним ощущениям, наугад дернула рукой в воздух и мрачно поморщилась, не заметив никакого эффекта.

Мое относительное спокойствие длилось ровно до тех пор, пока не я услышала за спиной скрип дверных петель. К тому моменту уже достаточно собралась с силами, чтобы встать с дивана и пройтись, сжевать кусок холодной крольчатины с тарелки на камине. Задумчиво рассматривала сад из окна, когда ощутила его появление и обернулась.

Эйл замер на пороге, настороженно глядя на меня. Несколько секунд мы просто таранились друг на друга, как два немых идиота, пока он не решился первым. Бесшумно преодолел расстояние между нами, остановился напротив. Теплая ладонь мягко проскользила по моей щеке, откинула волосы за плечо. Я чудом удержалась, чтобы не шархануться назад.

— Линаэль, — пальцы Эйла, мягкие и чертовски реальные, снова пробежались по моему лицу, голос звучал тихо, почти осторожно.

Слово ударило по нервам сильнее, чем прикосновение или вообще появление Эйллара.

Я не слышала его сколько... Тридцать лет, чуть больше?

И откровенно говоря, не могла сказать, что готова была услышать снова. Оно больше не вызывало тех эмоций, что раньше.

Пока я колебалась, как бы поддипломатичнее дать понять, что перед ним не та, женщина, которую можно назвать этим именем, Эйл склонился ближе, явно собираясь поцеловать.

Тело отреагировало быстрее мысли — я не позволила. Не резко, не отталкивая, но все равно мягко отвернулась. Губы мужчины мазнули по скуле. Потрясающе яркие зеленые глаза смотрели с недоумением и чем-то странно похожим на обиду.

— Подожди, — отступила на шаг от него, выставила вперед руки, помешав обнять. — Я... Мне нужно время прийти в себя.

— Ты мне не рада? — Эйллар нахмурился.

Боги, спустя тридцать лет он выглядел слишком... таким же. Как будто я правда отсюда ушла совсем недавно. Даже сейчас тот день помнился до малейших деталей, Эйл так же хмурился, когда мы спорили. Он сердито откидывал за спину длинную рыжую косу, которая постоянно падала обратно через плечо. Я с улыбкой наблюдала за этой борьбой, стараясь не рассмеяться, ловила взглядом блики, что плясали по комнате, когда солнце отражалось от трех мелких сережек, брякающих в заостренном ухе. Шатиль всегда так и норовила дернуть за них, стоило ей оказаться на руках у отца.

В тот день, перед самым уходом, я говорила, что скоро вернусь, Эйллар — что пора завязывать с поручениями Вильгельма.

Сказал бы мне кто, что мое «скоро» так затянется — не поверила бы ни за что.

— Рада, — поспешно заверила я его, не переставая рассматривать. Эйл нынешний был пугающе похож на себя тридцатилетней давности. Настолько, что невольно начинала сомневаться, а прошло ли это время? На мгновение я опустила глаза на его запястье, где виднелся только совсем светлый след. — Рада, просто... не ожидала.

— Поэтому даже прикоснуться к себе не дашь? — мужчина наконец опустил руки и тоже отступил. Вот теперь я совершенно точно могла сказать, что задела его за живое. — Я думаю об этом с той секунды, как увидел тебя вчера, хочу обнять, чтобы поверить, что ты реальна...

— Вполне реальна, — я прокашлялась, потому что голос куда-то испарился, и перебила его. — Пожалуйста, дай мне немного времени. Я хочу хотя бы помыться, привести себя в порядок сперва. Мне... Мне нужна пауза.

— Три декады было недостаточно? — уязвлено усмехнулся Эйллар.

Дьявол, я видела, что ему было больно, вполне вероятно из-за моей реакции, но ничего с собой поделаться не могла. Лучше так, чем фальшиво повиснуть на шее, рыдая от счастья. Ложь бы ударила по нему сильнее, тем более, что он прекрасно знал, когда я притворяюсь.

— Эйл, — я одарила его упреждающим взглядом. — Пожалуйста.

С минуту он смотрел на меня так внимательно, будто пытался прочитать что-то между строк. Или вспомнить значения подобного моего взгляда. Потом медленно кивнул.

— Конечно.

Отступать было глупо, поэтому я прошла мимо него, решив в самом деле посетить купальню. Действительно не мешало бы помыться. Если не станет проще — попробовать утопиться.

Сделав два шага я все же остановилась. Если бы не спросила — свела бы себя с ума.

— А Шатиль, она...

— Нет.

Теперь я лежала в воде и пыталась осмыслить все случившееся. Возможность утопиться казалась все более привлекательной.

Как он выжил?

Я возвращалась к этому вопросу вновь и вновь. Не было ни единого признака, что он мог быть жив. Ни малейшего. Мой браслет раскололся, у него на руке браслета тоже нет. Значит наши брачные узы были нарушены, что возможно только в случае смерти кого-то из супругов, насколько я помнила эльфийские обряды этого мира. Его родственники утверждали, что он

мертв. Я видела тело, пусть со скрытым лицом, но все же. И дерево, связанное с ним — я видела своими глазами, что оно погибло.

Боги, да у меня не было ни единого повода сомневаться, что в погребальном костре, у которого я стояла, не польхал труп моего мужа!

Я все это время запрещала себе думать о нем и Шатиль, упоминать их имена даже мысленно, потому что знала, что единственный способ справиться с собой — признать, что их не вернуть, что они мертвы.

Или просто убеждала себя, что не было шансов, чтобы кто-то из них выжил, не пытаюсь проверить, так ли это?

Перед глазами вдруг до того ясно всплыло лицо дочери, что я зажмурилась до боли в веках.

На мгновение, маленькое уродливое мгновение в голове мелькнуло: жаль, что не наоборот.

Я так резко села прямо на подножке, что вода шумно плеснула в стороны, пришлось вцепиться руками в бортики, потому что я почти потеряла равновесие, подхваченная образовавшейся волной.

— Ну ты и тварь, — тихо усмехнулась сама себе.

Кем надо быть, чтобы подумать что-то подобное? Это же чудо. Чудо, что судьба вернула хоть кого-то.

Только почему внутри все было как будто набекрень?

Дверь купальни распахнулась, впустив порыв прохладного воздуха. Гончий невозмутимо прошел внутрь, на ходу расстегивая рубашку, не глядя по сторонам. Я машинально опустилась ниже, чтобы вода скрыла плечи. Слабое прикрытие, с полным-то отсутствием пены или чего-то похожего.

Услышав плеск, мужчина остановился и невольно натянул рубашку обратно. Не то, чтобы смутился, скорее выглядел удивленным.

— Я думал, ты закончила.

— Если бы ты постучал в дверь, знал бы, что это не так, — соскользнув с подножки, я повернулась к нему спиной, сложила руки на бортике бассейна.

— Лина, я стучал полчаса назад, ты сказала, что выходишь, — огорошил меня Гончий. Правда? Совсем не помню такого.

— В любом случае, ты уже видел столько, что изображать стеснение как-то бессмысленно, — я вздохнула, положив подбородок на руки.

— Справедливо, — хмыкнул мужчина. — Ладно, подожду снаружи.

Я услышала, как он отошел, но потом вдруг вернулся. Повернув голову чуть вбок, заметила, что Гончий остановился чуть позади.

Мог бы выбрать ракурс и поскромнее, с которого было видно поменьше.

— Ты в порядке? — вопрос прозвучал как очевидный, так и неожиданный.

— Великолепно, — коротко хохотнула я, повернув голову еще больше, чтобы лучше видеть лицо Деса. — У меня муж воскрес. Лучший день в моей жизни.

Он не улыбнулся, даже как-то напротив.

— Тебя не затруднит встать так, чтобы я могла смотреть на тебя глазами, а не голой задницей? — мало того, что молчание действовало на нервы, у меня еще и шея немного затекла.

Гончий послушно передвинулся.

— Ты из-за дочери... такая? — он деликатно умолчал «какая», а я, по правде говоря, понятия не имела, что под этим подразумевалось. — Или раны?

Черт его знает. Ответ застрял где-то в горле.

— Где Эйл? — вместо этого спросила я.

— Пошел за водой и провизией, — мужчина пожал плечами. — Сказал, что вернется минут через тридцать.

— Дес, ты случайно не чувствуешь возвращение магии? — чем черт не шутит, вдруг повезет.

— Пока нет, — он прищурился. — Что-то случилось?

— Нет, — я перевела взгляд на трещины в напольной плитке. — Не отказалась бы от портала, да сама не могу.

— Портала? — удивленно переспросил Гончий.

— Да, такая штучка, которая позволяет перемещаться между мирами, — с трудом удержалась от желания закатить глаза и ткнула пальцем в амулет, снова подогревая воду. — У тебя белый, у меня — синий.

— Ты что, хочешь сбежать? — мужчина, к его чести, проигнорировал откровенную издевку в моем голосе.

— Почему нет?

— Лина, это ведь Эйл, — ему понадобилось не меньше минуты, чтобы ответить.

— Спасибо, я в курсе, — мрачно покосилась на него снизу вверх. — Мне кинжал не в голову попал.

— Извини, если лезу не в свое дело, — Гончий выглядел несколько смущенным, — но ты сама затронула тему. Ты действительно хочешь сбежать от того, кого любила? Ну или любишь.

— Ему это вышло боком.

— Ради него ты изменила свою жизнь...

— Что вышло боком всем нам.

— Решилась подарить ему ребенка...

— Не совсем так, я тебе говорила.

— Перестань меня перебивать, — не выдержал мужчина. — Почему ты бежишь от него? Я отлипла от бортика на мгновение, зачерпнула воды в ладони и умыла лицо. Легче, естественно, не стало.

— Он назвал меня Линаэль, — признание прозвучало глухо.

— И? — Дес выгнул бровь.

— Ему всегда казалось, что Лина звучит чересчур резко и жестко, — я сама толком пока не могла сформулировать мысль, что хотела высказать. — Поэтому появился такой вариант.

— Это что-то интимное? — догадался Гончий.

— Можно и так сказать, — нервно усмехнулась. — Он звал меня так только когда говорил о том, какие нежные чувства питает.

— Разве плохо узнать, что даже спустя столько времени эти чувства не изменились? — прозвучало как-то слишком тихо.

Не плохо — ужасно. Линаэль похоронили под той статуей в саду, и она, в отличие от Эйла, как-то не торопилась воскресать.

Я потянулась за полотенцем, обернулась им, поднимаясь по ступенькам из бассейна, окончательно наплевав на правила приличия. Надоело смотреть на него будто с пола.

— Представь, что открылась дверь, — я махнула в сторону входа в купальню, — и вошла твоя Беата. Целая и невредимая. Что бы ты сделал, Дес?

— Не знаю, — честно развел он руками. — По крайней мере, был бы рад за нее.

— Я тоже рада, — спешно заверила его. Или себя. Это «рада» у меня уже в печенках сидело. — Правда. Но если бы она делала вид, будто не было ее смерти, как бы ты себя повел? Представь, что она бы ждала от тебя того же отношения, что раньше?

— Вы обменялись всего парой фраз, а здесь нужно время, — Гончий звучал настолько спокойно и рассудительно, что я диву давалась. — Вам надо поговорить нормально, обстоятельно.

— Он смотрит так, будто ничего не изменилось, — досадливо тряхнула головой. В чем-то Гончий был прав, но и своей интуиции я верила. — Не понимаю, как такое возможно. Я боюсь его вопросов, боюсь своих. Еще больше боюсь услышать ответы на них, — я потеряла переносицу, поморщилась от ощущения намокшего бинта на бедре, сползающего вниз по ноге.

— Поговорить все равно придется.

— Почему?

— Потому что побег не отменит того факта, что твой Эйл жив-здоров, — как-то довольно жестко отозвался мужчина. — Даже если сейчас уйдешь, все равно рано или поздно вернешься к нему за ответами. Не лучше ли разрубить узел сразу?

Может и лучше. Только... Как можно деликатно сообщить воскресшему мужу, что его явление совсем некстати, ведь ты давным-давно примирилась с его смертью?

Когда Лина ушла, я несколько секунд еще молча смотрел на неровную дорожку ее мокрых следов, становящихся все призрачнее. Глупое решение, в доме везде грязь, шепки и осколки, стоило бы надеть сапоги. Впрочем, похоже, несмотря на довольно привычные саркастичные нотки, она была совсем не в себе.

Я медленно выдохнул и провел рукой по лицу, пытаюсь стереть усталость.

— Ну конечно не в себе, идиот, — пробормотал вслух, раздеваясь.

Спустившись в бассейн, сперва потянулся к тому же артефакту, вмонтированному в бортик, что касалась Лина, но рука зависла в воздухе. К черту, нет смысла прикидываться, когда поблизости никого.

Щелчок пальцев подогрел воду куда эффективнее. С тех пор, как у меня проявилась магия в принципе, я никогда ее не лишался до того момента, пока не коснулся этих чертовых кинжалов. Поэтому даже подумать не мог, что испытаю такое облегчение просто от ее возвращения. Как будто наконец-то можешь дышать полной грудью.

Я усмехнулся уголком губ. Забавно. Лина спросила о магии — я солгал. А ведь первая мысль, которая мелькнула, была совсем другой.

Хватай ее. Открывай портал. Уводи прямо сейчас.

Пока она сама не передумала. Пока не вернулся этот остроухий придурок со своей тоской и любовью тридцатилетней выдержки, раздражающий до зубовного скрежета.

Вообще-то эта мысль была такой просто, что казалась правильной. Я даже не секунду представил, как бы это могло выглядеть. Ведьма бы ни одного вопроса не задала, шагнула в портал прямо отсюда.

Я окунулся в воду с головой, выпрямился, убирая с лица мокрые волосы.

Чушь. Да, шагнула бы. Наверняка бы даже сказала спасибо. А потом, когда прошел бы шок от случившегося... Я невольно фыркнул. Потом бы поняла, что натворила. Поняла бы, что сбежала, даже не поговорив со своим остроухим, не задав вопросов, которые не могли не появиться у нее. Угадайте, кому бы досталось на орехи по первое число? Полагаю, я бы отхватил такую взбучку, что пожалел бы, что родился на свет.

Задержав дыхание, снова погрузился в воду, но теперь уже ненадолго остался внизу, отсчитывая секунды.

Честно говоря, она была бы права при таком раскладе. Тот взгляд, который у нее был при словах о желании сбежать — не так смотрит человек, который принял решение. Скорее тот, кто совершенно не знает, что делать, пытается думать, но не выходит.

Вынырнув, проморгался и с наслаждением выдохнул.

Все я правильно сделал.

Потянувшись за мылом, невольно задумался об Эйле. Я хотел знать, что в нем особенного, но не предполагал, что жизнь так быстро предоставит возможность лично выяснить.

Мне он не понравился. Чисто интуитивно. И нет, не потому, что его что-то связывало с ведьмой, или у нас не было достаточно времени пообщаться. Этот эльфийский хрен не выглядел... изумленным, что ли? Когда Лина увидела его и грохнулась в обморок, первое, о чем он меня спросил — кто я и почему сопровождаю его жену. Не говоря уже о том, что я не без труда отговорил его от попытки растолкать ее из обморока прямо в тот же миг, чтобы они могли поболтать.

Я слышал их с Линой утренний разговор. Вообще-то и украдкой видел, чего уж там. Заметил, как позже он топтался около двери купальни, когда Лина ушла сюда. Ходил из стороны в сторону, как пацан, который вроде и подглядеть собрался, и решиться на это никак не может. Несколько раз мне казалось, что он вот-вот постучит, но каждый раз остроухий благо-разумно передумывал.

Она попросила дать ей время, в чем проблема?

Со стороны могло показаться, что он просто нервничает, переживает, и в этом не было ничего странного или подозрительного. Но, черт возьми, я чуял что-то не то. Больше походило на хищника, который поджидает добычу. А с учетом того, что я видел, и сказала сейчас сама Лина... Вообще-то, кажется она права в опасениях, кое-кто застрял в прошлом.

Эта мысль мне совсем не нравилась. Ее разбавляла только тайная злорадная насмешка — очнувшись, ведьма не возрыдала от счастья, бросившись на шею остроухого.

Смыв пену, я сам не понял, как задумчиво уселся на ту же ступеньку, где сидела Лина, и откинулся назад. Что же, ее можно понять, вот так полежать в горячей воде довольно неплохо.

И было куда лучше, если бы кое-кто не воскрес.

Нет, правда, что за хрень? Очевидно, что Лина действительно считала его мертвым, так что, мать вашу, тут творится? Почему он жив, почему не искал ее? Думал, что она мертва?

Запрокинув голову назад, я раскинул руки по обе стороны бортика и уставился в стеклянный потолок, покрытый каплями осевшего водяного пара, то и дело срывавшимися на пол и в бассейн. Пара капель шлепнулись мне прямо на лоб, и я невольно зажмурился.

Для того, кто страдал несколько десятилетий, этот остроухий выглядел больно упитанным и здоровым. Не только внешне, в целом. На него никак не действовал дом, как по мне. Не было заметно ни следа сломленности, усталости, тяжести прошедшего времени. Чисто по делам отлучился на минутку — и вот вернулся.

Впрочем, вполне вероятно, что у моих подозрений в отношении остроухого гораздо более прозаичная причина. Тупая никчемная ревность.

Я был с собой честен. Когда открылось Линоно прошлое — на краткий миг заколебался, имею ли право лезть к ней, ведь грустных историй ей хватило и без связи с Гончим. Где-то внутри все равно оставалась глупая, упрямая, как сама ведьма, надежда, что шанс все же есть. Не сейчас, не сразу. Когда-нибудь позже. Может, это звучало по-дурацки, только мне казалось, что между нами, как это говорится, проскочила искра. Может, конечно, искра взаимной неприязни, но ведь от ненависти до любви вроде один шаг?

Что бы это ни было, не шло ни в какое сравнение с тем, что было между ней и Эйлом. Лина дала понять, что прошлое не возродить, но кто знает? Она не смогла оправиться до конца от смерти остроухого за долгие годы, значит, так и не смогла его отпустить. Он, судя по всему, тоже.

Иронично получилось. Теперь я сидел ровно там же, где Лина, практически в той же позе. Она торчала тут, потому что боялась пойти и поговорить с Эйлом. Я — потому что боялся вернуться в гостиную и увидеть, что она последовала моему совету.

Тонкое серебряное кольцо на безымянном пальце кольнуло кожу. Открыв глаза, я с ненавистью покосился на полоску светлого металла, против воли сжал пальцы в кулак до хруста в костях.

Блядь, только не сейчас. Полночи отговаривал себя от немедленного братоубийства, с той самой секунды, как ощутил возвращение магии. Если бы рядом не лежала обморочная ведьма, вокруг которой крутился остроухий, — моя семья стремительно бы сократилась на одного члена в эту ночь.

Лживый сукин сын. Да прости меня матушка.

Я всегда знал, что Рол — не лучший образец морали. Черт возьми, он работал на Вильгельма, я был бы конченным идиотом, если бы не понимал, что у брата рыльце в пуху по самую жопу. Но поднять руку на беззащитного ребенка? Такому нет оправдания. Судя по тому, что ублюдох лгал, глядя мне в глаза, он и сам понимал всю чудовищность содеянного.

Не знает, почему Лина так его ненавидит? Да хер бы там!

В попытке хоть немного притушить ярость, выжигающую здравый смысл, я саданул по бортику кулаком так, что плитка хрупнула и пошла трещинами. Сейчас бы последовать по зову кольца и измордовать выблядка, чтобы не повадно было. Но нельзя оставлять ведьму наедине с типом, вызывающим у меня кучу подозрений. И вообще не стоит идти на поводу у своего порыва, надо сперва думать, потом делать. Иначе проблем не избежать.

Мгновенно выбравшись из воды, я спешно вытерся, натянул штаны, сапоги, набросил рубашку. Кольцо остервенело стянул с пальца и затолкал в карман, дабы не искушать себя.

Что ж, пришло время узнать, насколько неприятным для меня будет этот день.

Я остановилась перед дверью гостиной и какое-то время рассматривала светлые деревянные створки с серебристыми прожилками. Ладонь лежала на ручке, но я не нажимала на нее, прислушиваясь. Судя по шорохам и шагам внутри, Эйл уже успел вернуться.

Мысль о победе показалась привлекательной как никогда. Жаль, абсолютно неосуществимой. Не сидеть же в лесу, в полотенце, в ожидании чудесного возвращения магии?

Не верилось, что говорю, но Дес был прав. Побеседовать надо.

Все же... Меня преследовало неприятное ощущение, что этот разговор, может, и расставит по местам, если не все, то многое, но не принесет никакого облегчения.

Решительно выдохнув, я изобразила как можно более невозмутимый вид и вошла.

Эйл расставлял на небольшом низком столике какую-то посуду, стоя ко мне спиной. Чуть растрепанная коса, в солнечных лучах отливающая почти красным, все так же не желала лежать спокойно: стоило ему наклониться, как она соскальзывала вперед. В конце концов, он не выдержал и ругнулся, в очередной раз отшвырнув косу назад.

Я поймала себя на том, что невольно улыбнулась. Все выглядит так, будто он просто встречает меня после очередной отлучки.

Если не обращать внимания на разруху вокруг.

— Хорошо, что дом строили на века, — решила первой прервать молчание. — В купальне все еще работает большая часть артефактов. Боялась, что придется мыться в ледяной воде.

— Лина? — обернулся Эйл. Покосился на мои босые ноги и нахмурился. — Стоило бы что-то надеть.

— Я уже догадалась, — с досадой махнула рукой, в которой держала скомканные вещи и сапоги. — Просто в купальне было слишком сыро, да и сменную одежду я забыла прихватить. Вытащу пару заноз и оденусь.

Боги, у меня что, словесное недержание? Можно еще большую чушь нести?!

— Эйл, ты не мог бы... — я на мгновение зависла. Как-то странно было просить отвернуться мужчину, с которым ты прожила больше пятнадцати лет. Но и одеваться при нем не хотелось. — Мне надо одеться.

— Конечно, — он догадливо развернулся спиной ко мне и вернулся к расставлению посуды. — Скажешь, как будешь готова.

Я торопливо сбросила полотенце. Натянула белье, проклиная Гончего, перевернувшего мою сумку вверх дном, сняла намокшие бинты и намотала новые, не церемонясь с обработкой. Судя по порезу на бедре, раны действительно начали затягиваться, главное просто прикрыть их от ткани. Надев штаны, не без труда отыскала в сумке носки, потянулась было за лифчиком, но на скорую руку среди всего барахла на кресле его не отыскала. Черт с ним, попользуемся еще тряпками Гончего.

Рубашка Деса, которая была на мне до купальни, помялась и немного отсырела, но мне и не на королевский прием предстояло идти. Промокнув полотенцем воду, натекшую с волос, я встряхнула рубашку, набросила ее на плечи, застегнула под стук посуды и прочие мелкие звуки, создававшие ощущение уюта.

— Все, — чуть подрагивающими пальцами натянула сапоги, немного заколебалась и набросила на плечи полотенце, чтобы волосы на промочили рубашку насквозь. Тем более, что в доме было не очень-то тепло.

Эйл обернулся и чуть посторонился от стола, на котором стояли дымящиеся чашка и миска, блюдо с какими-то лепешками.

— Мой новый дом недалеко, но не так уж обжит, — мужчина словно бы смутился, неловко почесал кончик носа. — Принес все, что было, только...

— Похоже, словесное недержание у нас обоих, — я усмехнулась, подходя ближе. Запах наваристого мясного бульона так резко ударил в нос, что желудок буквально скрутило. Несчастный кусок утренней крольчатины давным-давно пропал без вести, но только теперь я осознала, насколько проголодалась.

— Зато есть успокаивающий чай, — мужчина протянул мне кружку, от которой исходил пряный аромат с кислинкой. В золотистой жидкости медленно оседали на дно кусочки каких-то ягод, название которых так и не отложилось у меня в памяти, — Эйлар сам всегда готовил такие смеси. — Полагаю, будет не лишним. Себе тоже захватил.

— Спасибо, — я обхватила кружку ладонями, обжигающее тепло медленно, но верно возвращало пальцам чувствительность. Вдохнув знакомый запах, сделала глоток. Язык чуть кольнуло терпким вкусом, по телу почти сразу прокатилась волна тепла — не то действие трав в составе, не то просто горячей жидкости. А вместе с ней всплыло и очередное непрошеное воспоминание: в этой же гостиной Эйл пытался отпить меня этим чаем, когда я не выдержала и отправила в дальний пеший поход его маменьку, имевшую свой взгляд на воспитание Шатиль.

Дьявол, здесь вообще ничего просто так не коснуться, не вдохнуть.

Сделав машинально еще один большой глоток, я поставила кружку на стол. Покосилась на бульон, но так и не решилась попробовать. От нервов потихоньку начинало мутить, тут уже как-то не до еды.

Молчание, повисшее в комнате было до жути странным. Не враждебным или напряженным. Просто каким-то осторожным, будто мы оба боялись друг друга. Вполне вероятно, что так оно и было.

— Этот мужчина, что тебя сопровождает, — Эйл задумчиво покрутил кружку с чаем в руках. — Я могу узнать, кто он?

— Дес? — я несколько удивилась подобному вопросу. — Он... Между нами заключена сделка о взаимопомощи. Он Гончий.

— Действующий? — ожидаемо опешил Эйлар. — С каких пор ты с ними на одной стороне?

— С тех самых, как моя жизнь коренным образом изменилась, — ответ вышел грубоватым, сама не понимаю, почему. — Извини. Не хотела хамить, просто...

— Лина, все нормально. Ты всегда была такой, — мужчина на мгновение улыбнулся. — Когда нервничаешь, у тебя обостряется сарказм. Я помню.

Возможно. Только не подозреваешь, насколько сарказм и прочее дерьмо заострилось за эти годы. Теперь могу наколоть на эти шпажки и не заметить.

Я снова схватилась за кружку, чтобы было, чем занять руки.

— Так этот Гончий, Дес, — Эйллар выдержал паузу, заинтересованно склонил голову набок. — Только сделка? Для делового партнера он проявляет о тебе слишком трогательную заботу. Особенно если учитывать отношения между алатами и его Гильдией в целом.

— Мертвый партнер вряд ли сможет исполнить свою часть сделки. Разумеется, он оказал помощь, — дернула я плечом. Вопросы мне не понравились. Не явная ревность вроде, но, черт подери, первое, что ты хочешь у меня спросить после столь эффектного воскрешения: что за мужик с тобой рядом?! — Я напоролась в лесу на свои же ловушки.

— Ты ранена? — моментально встревожился Эйл.

Нет, просто бледная немочь, что валится в обморок по поводу и без.

— Там же яд! Насколько все серьезно? — мужчина окинул меня обеспокоенным взглядом, словно пытаюсь отыскать дыры от коварных кинжалов. — Я могу помочь.

— Не нужно, — привычно отказалась и тут же задумалась. Вообще-то, было бы весьма кстати. Его целительная магия может выведет яд быстрее. — Разве что немного, раны уже начали заживать.

Эйллар коснулся моего запястья. Мягко, бережно, но я все же сперва напряглась. По венам заскользил приятный холодок, постепенно сосредоточился в бедре и под лопаткой. На секунду я зажмурилась, когда кожу больно дернуло несколько раз, затем почти сразу наступило облегчение.

— Хватит, дальше само заживет, — я повела рукой, убирая пальцы Эйла от своего запястья. — Может, мы, наконец, поговорим о главном?

— Я часто приходил сюда, — он молчал несколько минут, словно собирался с мыслями. — После того, что случилось. Сперва каждый день, потом чуть реже. В последние годы — пару раз в месяц. Все надеялся, что ты однажды вернешься.

Не совсем то, что я считала главным. Хотя, если так посмотреть, с мертвой точки сдвинулись.

— Правда? — невольно усмехнулась. — Тогда почему в саду мое надгробие? — я хотела сперва услышать ответ, но следующий вопрос вырвался сам. — И почему ты тридцать лет так старательно не давал о себе знать? Не потому ли, что похоронил меня?

Я выдержала его прямой взгляд не без труда. Мне показалась, что яркая зелень глаз Эйла потускнела.

— Надгробие поставила моя родня, — вздохнул он. — Чтобы не было вопросов, куда ты пропала.

— Но ты не спорил?

Эйллар повернулся ко мне левым ухом. Я догадалась, что он пытался показать. Три мелких золотистых сережки в ухе: темно-зеленый камешек — символ его рода, голубой — отражение статуса советника при правителе, золотистый полупрозрачный — знак, что перед вами чей-то муж.

Вдовцу, по правилам, полагалось носить четвертную, черную, либо снять третью, если он пережил утрату и готов к новому браку.

Дебильные правила, но в свое время пришлось их вызубрить ради Эйла.

— Я всегда знал, что ты жива.

— Так какого же хрена произошло?! — вдруг сорвалась, голос стал жестче. Надо было выпить больше чаю, но теперь думать об этом поздно: я так резко поставила кружку на стол, что расплескала все вокруг. — Почему наша дочь мертва, а ты — жив? Кого я похоронила?

— Лина, тебе стоит успокоиться, — он поставил и свою чашку, протянул ко не руки, но напоролся на мой взгляд и благоразумно убрал их. — История непростая, с ходу не расскажешь.

— Ты сказал, что надеялся на мое возвращение, так? — хмыкнула я. — Полагаю, что за тридцать лет должен был отрепетировать подходящее встрече объяснение. Давай, вещай.

— Я не придумывал никаких оправданий.

— Очень зря, — покачала головой. — Правда, не очень понятно, почему? Надеялся, что от одного твоего появления я впаду в такой экстаз, что мне мозги последние отшибет?

— Ты на меня злишься? — он будто удивился, изумленно вскинул брови.

Видят эльфийские боги, я изо всех сил пыталась быть деликатной.

Не вышло.

— Что ты, как можно, — я изобразила оскорбление его подозрениями. — Как можно злиться на бедолагу, годами бродившего по развалинам со слезами на глазах и воспоминаниями в сердце?! На это способна лишь последняя мразь. Ну или та, что три десятилетия скорбела по нему, как дура!

В груди вспыхнула ярость. Старая, но, как оказалось, совсем не утихшая. Я была так отчаянно зла на него, что он посмел оставить меня одну, умерев, хотя у алтаря клялся быть рядом вечно. А сейчас эта злость просто чуть сменила окрас.

Он оставил меня одну будучи живым. Как по мне, это хуже в разы.

— Я провела в этом гребаном доме несколько недель после похорон, — голос дрогнул от злости, хоть и остался тихим, спокойным. — Недель, Эйл. Сходя с ума в одиночестве, пытаюсь понять, что произошло, кто за этим стоит. Что мне теперь делать. Выслушивая обвинения твоей родни, что, не поддайся ты моему желанию жить подальше от дворца, все были бы живы.

— Линаэль, я...

— Не смей меня так называть! — я ткнула в него пальцем. — Где ты был все те недели? Где был больше тридцати долбанных лет?!

Я все же сорвалась на крик. Что ж, это, по крайней мере, не слезы.

— Ты действительно хочешь выслушать все прямо сейчас?

— Да.

Эйлар прошелся по комнате, нервно потирая шею. Я терпеливо ждала.

— В тот день, через пару часов после твоего ухода, меня навестил по делу Веариэль, мой кузен, — Эйл отвернулся от меня к окну, уставился в него, не моргая. — Он остался в саду с Шатиль, я отлучился в дом, уже не помню, зачем. Услышал шум, выбежал обратно и увидел труп Веара в окружении трех алатов, а рядом — Роланда и Шатиль. Я понял, что он собирается сделать, за секунду до того, как... Как на нашу девочку обрушился удар. А когда понял, что Шатиль мертва — как будто голова отключилась. Я бросился за Роландом, потом помню только, как получил несколько ударов ножом в лесу и отключился.

Эйл продолжал рассказывать дальше, как провалялся в лесу черт знает сколько, как его нашли практически трупом какие-то незнакомцы, и он долго отлеживался у них без сознания, как вернулся в дом, в котором никого уже не было, и никто не знал, куда я делась.

Я слушала вполуха, думая только о том, какой груз носит в сердце Эйлар. Мне пришлось услышать от посторонних о смерти дочери, ему — увидеть это своими глазами, не имея возможности помешать.

— А потом до меня дошли слухи, что ты вернулась в свиту Вильгельма, — голос Эйла отвлек меня от собственных мыслей. — Знаешь, я в первую секунду буквально возненавидел тебя.

— Потрясающе, — грустный смешок вырвался сам собой. — Думаешь, я бы вернулась туда, зная, что он стоит за вашей смертью?

— Нет, Лина, я знал, что такое невозможно, — мужчина все же посмотрел в мою сторону. — Возненавидел за то, что ты не догадалась о причастности Вильгельма. Это ведь с его стороны постоянно шли угрозы, кто же еще мог решиться на нашей с Шатиль убийство? Я злился, что вера в его доброе отношение застилала тебе глаза на истину.

— Угрозы? — опешила я. — Ты никогда не говорил о таком.

— Вильгельм периодически передавал мне привет, — поморщился Эйл. — Он недвусмысленно давал понять, что если я или Шатиль будем слишком сильно мешать твоей работе на него, — он решит этот вопрос по-своему.

— И ты не посчитал нужным рассказать мне? — я зло взмахнула руками.

— Для чего? — по лицу мужчины промелькнула тень, в уголке губ появилась горькая усмешка. — Чтобы ускорить расправу Вильгельма? Да и я думал, что ты знала об этом, поэтому и продолжала работать на него.

— Но потом, после того, как все произошло, — я невольно шагнула ближе. — Почему ты не попытался сообщить мне, что жив, что старый ублюдок, которому я служу, убил нашу дочь?

— Потому что боялся за тебя.

— Что это значит?

— Лина, я пытался связаться с тобой, — откровения Эйллара шокировали меня одно за другим. — Несколько раз пробовал, но наткнулся только на Рола. Сначала он пытался врать, что ты знаешь всю правду о смерти Шатиль, но тебя это не колышет, ты рада вернуться к прежней жизни. Потом Вильгельм соизволил посетить меня лично. Он сказал, что если я еще хоть раз напомню о своем существовании — ты умрешь у меня на глазах, как и Шатиль, но не так быстро и просто. А спустя пару месяцев после этого твоя бывшая свита разорвала все связи с этим миром.

— Почему не попробовал вызвать Аса?

— Зачем? — Эйл снова криво усмехнулся, потянулся заправить мне волосы за ухо, и я не стала его одергивать. — Чтобы ты влезла в конфликт с Вильгельмом, из которого вряд ли бы выбралась живой? Если для спасения единственного ценного, что у меня осталось, мне надо было быть мертвым — так тому и быть.

Мне нечего было возразить. Я понимала его. Очень хорошо понимала. Скажи мне Вильгельм, что ради безопасности Эйла и Шатиль надо, чтобы они поверили в мою смерть, я бы не то, что инсценировала это — без колебаний избавила бы мир от своего присутствия.

— Тогда зачем надеялся на новую встречу? — я осторожно коснулась плеча мужчины. — Раз выбрал остаться мертвым?

— Тебя можно прежде хотя бы обнять?

После секундного колебания я кивнула.

Руки Эйллара сомкнулись у меня за спиной, буквально укутывая в привычное тепло. Почти как раньше. Я неуверенно обхватила его за пояс, уткнулась лбом в плечо, вдохнула запах скошенной травы, свежих яблок, меда. Теперь к нему примешивался аромат лилий, и мне усилием воли пришлось заставить себя остаться на месте, не отпрянуть.

— Потому что никогда не переставал тебя любить, — пробормотал Эйл мне в макушку. — Линаэль, это ведь так очевидно. Тебя невозможно забыть.

Я зажмурилась, не зная, что тут можно сказать. Понятно, какого ответа ждет он, но...

Додумать не вышло. Мужчина чуть отстранился, а в следующее мгновение я ощутила, как его губы оказались на моих. Мягко, почти невесомо, словно он сам не был уверен, что имеет на это право. Такой осторожности за ним я не помнила.

Первым порывом было оттолкнуть его, речь шла только про объятия. Я даже изумленно захлопала ресницами, уперлась ладонями ему в грудь, но потом остановилась.

Его губы были теплыми, знакомыми. Слишком знакомыми. И в поцелуе не было жадности, страсти. Только почти болезненная нежность. Настолько хрупкая, что я не решилась ее сломать.

Я просто позволила поцелую продолжиться. Позволила Эйлу обхватить мое лицо руками, закрыла глаза, ответила, пытаясь вспомнить, каково это было когда-то.

Пока не поймала себя на странной мысли, что совершенно ничего не чувствую.

Глава 2

Из всех моментов, чтобы войти, я выбрал наихудший. Вообще-то, мог бы и предположить, что разговор смолк не просто так, но повел себя, как дурак.

В комнате, собственно, больше и не на что было обращать внимание, кроме дивной парочки. Около окна, в свете солнца, остроухий держал ее лицо в ладонях, а она...

Чтоб меня.

Они целовались.

Неторопливо, осторожно. Не заметив звука открывшейся двери. Так, что я чертовски явно почувствовал себя третьим лишним. Застыл на пороге, чувствуя, как в груди разворачивается что-то холодное, мерзкое и вязкое, давит на ребра.

Какого хрена она творит? С этого мудака взять нечего, он с первой минуты своего появления, как по мне, буквально пожирал ее взглядом, но ведьма?.. Дьявол, она же с мозгами. Она же боялась даже поговорить с ним, а теперь что?

А теперь Лина рядом с тем, кого любила и, похоже, до сих пор любит. Какие претензии могут быть с моей стороны? Я сам отправил ее сюда, своими руками отдал остроухому.

На секунду мелькнула здравая мысль — уйти прочь. Сделать вид, что меня вообще тут не было, оставив их наедине с этим маленьким трогательным моментом. Проветриться, выдохнуть.

Мысль прожила ровно до того мгновения, как я заметил, что руки Эйла переместились на Линину талию, прижимая ближе к себе. Уверенно и спокойно, будто так и надо.

К черту. Перебьется.

— Простите, если помешал, — закрыл дверь пинком так, что она звучно хлопнула.

Сладкая парочка отпрянула друг от друга. Эйл обернулся на меня с плохо скрываемым раздражением, не торопясь убирать лапы от ведьмы. Лина же выглядела... растерянной. Не смущенной или разочарованной, что их прервали. Именно растерянной. Это выбивало из колеи еще больше. Как-то не похоже, чтобы ведьма наслаждалась моментом. В отличие от остроухого с лоснящейся рожей.

Я отвернулся, прошел к креслу, где все еще валялись разбросанные вещи, начал записывать их в сумку, стараясь не смотреть по сторонам. Просто надо было занять руки, чтобы они не сжимались в кулаки уж слишком явно.

— Хорошая новость, — застегнув сумку, я посмотрел на Лину, намеренно игнорируя этот ее воскресший довесок. — Ко мне магия вернулась. Можем валить отсюда.

— Валить? — недоуменно моргнула ведьма. Она словно еще не до конца собралась с мыслями. — Что ты имеешь в виду?

— То, что говорю, — пожал плечами. — Ричард, талиеры, письмо демонов — есть чем заняться. Помнишь про свои неотложные дела?

— А твой друг? — нахмурилась Лина, подтянув полотенце, наброшенное на плечи, чтобы не сползло окончательно. Я мельком злорадно отметил, что рубашка на ней все еще моя. — Мы же ради него сюда притащились. Ты с ним связался?

Мелочь, а приятно. Надеюсь, у эльфов этого мира нет проблем с обонянием.

Мотнув головой в попытке выбросить из нее лишние мысли, я открыл было рот, чтобы ответить, но понял, что сказать нечего. Твою мать, я вообще не подумал, что скажу Лине о Роланде. Честно говоря, и не собирался говорить прямо сейчас, вообще не думал говорить о вернувшейся магии и возможности уйти, но увидел ее с остроухим, и все пошло через задницу.

— Плевать, — провел рукой по мокрым волосам, убирая их назад. — Если бы он все еще был тут — попытался бы со мной связаться. Этого не случилось, и я не собираюсь выяснять, какого хера произошло.

— Подожди, я ничего не понимаю, — Лина выглядела искренне изумленной. Хвала богам, хотя бы эта тупая растерянность растворилась без следа. — Вдруг он все еще здесь? Мы же не знаем, что именно у него было за поручение, стоит...

— Мне плевать, — оборвал ее на полуслове. — Я, может, и обязан ему жизнью. Но уж точно не твоей.

Ведьма немигающе уставилась мне в глаза, будто пыталась заглянуть дальше, понять, что творится у меня в голове. Жаль, это было невозможно. Тогда бы она увидела во всем этом бардаке, все, что хотелось ей сказать, но никак не выходило сформулировать.

Ага, а еще бы она узнала про мою связь с Ролом и выпустила бы мне кишки.

— Если ты имел в виду раны Линаэль, то я их залечил, — влез Эйл, шагнув чуть ближе к ведьме. Она отступила, чуть заметно поморщившись.

— Правда? — я выгнул бровь. — Те, что остались от кинжалов? Или от твоей тридцатилетней мнимой смерти?

Нет, держать себя в руках в присутствии остроухого было практически невозможно.

— Забавно, — Эйл прищурился и живо напомнил мне гадюку перед броском. Всю такую рыжую, яркую, светлую, но от того не менее смертоносную. — Такое ощущение, будто тебе не нравится находиться здесь, поэтому пытаешься увести Линаэль. Что еще за чушь про неотложные дела? Что может быть важнее сейчас, чем наше с ней воссоединение?

Какая жалость, что самодовольный черт не видел спиной, как ведьма покосилась на него и закатила глаза.

— Представь себе, ты несколько утратил позиции центра ее жизни.

— Заткнитесь оба, — резанули воздух слова Лины.

В коротком приказе прозвучали столь знакомые мне опасные нотки, что я машинально закрыл рот. Вот такой привык ее слышать. Наконец-то.

Остроухий же обернулся на нее так, словно впервые увидел. Ни за что не поверю, что в семейной жизни он не сталкивался с такой ведьмой.

— Что-то не так? — наивно уточнил Эйл. — Может, объяснишь? О чем говорит твой Гончий?

— Было бы неплохо, если бы мой Гончий сначала объяснил мне, что с ним творится, — хмыкнула Лина, скрестив руки на груди.

Черт возьми, не думал, что это прозвучит настолько здорово. Два слова — а так и тянет улыбнуться.

— Дес? — она щелкнула пальцами, привлекая мое внимание. — Серьезно, в чем дело?

— Ни в чем, — покачал головой, не отрывая от ведьмы взгляда. — Я действительно думаю, что нам пора возвращаться к Асмодею и твоей компании. Мой товарищ... Что ж, это больше не твоя забота.

— Ты хочешь разорвать сделку? — по лицу Лины пробежала неясная тень.

— Нет.

Действительно нет. Это то, что сейчас держит нас рядом в любом случае. Разорвать сделку — значит, отпустить ее совсем.

— Тогда я совсем ничего не понимаю, — ведьма дергано откинула волосы за плечо.

— Что я не понимаю, так какое отношение ты имеешь к его другу? — снова влез остроухий. — Линаэль, я имею право знать.

— Имеешь право? — она послала ему столь скептический взгляд, какого я в худшие моменты между нами не видел. — И прекрати меня так звать, правда, не подходящий момент.

Выкуси, самодовольный мудака.

Стоило мне мысленно усмехнуться, как разочарование испортило дивный момент.

Лина медленно выдохнула, стянула с плеч полотенце, бросила его на стол и посмотрела не Эйла. А потом начала объяснять ему, суть сделки и цель нашего визита в этот мир. Лаконично

и сухо, без лишних эмоций или деталей. В частности, о том, что выбрала меня своим палачом, предпочла умолчать.

Мне не нравилось, что она все рассказывает. То ли потому, что я не считал остроухого заслуживающим доверия. То ли потому, что это выглядело так, будто в глубине души она все же считает, что он действительно имеет право знать. Но я не стал вмешиваться, чтобы не вызвать лишних вопросов.

Кроме того, гораздо увлекательнее и интереснее было наблюдать за их неуловимым танцем по комнате. Лина делала шаг в сторону — Эйл шагал следом. Он протягивал руку в попытке коснуться — она отстранялась, поправляла волосы, скрещивала руки на груди или снова отходила. В общем, все что угодно, лишь бы избежать прикосновения.

Визуальный оргазм, ей-богу.

Но вообще, какого дьявола он тянул к ней свои культяпки, изобразив на роже вселенскую скорбь? Не то, чтобы сейчас она рассказывала что-то такое, что требовало моральной поддержки.

В конце концов, остроухий прекратил свои маневры, осознав их тщетность. Или просто услышал насмешливое фырканье, что вырвалось у меня против воли.

— Просто любопытно, что тут могла забыть свита Вильгельма? — в голосе Эйла послышался явный намек, не ясно только, на что именно. Судя по взгляду, неопознанный камень был в мой огород. — Они ведь разорвали все отношения с этим миром. Им просто нечего тут ловить.

Да уж, самому интересно было бы знать.

— Это же Вильгельм, — развела руками Лина. — Только ему ведомо, что у него за помыслы. Он мог оставить здесь какой-нибудь из своих артефактов, решить возобновить прежние отношения с эльфами — да мало ли что еще? Опять же, раз он и Рол знали, что ты жив, вдруг объявились по твою душу?

Я чуть не подавился на вдохе, в последний момент успев удержать нейтральное выражение лица. Хвала богам, ни ведьма, ни ее довесок не заметили секундного замешательства.

Так Рол знал, что этот остроухий жив?

Убью его. Клянусь, этот лживый ублюдок получит сполна.

— Думаю, стоит на день задержаться и попытаться выяснить хоть что-то, — продолжала говорить Лина, не подозревая о том, что творится у меня в башке. — Например, не появлялись ли алаты в округе, с кем могли общаться.

— Резонно, — мгновенно согласился Эйл. — Попробую поднять старые связи.

— Дес, что скажешь?

Ирония заключалась в том, что я мог ответить на предыдущий вопрос, который прозвучал. Буквально только что сообразил.

Вильгельму, вполне вероятно, ничего тут не было нужно. Вся эта сраная ситуация... Единственная причина, по которой тут оказались мы с Линой — Роланд. Который вел меня по кольцу именно к этому дому. Который знал, что Эйл жив.

Который, как оказалось, был способен на лютое дерьмо.

Полагаю, он планировал или хотя бы надеялся устроить Лине встречу с ее прошлым. Не совсем понятно пока, зачем, но некие догадки были. Я собирался проверить их в процессе знатного мордобоя, превращая лицо братца в кашу.

Ведьма выжидательно смотрела на меня, ожидая ответа на свой вопрос.

Блядь.

— Хорошо, останемся, — другого варианта не было. Придется провести тут бесполезный день.

Мало мне было этих терзаний, так остроухий решил подлить масла в огонь.

— Раз на то пошло, может, переночуем в нашей старой спальне? — с мягкой полуулыбкой обратился он к Лине. — Там гораздо удобнее, у нас будет возможность поговорить наедине, без посторонних.

Если она согласится, клянусь, я под дверью останусь, но приватного разговора не случится.

Впрочем, ее, кажется, предложение тоже не воодушевило.

— Вечером, перед сном, можем прогуляться по саду, как раньше, — продолжал как ни в чем не бывало вещать Эйл. Под шумок он все же подобрался поближе и исхитрился положить ладонь на талию ведьмы. Медом ему там намазано, что ли? — Или вместе навестить Шатиль.

Я все же поперхнулся и брезгливо уставился на чокнутого. Серьезно? Это что за кладбищенская романтика? Он же не собирался в самом деле вести ее на могилу их дочери, а потом пытаться затащить в постель?

— Для воссоединения объятий было уже достаточно, — холодно отозвалась Лина, довольно резко скидывая руку остроухого. — В той спальне, в саду и на могиле ноги моей не будет. Я остаюсь тут не ради путешествия по волнам памяти.

Мне почудилось, что она вздрогнула, будто от сквозняка.

— Если было удобно, можешь там и располагаться, — отвлек ведьму, головой указывая ей на диван. — Я посплю на кресле, так и быть.

Лина молча кивнула.

Остроухий послал мне очень недвусмысленный взгляд. Таким обычно смотрят на того, кому долгая жизнь не светит. Ненависть, полыхнувшая в зеленых глазах, была чересчур явной и плохо вязалась с его печальным образом. Я таким же взглядом дал ему понять, что угрозу заметил, но к сведению не принял.

Ведьма наш с Эйлом немой обмен мнениями друг о друге не заметила, отвлекшись на еду, расставленную на невысоком столике.

— Что ж, попытаюсь узнать что-то об алатах через старых знакомых, — чуть помедлив, остроухий снова натянул вежливо-скорбную маску. — Я вернусь к вечеру.

Желание еще чуть-чуть подгадить ему было просто-таки непреодолимым. Задумчиво покосившись на спину уходящего Эйла, решил не отказывать себе в удовольствии.

— Не переживай, за Линой я пригляжу, — заверил его безобидным тоном.

Он напоследок обернулся, но говорить ничего не стал, а потом ускорил шаг. У меня осталось стойкое ощущение, что остроухий примеривался, не добавить ли в саду четвертую статую, подальше от остальных.

Пусть попробует. Я, может, тоже не прочь проявить себя в роли скульптора.

После остывшего, но невероятно вкусного и наваристого бульона и лепешек с томленными овощами я сама не поняла, как впала в состояние лени и сонливости. Эйл ушел, Дес, немного выждав, пробурчал что-то про необходимость обойти дом и сад на всякий случай и тоже исчез. Я только только рукой вслед махнула, мол, делай, что хочешь.

Оставшись одна, перестала разыгрывать бодрость духа и тела, доплелась до дивана и шлепнулась поверх покрывал. Поизображала бездыханный труп, потом поняла, что все же мерзну больше, чем думала, и зарылась под теплое покрывало, укутавшись практически по самый нос. Намытое, наевшееся и согрешшее тело вдруг стало тяжелым, словно кости были отлиты из металла. Я только хотела было обдумать кое-что, пользуясь тишиной и благословенным одиночеством, как уснула.

Без сна, без образов. Без воспоминаний.

Когда я открыла глаза, в комнате уже царили сумерки. Несколько минут еще лежала неподвижно, прислушиваясь, потом все же нехотя села. Плечо немного затекло, но неприятной боли или усталости не было, я наконец-то почувствовала себя вполне живой и здоровой.

В воздухе приятно пахло костром, в камине потрескивали дрова, выбрасывая вверх золотистые искорки. Пламя лениво поглощало уже почти почерневшие поленья, на которых то и дело расцветали и затухали слепящие оранжевые огоньки. Не знаю, сколько я смотрела на это гипнотическое зрелище, прежде чем тряхнула головой, сбрасывая оцепенение и оглянувшись.

Ни Эйла, ни Гончего. Довольно славное пробуждение, если честно.

Поколебавшись, я все же отыскала в своей сумке пузырек с тонизирующим зельем и допила последний глоток. Лишним не будет. Вернувшись на диван, потерла глаза, стирая последние следы сна, подавила чудовищный зевок. Даже не припомню, когда последний раз так отсыпалась, мозги до сих пор набекрень.

Разглядывая огонь, я подтянула ноги к себе, обхватила их руками и положила голову на колени, развернувшись к огню. Мысли возвращались как-то неохотно, но когда подействовало зелье, — процесс пошел явно веселее.

Сперва вспомнила о Десе. У меня сложилось весьма четкое ощущение, что Эйл ему не по душе. Я и раньше не всегда Гончего понимала, но сегодня... Сперва буквально убеждает меня поговорить с Эйларом, потом психует в его присутствии. Да еще и это стремительное предложение уйти, наплевав на его крылатого друга. Он кишками завернулся, чтобы вынудить меня пойти на сделку ради спасения товарища, а теперь гори он синим пламенем? Черт знает что. Откровенно говоря, все выглядело так, будто он ревнует к Эйлу. Не понятно только, с какой стати. Даже с учетом всех странных моментов, что проскакивали между нами, и о которых я предпочитала не задумываться.

Впрочем, это как раз могло подождать. Гораздо больше меня беспокоил разговор с Эйлом и его дивный рассказ, именно об этом я думала перед тем, как отключиться.

Да, я понимала, через что ему пришлось пройти. Да, сочувствовала. Да, хотела бы сделать оговорку, что за долгие годы детали случившегося в его памяти могли подзабыться или видоизмениться, это совершенно нормально.

Но не могла.

Некоторые моменты упорно не давали мне покоя.

Например, Веаризель, погибший кузен. Я прекрасно помнила его. Они не ладили с Эйлом, порой доходило до откровенной вражды. В самом начале нашего с Эйларом знакомства они претендовали на одно и то же место советника при дворе. Оба были достаточно амбициозны, чтобы не гнушаться никаких методов в достижении цели, но Эйл оказался более удачлив — на его стороне оказалась любовница способная весьма эффективно и незаметно распугать конкурентов. В тот момент, конечно, я действовала не во имя большой любви и матримониальных планов, так надо было Вильгельму, но суть в другом. После назначения Эйла между ним и Веаром грянул скандал с кучей оскорблений и взаимных упреков, в ходе которого Веар послал густым лесом всю родню до седьмого колена, хлопнул дверью и ушел.

Так какого бы черта он приперся внезапно к Эйлу? По какому такому делу?

Допустим, хорошо, я могла бы с натяжкой поверить, что Веар наступил на горло собственной гордости и явился к врагу. Тут была и другая нестыковка.

Веар и Эйл действительно были похожи. Достаточно мощное телосложение для эльфийской расы, золотистый оттенок кожи, яркие рыжие волосы и зеленые глаза — для их рода едва ли не основополагающие приметы. Оба носили длинные волосы, ибо это традиция. Но перепутать их было весьма сложно, не близнецы все-таки. На погребальном костре я не видела лица мужа, только... Как его родители, готовившие тело к похоронам, могли не узнать собственного сына в чужом мужчине? Даже если лицо было изуродовано, черт подери.

Я вдруг нахмурилась, нащупав еще один сомнительный момент.

Зачем уродовать лицо трупа? Я могла накидать варианты ответа на этот вопрос, бесспорно, только они сводились либо к тому, что тело не должны были опознать, либо какой-то сугубо личное мести, неприязни, ненависти. Веар никаких дел с Вильгельмом не имел,

насколько мне было известно, а раз убийство совершила моя бывшая свита... Второй вариант уже как-то не вписывается. Выходит, кто-то все же не хотел, чтобы тело опознали? Или я просто нагнетаю?

Эйлар появился так незаметно, что я услышала его шаги только тогда, когда он появился в поле моего периферийного зрения. Сев в кресло напротив, где раньше спал Гончий, посмотрел на меня и удивленно вскинул брови.

— Выглядишь какой-то мрачной, — заметил он негромко.

— Думаю, — я спустила одну ногу с дивана, вторую подогнула под себя.

— О чем?

Я молчала какое-то время, разглядывая его лицо. Тревожная складка между темно-коричневыми бровями, контрастировавшими с рыжиной волос, обеспокоенный взгляд — все было знакомо наизусть. Искренний интерес и тревога, как и раньше, когда он готов был выслушать все, чем мне нужно было поделиться.

— О твоём рассказе, — дальше оттягивать неприятный момент не было смысла.

— И? — он заинтригованно склонил голову набок, подбодрив меня мимолетной улыбкой.

— У меня как-то не совсем складывается картинка.

— Лина, мы всегда были честны друг с другом, — Эйл улыбнулся еще раз. — Давай же, говори.

Я начала с самого начала. Подбирая слова, следя за реакцией, высказала свои сомнения на счет Веариэля, на счет ошибки в личности покойника. Эйлар слушал молча, не перебивая. По мере моего рассказа единственным, что выдало истинное положение дел, были гневно раздувшиеся пару раз крылья носа. А потом он словно успокоился.

— Веар просто хотел примирения, — вздохнул Эйл. — Нет ничего странного в том, что он пришел просить об этом лично.

— Хорошо, а на счет тела? Как можно перепутать двух разных лю.. эльфов?

— Лина, вся семья была в шоке, — он на мгновение устало прикрыл глаза. — Сама подумай, еще утром у моих родителей был сын, невестка и внучка, а в обед они лишились всего разом. Тем более, что им предстояло сообщить женщине, потерявшей семью, о трагедии и...

— Не хочу показаться тварью, — я припомнила, как и в каком тоне мне преподнесли это сообщение, — но твои родственники не особо-то меня жалели в тот день, поэтому побереги этот аргумент кому-то еще. Мой вопрос был о другом.

— Рядом с телом Веара нашли мой брачный браслет, расколотый. Предвосхищая вопрос — понятия не имею, как он там оказался, — Эйлар невольно потер запястье. — Поскольку никто из родни не общался с Веаром на тот момент и не знал о нашей встрече, им даже в голову не могло прийти, что рядом с телом дочери не групп ее отца.

Звучало логично. Не так, чтобы у меня не оставалось ни малейших сомнений, но достаточно логично. И все же...

— А серьги? — я неожиданно поняла, в чем еще загвоздка.

— При чем тут серьги? — недоуменно моргнул Эйл.

— Веариэль носил две, причем у вас только одна была одинаковой. Никто не обратил на это внимания? Вы же носите со своими традициями, как курица с яйцом.

На этот раз пауза как-то затянулась. Я увидела, как на лице Эйллара мелькнула тень раздражения, пальцы сжали на краткий миг подлокотники.

— Не знаю, — отрезал он. — Позволь напомнить, меня не было при похоронах.

— И ты не пытался узнать...

— Когда я вернулся к своей семье, они были рады мне, Лина. Безумно рады, что я жив. Хотя бы я, — голос Эйла стал куда резче. — Знаешь, у меня даже мысли не возникло устроить

родителям или сестрам допрос с пристрастием. Заставлять их оправдываться, анализировать, снова и снова вспоминать до мельчайших деталей тот кошмарный день!

Он вдруг замолчал, будто сказанное прозвучало жестче, чем ожидал. Но смотрел все так же прямо на меня.

Я не выдержала и опустила глаза, потому упрек был справедлив. Эйллар был прав, просто...

Меня все равно грызла это дьявольская разъедающая штука — сомнения. Понятия не имею, откуда они взялись, Эйл никогда мне не лгал, да и зачем ему? Возможно, я просто искала весомый повод держать дистанцию. Причину не подпускать его слишком близко.

— Может, дело было в этом?

— Ты просто не рада моему возвращению, вот и все, — усмехнулся Эйллар.

Я подняла голову. Он смотрел так, будто давно пришел к этому выводу, но только сейчас решился перестать делать вид, что все в порядке, и озвучил его.

— Потому ты и ищешь какой-то подвох. Чтобы оттолкнуть меня.

Я открыла рот в попытке возразить. И ничего не сказала. Эйл поймет, если услышит ложь. Всегда понимал. Разве что кроме истории с Шатиль.

— Помнишь, — коротко усмехнулся он, — когда-то ты клялась, что будешь любить меня всегда, что бы ни случилось?

В голосе Эйллара появилась горечь. Будь я проклята, одно дело думать, что честность — лучший выбор. Совсем другое — видеть, как она вонзает в сердце когда-то дорогого тебе мужчины нож с зазубринами и прокручивает его.

— Оказалось, твои клятвы не очень-то долговечны.

К горлу подкатил ком, я ощутила невероятную злость на себя. И за боль, которую причиняла ему сейчас, и за неспособность справиться с собственными чувствами. Как-то многовато слез за пару дней, я за десяток лет себе столько не позволяла.

— Скажи прямо, что тебе не меня стало плевать — не обижусь ведь, — Эйл пожал плечами. — Обоим легче будет.

Я медленно выдохнула, перебрала пальцами край покрывала, собираясь с мыслями.

— Это не так, — наконец убедилась, что вроде держусь и заговорила. — Я никогда не забывала ни Шатиль, ни тебя. Научилась не рыдать, не называть ваши имена, не говорить о вас вслух, чтобы не спятить. Но не забывала ни на минуту, — слова все равно шли с трудом. — Только мы с тобой тридцать лет жили в разных мирах. Ты — в том, где я далеко, но жива, где можно надеяться на встречу рано или поздно. А я день за днем повторяла себе, что вы мертвы. Со временем с этим учишься жить.

— Ну да, хранить любовь к мертвым не каждому удается.

Чушь. Любить мертвых всегда проще. Они уже никогда не разочаруют и не сделают больше, чем в момент своей смерти.

Черт подери, я оправдывалась, как последняя идиотка, будто была в чем-то виновата, а он... Мне неумолимо захотелось наорать. Вывалить на него все свои упреки, что я старательно сдерживала, не желая его обидеть.

Если бы Эйл не решил благородно отступить в тень, послушав Вильгельма и решив меня защитить, все могло бы быть совершенно иначе! Он не спас меня. Ни хрена подобного. Мне все равно стало известно о причастности бывшего покровителя к смерти моей семьи. Я все равно по самые уши вляпалась в это дерьмо с мезью. Только перед этим узнала, что пару лет бок о бок работаю с убийцей своей дочери, прислуживая тому, кто отдал приказ о ее смерти. Вильгельм был тем, кто вытащил меня из этого дома, гладил по головке и приговаривал, что я сильная и справлюсь. Он убеждал меня, что я сумею найти виновников, наказать их. А я... Служила ему верой и правдой, удивляясь, каким понимающим и благородным он оказался.

Если бы Эйл нашел способ связаться со мной тогда, сразу, и рассказать, что произошло, я бы потом не чувствовала себя таким доверчивым ничтожеством.

Я очень хотела закатить форменную истерику с обвинениями и криком. Но увидев его лицо — отчаянное, беспомощное — просто не решилась. Преврати я свою боль в его, легче все равно не станет.

— Попробуй меня понять, — попросила вместо этого. — И не дави, дай время.

В комнате повисла тишина, в которой даже треск поленьев уже не казался уютным.

— Ты что-нибудь узнал? — я не хотела заканчивать разговор на такой ноте.

— Нет, — Эйл покачал головой. — Никаких официальных дел с Вильгельмом никто в эльфийских землях не ведет. И не вел за последние несколько лет.

— Ясно. Знаешь, я бы поспать хотела. Не против? — откровенно соврала я. Плевать, даже если сейчас поймет, главное — остаться без него.

Эйллар рассеянно кивнул, поднялся на ноги и пошел к выходу. Но где-то за моей спиной остановился.

— Лина, — прозвучало как-то больно тихо и хрипло, — я могу надеяться, что у нас что-то выйдет?

Что-то тяжелое и неловкое — без сомнений.

— Ты уже полюбила меня однажды, тогда все тоже далеко не сразу срослось, — продолжил Эйл. — Может, попробуешь сделать это снова? Или хотя бы позволишь мне относиться к тебе, как раньше?

Я неопределенно пожала плечами, надеясь, что этого будет достаточно.

Хвала богам, после этого Эйллар все же ушел.

Ответ я знала. Только не готова была к новому витку осторожных объяснений.

Глава 3

Я была готова уйти еще утром. Не образно, вполне буквально. Еще на рассвете успела посетить купальню, одеться, собрать все вещи в сумку. Магия вроде бы возвращалась, если верить ощущениям, но все еще недостаточно, чтобы суметь самой открыть портал. Поэтому дело было за малым, найти Гончего и сообщить, что ему предстоит сыграть роль проводника.

Кто бы мог подумать, что именно теперь поймать его будет невозможно.

Проснувшись, в поле зрения я Деса не обнаружила. Когда вернулась из купальни, услышала только сухое сообщение, что он собирается на пробежку в гордом одиночестве, раньше чем успела хотя бы доброго утра пожелать. К моменту, когда на диво необщительный сегодня тип соизволил вернуться, в гостиной уже объявился и Эйл.

В его присутствии Дес стал просто невыносим. Справедливости ради, Эйл ничем не уступал. Они словно участвовали в странном соревновании: кто тоньше уколет, кто язвительнее подденет, кто первым выведет другого из себя. Ни один не повышал голос, не опускался до прямых оскорблений. Наоборот, все происходило подчеркнуто вежливо и интеллигентно. Просто от этого великосветского обмена любезностями веяло острой взаимной неприязнью.

Я молча наблюдала за этим дурдомом какое-то время, искренне надеясь, что им надоест, либо словарный запас кончится. Потом поняла, что такими темпами первой они доведут до белого каления именно меня, и старалась больше не вслушиваться в пикировки. Каждый раз, как я порывалась оттащить Гончего на пару слов, он либо отворачивался, либо отвечал на очередной выпад.

В какой-то момент и вовсе исчез из гостиной.

У Эйла после этого словно язык развязался. Он что-то готовил, ковырялся в своей сумке и никак не мог заткнуть фонтан сахарных воспоминаний.

А и к черту. Стоило разобраться тогда с другой проблемой. Все лучше, чем натужно улыбаться и неопределенно-согласно мычать на каждое «помнишь».

— Эйл, нам с Десом пора уходить, — я обронила словно невзначай, пытаюсь предугадать реакцию на свои слова. — У меня действительно проблем по самое горло, с талиерами, с Ричардом.

— Кто такой Ричард? — Эйллар ожидаемо выцепил из предложения не то, что стоило бы.

— Сын Лоркана, — вытащив расческу, я начала вычесывать волосы, безнадежно превратившиеся в один сплошной колтун за эти дни. — Суть не в нем, — махнула рукой, пресекая дальнейшие расспросы на этот счет. — Я уйду сегодня. Ас и так меня наверняка уже потерял.

— Отлично, тогда пойду с тобой.

Я оторопело моргнула и выронила щетку, больно приложившую меня по ноге.

— Что значит со мной?

Он говорил об этом так спокойно, словно речь шла о прогулке в сад. Ну или в любое другое более приятное и близкое место.

— Я иду с тобой, — невозмутимо повторил Эйллар. — Неважно, куда именно, главное вместе.

— Это лишнее, Эйл, — попыталась возразить, подняв расческу. — У тебя здесь своя жизнь, обязанности, дела. Судя по сережке, ты все еще в советниках, поэтому... Не нужно бросать все вот так просто. Я навещу тебя, как только разберусь со своими проблемами хотя бы немного, мы все обсудим.

— Да, если решишься, — хмыкнул он. — Ничего страшного, Линаэль, эльфийский двор без меня не рухнет, назначат другого, кандидатов там полно. Больше не хочу терять тебя.

— Знаешь, мне сейчас, мягко говоря, не до перипетий личной жизни, — я добавила в голос настойчивости. — Неподходящий момент, чтобы разбираться с запутанными отношениями.

Из меня буквально полился сумбурный поток слов, чтобы убедить Эйла остаться тут. Про то, как все непросто с талиерами, в какой я заднице из-за своего конфликта с Вильгельмом (на этом моменте он выдал на лице такую печаль, что захотелось ему вмазать) и прочее.

Эйлар невозмутимо встречал каждый аргумент. Талиеры — что ж, он много раз бывал там со мной, хорошо знает их, сумеет помочь по возможности. Конфликт с Вильгельмом — так он больше всех заинтересован, чтобы я взяла верх, сделает для этого все.

Боги, да у него были ответы вообще на все.

А потом он сказал вещь, против которой мне нечего было возразить.

— Пожалуйста, Лина. Не отталкивай меня еще и так. Дай хотя бы рядом остаться.

Я увидела в его глазах такой болезненный надлом, такое знакомое выражение, что сама не поняла, как согласилась. Наверное, потому что он выглядел так, будто услышь «нет» — его мир рухнет. Снова.

Осталось как-то сообщить Гончему, что теперь нас трое на пути к Асу. Вот он обрадуется, аж страшно.

От мысли о том, что я сама себе усложнила жизнь, настроение испортилось окончательно. Причина моей мрачности совершенно этого не заметила: Эйл возился у камина, готова что-то на обед. В отличие от меня он теперь просто-таки сиял.

— Помнишь, — не оборачиваясь снова завел он свою шарманку, — пикники в саду, под яблонями?

Нет, у меня маразм. Амнезия. Старческая деменция. Не девочка ведь уже.

— Ты всегда жаловалась, что трава слишком мокрая, солнце слишком яркое, насекомые гудят, — как ни в чем не бывало продолжал он, в голосе так и слышалась улыбка. — Правда, когда мы на эту траву падали, все остальное...

Я вдруг поняла, что больше не могу. Все эти слова — они словно медленно затягивали у меня петлю вокруг горла, лишая возможности дышать. Беззвучно отложив расческу, тихо вышла из комнаты, так, что Эйлар даже не заметил.

Мне нужно было побыть одной. Немного пространства, тишины, спокойствия. Благословенного одиночества.

Дойдя до конца коридора, я свернула налево, толкнула неприметную светлую дверь и вошла внутрь. Комната встретила полумраком. Когда-то здесь была моя ведьминская библиотека и лаборатория. Единственное место в доме, что было выполнено целиком и полностью в моем вкусе: темное натуральное дерево, большой письменный стол, стол под котелок и флаконы, пара стеллажей под книги и несколько запирающихся шкафчиков для многочисленных ингредиентов ведьминской кухни. Где-то дальше, в темноте у стены напротив, смутно вырисовывались контуры большого кресла-качалки.

Я провернула ключ в замке и прислонилась лбом к двери. Холодная поверхность приятно остудила. Закрыв глаза, просто медленно дышала, успокаиваясь.

— Любопытно, — раздался за спиной голос Гончего. — Я вообще-то оставил вас наедине, чтобы не мешаться.

От неожиданности я вздрогнула и резко обернулась. Дес сидел на небольшой кушетке возле высокого узкого окна с затемненным стеклом — единственного источника скудного освещения. Скрестив руки на груди, откинувшись на стену. Приглушенный солнечный луч едва выхватывал из темноты лицо мужчины, но взгляд был вполне различим. Он смотрел, не моргая. И не особенно дружелюбно, если честно.

— Похоже, что-то пошло не так, — добавил Дес с кривой усмешкой, не дождавшись от меня хоть какого-то ответа.

— Какого черта ты тут торчишь? — наконец, отмерла. — Я полдня с тобой поговорить пытаюсь, а ты словно в прятки играешь.

— Зачем? — он склонил голову набок, в остальном не меняя позы. — Рядом все время крутился более настроенный на общение тип.

— Хотела сказать, что нам пора возвращаться, — закатила глаза: похоже, я наблюдала продолжение утреннего цирка. С той разницей, что теперь партнером Гончего по пикировкам предстояло выступить мне. — Правда, есть один нюанс.

— Конечно. Есть, — сухо отозвался мужчина. — Скажешь сама? Или надо угадать?

— Эйл идет с нами.

На мгновение в кабинете стало так тихо, что мне показалось, будто я слышу шуршание потревоженной пыли где-то на полу.

— Надо же, угадал, — вырвался у Деса короткий смешок. — И за каким бы хером?

Кажется, я недооценила степень плохого настроения Гончего. Не то, чтобы он обычно был мастером изящной словесности и высокого слога, но маты в разговоре со мной проскакивали у него крайне редко.

— Сложно объяснить, — замялась, не зная, как уместить все в несколько слов.

— Попробуй, я понятливый.

— Не могу оставить его здесь, — развела руками. — Тем более, он сам этого не хочет.

Мужчина выругался. Грубо, заковыристо, буквально швыряясь словами, как камнями. Хотя бы не мне адресованными, и то радость.

Я изумленно хлопнула ресницами. Не припомню, чтобы за время нашего знакомства замечала за Гончим подобную агрессию и злость.

Повисла неловкая пауза.

А потом он вдруг стремительно поднялся с места. Пара быстрых шагов по крохотной комнате, и Дес оказался почти рядом со мной, остановился буквально в метре, словно натолкнулся на невидимую стену.

— Что с тобой происходит? — резко бросил он. — Почему ты позволяешь ему манипулировать собой?

— В каком смысле? — моргнула я.

— Его бесконечное сентиментальное нытье, — мужчина раздраженно провел рукой по волосам. — Ты правда не видишь, что он делает? Чуть оклемаешься, как он едва ли не слезу пускает и все по новой.

Возражений у меня не нашлось.

— Я наблюдаю за тобой с того момента, как понял, что этот мир тебе знаком, — продолжил Гончий уже чуть спокойнее. — Ты на себя на похожа.

Внутри что-то дрогнуло, но слов я все еще подобрать не могла.

Дес сделал шаг ближе.

— Буквально шарахаешься от него, разве что в комок не сжимаешься, когда он пытается тронуть. Но сказать этому остроухому слова не можешь, — его голос снова становился все жестче и злее. — И меня это бесит. Блядь, Лина, да ты же никому спуску не даешь, что за раболопное молчание?!

Интересная причина гнева, ничего не скажешь.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы решиться.

— Я все прекрасно понимаю, — спокойно пожала плечами.

— Что?

— Все, что делает Эйл, — на краткий миг опустила глаза, потом снова посмотрела на Гончего, уже увереннее. — Напоминания, как нам хорошо было вместе, попытки воссоздать образ тех отношений. Мы были женаты лет пятнадцать, Дес. Он ведет себя ровно так же, как раньше во время крупных ссор, когда я порывалась хлопнуть дверью, прижав ему уши.

Мужчина на секунду растерялся. Неужели не ожидал услышать, что мы с Эйлом собачились, и не раз? Кресло-качалка и плед в кабинете не просто так появились, собственно.

— Тогда в чем дело? Почему ведешься на его уловки? Делает вид, что ведешься, — тут же уточнил он.

Я неуверенно закусила губу.

Это действительно было не его дело. И с формулировками у меня сегодня было как-то туговато. Но Гончий смотрел так, будто действительно хотел понять.

— Потому что мне стыдно, — признание в итоге все равно вырвалось совершенно неожиданно для меня. — Я его не люблю. Уже очень давно.

Слова прозвучали как-то слишком громко, хотя говорила я на полтона тише, чем обычно. Теперь, когда неприглядная истина вырвалась наружу, на душе стало чуть легче.

— Долгие годы догадывалась об этом, просто не хотела признавать, а сейчас, когда он внезапно воскрес, убедилась.

— Так скажи ему, — Дес все еще выглядел сбитым с толку.

— Может, сразу нож в глотку вогнать? — невесело усмехнулась я. — Все не так просто. Я вижу в его глазах ту же любовь, что была раньше. Словно за тридцать лет она не просто не исчезла, но стала крепче, — невольно поморщилась, словно лимон прожевала. — Вчера он упрекнул меня, что мои клятвы любви оказались недолговечны.

Я мысленно гоняла эти слова по кругу полночи, не в силах избавиться от поганого ощущения. Да, у меня нашлось, что возразить в тот момент, как объяснить перемены в себе. Вот только...

— Что, если он прав? — горло неприятно сжалось, я снова опустила взгляд, потому что так говорить было проще. — Я не смирилась со смертью Шатиль, никогда ее не прощу, а Эйл... После него были другие, и не то, чтобы в постели с ними я чувствовала себя предательницей или после рыдала от нахлынувших воспоминаний. Вдруг с его утратой вышло справиться потому, что я просто не так уж сильно его и любила? Боюсь даже представить, что он почувствует, если это услышит.

Гончий молчал.

Мог бы хоть хмыкнуть для приличия, что ли.

— Поэтому он идет с нами, — решила все же закончить свою странную исповедь в темноте. — Не уверена, что стоит разбрасываться теми, кто мною дорожит. Это большая редкость, встретить того, кто знает о тебе самые кошмарные вещи, пережил по твоей вине ад, но все еще хочет быть рядом.

Я подняла глаза на мужчину, и только теперь поняла, что он оказался совсем рядом. Даже не заметила, как подошел. И не сразу поняла, что происходит, просто мир вдруг сузился до пространства этой комнаты, до тех жалких сантиметров, что нас разделяли.

Пальцы Деса, теплые, грубоватые, едва ощутимо провели вдоль скулы, замерли ближе к уху. Так осторожно, будто он боялся надавить сильнее. Взгляд пробежался по мне, остановился на губах. Следом по подбородку, чуть задевая нижнюю губу, проскользил большой палец.

Прежде, чем я успела осознать, что он собирается сделать, и как-то помешать, мужчина склонился к моему лицу.

Поцелуй все равно вышел неожиданным. Не резким. Не требовательным.

Скорее... пробным. Его губы мягко коснулись моих, неуверенно, будто он пробовал на вкус незнакомое вино, не решаясь сделать полноценный глоток.

Я застыла. Не потому, что хотела его остановить, просто тело забыло, как двигаться.

Ладонь Деса медленно опустилась с моего лица на шею, успокаивающе погладила бьющую все сильнее жилку. От крохотного движения по позвоночнику пробежала тонкая дрожь, не имеющая никакого отношения к холоду.

Гончий углубил поцелуй совсем немного. Ровно настолько, чтобы не осталось сомнений: он сдерживался. Очень сильно.

Его рука с шеи скользнула дальше, к затылку, пальцы запутались в прядях волос, чуть сжали их у корней, удерживая меня рядом.

Боги, не то, чтобы мне хотелось вырваться.

Я слышала его сердцебиение, чувствовала дыхание — обжигающее, рваное.

И вдруг ощутила, как внутри откликнулось что-то острое, горячее, настолько сильное, что низ живота мгновенно стянуло сладкой болью. Я ответила, так же осторожно, едва заметно, но достаточно, чтобы Дес понял. На секунду он остановился, а потом его губы стали куда увереннее. Поцелуй все еще оставался сдержанным, едва ли не целомудренным по моим меркам, но в нем появилась волнующая глубина. Медленная, тягучая, заставляющая сердце сорваться на какой-то сумасшедший забег. В груди стало невыносимо тесно.

Когда Гончий отстранился, я была почти разочарована. Он еще раз коснулся моих губ, не удержавшись, потом уткнулся лбом в мой лоб, прикрыл глаза. Я не двигалась, чтобы не разрушить эту близость, что волновала не меньше прочего. Пальцы Деса неторопливо перебирали мои волосы, время от времени легко поглаживая за ухом. От этого безумно хотелось потереться о него всем телом.

— Я не прошу ничего, только, — севший голос мужчины звучал намного ниже обычного, вызывая очередной табун мурашек на моей спине, — скажи, что мне не показалось.

Он все же отстранился, посмотрел мне прямо в глаза. От его взгляда перехватило слабые остатки дыхания.

— Пожалуйста, Лина, — по лицу Гончего пробежала неясная мрачная тень. — Просто скажи, что между нами действительно что-то происходит, — он коротко усмехнулся, и в этой усмешке не было легкости. — Я ведь не ошибся, ты отозвалась?

Я молчала, не в состоянии собрать себя в кучу, чтобы ответить хоть что-то вразумительное. Мужчина передо мной впервые казался растерянным, сомневающимся, и это выглядело в разы честнее любого страстного порыва. Не каждый может позволить себе показать собственную слабость. Я не умела этого, по крайней мере так, чтобы не гнобить себя сомнениями, стоило ли.

Дес смог.

И когда ответа не прозвучало, его лицо окаменело. Он задумчиво кивнул сам себе, отступил на шаг назад.

— Не злись, — мужчина сунул руки в карманы, изобразил кривую улыбку. — Я должен был это сделать, иначе бы потом клял себя за трусость. Можешь вмазать, если так будет проще.

Глядя на него я ощутила мерзкий холод. Гончий отошел, и я вдруг замерзла, как никогда. Только что он был рядом, близко, а теперь расстояние между нами казалось издевкой, ошибкой.

Я послала здравый смысл к черту и шагнула вперед. Обвила его шею руками, привстав на цыпочки, запустила пальцы в волосы, оказавшиеся жестче, чем мне думалось, нетерпеливо притянула ближе к себе. Дес недоверчиво нахмурился, будто не до конца верил в происходящее. Я поцеловала его сама. Без дурацкой осторожности, потому что вспыхнувшая жажда горела слишком ярко, к тому же мне захотелось стереть с его лица эту уязвимость. Ощутила на своей талии крепкие объятия, обжигающие кожу даже сквозь ткань рубашки, и не сдержала стон, когда Гончий притянул меня ближе к себе. По телу разлилась горячая головокружительная волна, колени предательски ослабли. Я не хотела, чтобы это заканчивалось, и только крепче вцепилась в мужские плечи. Прямо сейчас ничего не имело значения, кроме прикосновений Деса и ощущения его тела под моими руками.

Я даже не понял, как мы оказались в таком положении. Помнил только, что ее поцелуй оглушил, стер последние сомнения, а дальше я просто потерял голову, как последний дурак. Мягкий толчок ее порыва, шаг-другой, потеря равновесия — и вот я сижу на той самой кушетке у окна.

А Лина на мне. Обхватив коленями мои бедра, прижавшись так тесно, будто между нами вообще не должно быть никакого расстояния. Ее вес ощущался жаром, плавящим самообладание. Я откинулся назад, оперся спиной на стену, позволяя ей навалиться чуть сильнее.

Не переставая целовать ее ни на мгновение.

Ведьмины губы были горячие. Жадные. Мягкие. Я мог поклясться, что на вкус они оказались сладкими с горчинкой, будто ягоды после крепкого алкоголя. Дыхание смешивалось с моим, и когда она чуть больше раскрыла губы, я больше не мог удержаться.

Мой язык коснулся ее, изучая, пробуя, заигрывая. Будь я проклят, но поцелуй с Линой оказался куда опаснее, чем любой другой прежде. Она со стоном выдохнула мне прямо в рот, и это отозвалось где-то глубоко внутри меня болезненной, почти сладкой судорогой. Ведьмины волосы волной упали вниз, укрыв нас от солнечного луча. От их терпкого и уже дьявольски знакомого вишневого запаха у меня буквально помутнело в голове.

Она отзывалась на каждое движение.

На каждое.

Чуть сильнее сжимал ладонь на ее талии — она едва заметно выгибалась навстречу. Проводил пальцами по ее спине — дыхание Лины сбивалось, она вздрагивала. Я чувствовал это всем телом, кожей, и от этого было практически невозможно думать.

Черт подери...

Я ведь до сих пор до конца не верил, что все происходило на самом деле.

Что моя ведьма здесь, она в моих руках по собственной воле. Что ее пальцы едва не царапают меня от нетерпения.

На мгновение Лина вдруг замерла. Оторвалась от моих губ, не отклонилась, но заглянула мне не просто в глаза, а словно в самую душу. Длинные ресницы дрогнули, я смог рассмотреть в ее взгляде какую-то крошечную тень.

Дьявол, она пыталась думать. А ей это категорически нельзя. Только не сейчас.

Я не дал ей сказать ни слова, просто притянул обратно к себе, целуя, чуть прикусив нижнюю губу.

— Ради всего святого, только не думай, — вырвалось практически умоляюще.

Ведьма снова расслабилась, впиваясь в меня губами. Ее руки заскользили вниз, пальцы нащупали пуговицы рубашки. Я почувствовал, как расходится в стороны ткань, а в следующую секунду ее ладони медленно двинулись вниз по моей груди.

К черту, я был осторожен слишком долго.

Я спустился поцелуями к ее шее. Кожа там была тонкой, обжигающе горячей, пульс под губами колотился неровно, с бешеной силой. Я провел языком по этой бьющейся жилке, и ведьма тихо втянула воздух сквозь зубы, запрокинув голову назад.

Блядь.

Очертил ладонями ее талию, с нажимом провел по бедрам до самых колен и обратно. Ощущение напряженных мышц под руками было фантастическим, но ткань... Ткань раздражала, мешала почувствовать мою ведьму. Ладони сжались на ее ягодицах, я прижал Лину к себе настолько тесно, чтобы у нее не осталось никаких сомнений, какое сокрушительное воздействие она на меня оказывает. На долю секунды она замерла.

А потом вдруг соскользнула с моих коленей там быстро, что я даже не успел понять, что произошло. В мгновение ока оказалась в нескольких шагах, тяжело дыша и пытаюсь привести в порядок одежду.

В реальность я возвращался медленно, нехотя.

— Лина? — прохрипел с трудом.

Она поправляла волосы, не глядя на меня. Только попытался встать, подойти, но ведьма упреждающе вскинула руку и покачала головой. Жест простой и короткий, но весьма понятный.

«Не надо».

Я остался сидеть на месте. Возбуждение гудело в крови почти оглушительно. В голове царил дикая, почти пьяная радость от того, что только что происходило. Но поверх мелькнула тревога. Я сделал что-то не так? Перешел черту?

— В чем дело? — спросил тихо, боясь спугнуть.

Лина молчала, отводя взгляд.

Меня вдруг накрыло волной ярости. Вспомнились ее слова про стыд перед остроухим.

— Все из-за него, да? — слова вырвались резче и грубее, чем хотел.

— Что? — ведьма недоуменно моргнула.

— Из-за Эйла, так? — имя почти выплюнул. — О нем задумалась?

Лина смотрела так, будто я сказала что-то совершенно нелепое.

— Нет.

— Тогда какого... — я осекся, зло провел рукой по волосам. Надо было сбросить напряжение хоть куда-то. — Ты слетела с меня, как ошпаренная.

— Я... Я не могу, — ведьма растерянно развела руками. Закусила припухшую губу, будто задумалась. — Все слишком...

Лина беспомощно махнула рукой, прошлась по комнатке.

— Плохо? — поторопил, не в силах дожидаться ответа.

— Нет же, боги, — она так быстро развернулась, словно испугалась услышанного. — Слишком хорошо. Дес, я не думала о тебе в таком ключе. До этого момента не думала. А сейчас практически потеряла голову.

— Так *это* плохо? Что тебе понравилось?

— Скорее неожиданно, — ведьма нервно выдохнула. — Со мной такого давно не происходило.

Словами не передать, какое облегчение я испытал. По крайней мере, она вроде не пыталась сказать, что жалеет.

— Ты сам сказал, что ничего не просишь, — Лина посмотрела прямо на меня. — Только...

— Все в порядке, — невольно усмехнулся, прерывая ее скомканные объяснения. — Не оправдывайся, не надо.

— Мне просто нужно немного выдохнуть...

— Не оправдывайся. Я никуда не денусь.

Меньше всего на свете мне хотелось отпустить ее из этой комнаты. Даже если бы она просто осталась стоять на отдалении, а не вернулась в мои объятия.

Но ей, похоже, действительно нужно было пространство, поэтому пришлось изобразить деланое спокойствие.

Лина шагнула к двери, отперла. А перед тем, как выйти, вдруг обернулась на самом пороге и внимательно на меня посмотрела. Не знаю, что было в этом взгляде, но от него внутри все буквально переворачивалось.

Оставшись один, я со стоном рухнул на кушетку, распластавшись в ней настолько, насколько было возможно, уставившись в потолок. Только теперь заметил, что чертова конструкция жесткая, как доска.

Закрыв глаза рукой, медленно выдохнул и попытался прийти в себя. Стараясь при этом не обращать внимания, что творится в штанах.

В голове напрочь засела только ведьма. Ее признание, что остроухий — лишь призрак из прошлого. То, что происходило между нами буквально пару минут назад. Это вызывало довольную, сытую улыбку.

Правда, никак не способствовало успокоению, несколько раз пришлось поправить окаменевший член, давящий на брюки. Нет, пока лучше размышлять о чем-то менее приятном.

Когда только появился Эйл, я всерьез подумал, что на этом все. Придется отступить, потому что раз она все еще любит его — третий тут лишний. Потом заметил, что ведьма не торопится бросаться ему на шею, но заставлял себя отказаться от малейшей надежды. Мол, это просто шок, сейчас Лина осознает, что вернулся муженек, а там и засветится от счастья.

Теперь я знал истинное положение дел. Она сама сказала. Можно больше не додумывать, насколько дорог ей этот остроухий.

«Я его больше не люблю». Эти слова объясняли все странности ее проведения, крутились в моей голове заезженной пластинкой. Бесспорно, Эйл все же занимал какое-то место у нее в мыслях, может, даже и в сердце. Только гораздо меньшее, чем сам рассчитывал.

Значит, повоевать за ведьму придется не с ним. С ее прошлым, страхами, недоверием, которые она скрывает. Вполне вероятно, с этим блядским самоконтролем, который выдернул ее из моих рук даже в таком состоянии. Но с этим я могу сладить.

По ощущениям, мне понадобилось не меньше часа, чтобы окончательно прийти в нормальное состояние, в котором можно было бы показаться на людях. Возвращаясь в гостиную, чтобы увести Лину обратно к Асмодею, я изо всех сил убеждал себя при виде остроухого не скалиться от уха до уха.

Выскользнув в коридор, я едва не запнулась о собственные ватные ноги, чудом удержала равновесие. Сделала несколько шагов, будто боялась погони, а потом не выдержала. Тяжело привалилась к стене, пытаясь отдышаться, не без труда поборола желание сползти по ней вниз. От того, насколько сильно колотилось сердце, буквально шумело в ушах.

Да уж, успокоилась, ничего не скажешь.

Я не солгала Десу. Ни делом, когда в полубезумном состоянии приземлилась ему на колени. Ни словом, когда призналась, что случившееся было слишком хорошо.

Действительно было.

Настолько, что после событий последних дней я впервые почувствовала, будто вынырнула из беспросветной пучины и получила столь нужный глоток воздуха. Острый, колющий и разрывающий легкие, саднящий в горле, но такой необходимый, чтобы почувствовать себя живой.

Настолько хорошо, что пугало.

Усилием воли замедлив дыхание, я сжала пальцы в кулак, ногтями впиваясь в кожу. Тело все еще чувствовало отголоски прикосновений Гончего. Мне до сих пор казалось или помнилось, черт разбери, как скользили его руки, как касались губы. Каким надежным и странно знакомым казалось его тело под моими ладонями. Словно между нами уже что-то было, просто голова об этом не помнит, а тело — очень даже.

Я сильнее прижалась затылком к каменной кладке. Предательский влажный жар между ног, горячая дрожь — отсутствие Деса не помогало справиться с собой. Впрочем, хотя бы не позволяло пасть дальше. Нервный смехок вырвался оглушительно громко: останься я там, дело бы кончилось плохо, я была буквально в одном крохотном шаге от того, чтобы стянуть с Гончего штаны. Тем более после того, как ощутила, насколько он сам заведен.

Собственно, именно поэтому нашла в себе силы остановиться. Со мной слишком давно не случалось подобного. Если вообще случалось. Ярче всех всегда помнился Эйл, но там все было иначе. Он не выбивал у меня почву из-под ног первым же поцелуем. Интерес, притяжение

возникли почти сразу, только прошло немало времени, прежде чем я убедилась, что это мое. И еще больше, пока решила, что он стоит того, чтобы закрыть глаза на некоторые препятствия.

Так какого же дьявола тут все иначе?! С условием, что между мною и Десом не то что препятствия, а пропасть из взаимной неприязни и сарказма. Я в самом деле не думала о нем, как о мужчине. Во всяком случае, как о мужчине, которого не прочь попробовать, который искренне заинтересован во мне. Пара относительно пикантных моментов не в счет, если бы я теряла голову от каждого, с кем происходило что-то подобное, Ас бы давным-давно отстал от меня с проповедями на тему сдержанности.

Хотя гораздо больше меня беспокоило другое. Спятившее вконец тело — ладно, скорее всего результат более чем двухлетнего воздержания, замешанного на тайной слабости к хамам, умеющим прикинуться деликатными.

С какой стати я стала объясняться?

Нет значит нет. Передумала, не захотела, не понравилось. Отпихнула и ушла прочь, плевать, кто и что подумает. Но мне отчего-то было важно, чтобы Гончий понял все правильно. Почему я остановилась, отстранилась, что он не сделал ничего плохого. Отчего-то я не хотела снова увидеть в его глазах то же разочарование, обиду.

Твою мать, я мало кому объясняла причины своего поведения. Еще меньше боялась кого-либо расстроить отказом. Даже Эйлу не всегда везло...

Я вдруг резко выпрямилась, костеря себя последними словами. У меня совершенно вылетело из головы, что, так или иначе, вернувшись в гостиную, придется с ним столкнуться.

Эйлар семисотлетний с хвостиком эльф, не наивный юнец. Он видел меня всякой, тем более возбужденной. Поэтому ему не составит труда с легкостью определить, что со мной творится. А раз уж нас в доме всего трое, и он меня пальцем не касался, то и вычислить виновника моей горячки будет проще простого.

Тем более, что я будто насквозь пропахла Гончим. Понятия не имею, было ли это так на самом деле, но сама я ощущала теплый и свежий, чуть древесный аромат довольно явно.

— Поехавшая идиотка, — припечатала сама себя, с досадой покачав головой, и направилась в купальню. Может, станет получше, если хотя бы умыться?

Наклонившись над чашей в углу комнаты, я зачерпнула ледяной воды и практически хлестнула себе в лицо. Раз, второй, третий. От холода сводило руки, но, похоже, он все же неплохо отрезвлял. Я провела несколько раз мокрыми руками по шее, по ключицам. Если и не смогу смыть запах полностью, хотя бы прибью его немного.

Замерев, я уперлась руками о каменные края чаши, склонилась над ней. Капли воды с лица и шеи падали вниз, гулко разбиваясь о дно.

Чувство облегчения накатило внезапно, заставило покачнуться. Меня словно теплый ветерком обдало, пробравшимся под самую кожу. Недоверчиво нахмурившись, я вскинула левую руку и легонько перебрала пальцами в воздухе. Синие искорки зарождающегося портала мелькнули почти ослепительно.

Боги, наконец-то. Без магии мне было сильно не по себе.

Хоть что-то сегодня идет нормально, а не через задницу.

Я умылась еще раз, уже намного спокойнее, щелкнула пальцами, подсушивая промокший ворот рубашки и прядки волос у лица. К тому моменту, как я вышла из купальни, ничто не напоминало о том, что я окончательно поехала башкой совсем недавно.

В гостиной обнаружился уже не только Эйл, но и Гончий. Разнообразия ради оба друга игнорировали. Сидели молча, уставившись в диаметрально противоположные стороны. Я не удержалась от смешка: оказывается, могут нормально себя вести, было бы желание.

Эйл мое появление встретил мягкой вежливой улыбкой. Поднявшись со своего места, он начал спрашивать что-то о том, почему я вдруг ушла, что делала. Все вопросы просвистели мимо моих ушей.

Потому что я поймала на себе взгляд Деса. Вроде бы и не явный, ленивый, мягкий, но в то же время цепляющий. С едва заметной усмешкой, которая будто говорила: *я помню*.

По коже тут же зазмеились мурашки.

Что хуже всего — мне не было неприятно. Напротив.

Я отвела взгляд первой, демонстративно тряхнув волосами и жестом попросив Эйла заткнуться. Забрала с дивана сумку, немного нервно махнула рукой, открывая портал. Синяя воронка послушно разверзлась совсем рядом со мной.

— На счет вас не знаю, лично я ухожу, — отвернувшись, сделала шаг в портал, но даже так чувствовала спиной, что оба последовали за мной.

Оказавшись посреди холла особняка Асмодея, я облегченно выдохнула. Все же, тут мне было в разы комфортнее, чем в собственном старом доме.

— Твою ж бабушку с копытами, — ошалело присвистнул демон откуда-то со стороны. Повернувшись на звук, я обнаружила своего друга остановившимся посреди коридора, в полуголом виде и с огромным блюдом клубники со сливками в руке. Перестав облизывать вымазанные в сливках пальцы, он подтянул расстегнутые штаны и округлившимися глазами вытаращился на Эйла.

Не знаю, куда Ас так спешил со столь пошлым романтическим набором, но о ситуации он высказался довольно метко, как по мне.

Глава 4

Времени на объяснения не было. Вернее, в целом, было, но я уже успела решить, что нужно занять себя чем-то крайне важным, дабы не погрязнуть в собственных мыслях. Например, сорваться в мир, где меня объявили мертвой, чтобы там проверить фокус в духе Эйла.

— Собери вещи, — я обернулась к Десу вполоборота, — как только все будут готовы, сразу уходим к талиерам. На месте разберусь со всем.

Хвала богам, Гончий только кивнул и ушел наверх, хотя и одарил меня чересчур долгим взглядом. Может, стоило его страстно чмокнуть еще тогда, в подворотне родного мира? Глядишь и сделки бы избежала, раз он становится таким послушным.

По коже побежали мурашки непрошенных, но весьма сладких воспоминаний, и я спешно тряхнула головой, переключившись на менее приятный объект.

— Эйл, подожди, пожалуйста, в гостиной, мне надо перебраться с Асом парой слов и собраться, — я старательно исключила из голоса раздражение ситуацией и изобразила вежливую улыбку.

— Давай помогу со сборами, — Эйлар нахмурился, не понимая, зачем его отсылают прочь. — Да и с Асмодеем много лет не виделись...

— Ох, поверь, я не соскучился, — демон подхватил меня под локоть липкими пальцами и поволок в сторону лестницы. — Располагайся в гостиной. — После пары ступеней он на секунду замер, потом обернулся на Эйла и хмыкнул. — И не вздумай там сдохнуть. Как-то бледно выглядишь.

— Ас! — одернула я друга, от неожиданности вытаращив глаза. Тот только отмахнулся и потащил меня дальше, направляясь к моей комнате.

Я помнила, что Асмодей малость не переваривал Эйллара, но, признаться, думала, что шок от воскрешения последнего скрасит этот момент. Оказалось, что шокировать Князя Ада — задачка не из простых. Мне бы его способности к адаптации.

Как только за нами закрылась дверь спальни, друг отставил блюдо с клубникой на комод, застегнул сползающие штаны и хитро прищурился.

— Вопрос, который не могу не задать, — хмыкнул он. — Чей же зад вызвал у тебя столь плотоядные греховные помыслы? Гончий или бывший?

Я поперхнулась воздухом. «Где ты его нашла, как он оказался жив, где вас носило два дня» — как по мне, более подходящие вопросы в данной ситуации. На худой конец, «как ты себя чувствуешь».

Впрочем, забыла, с кем говорю.

— Не начинай, — я закатила глаза, отмахнувшись. Потом отошла к шкафу и принялась вытаскивать из него наиболее необходимые вещи, повернувшись к демону спиной. — Надо отправить кого-то из прислуги, чтобы помогли со сборами Камилле и Терезе. Да и вообще не мешало бы предупредить всю мою компанию, что мы уходим.

Входная дверь хлопнула. Обернувшись, я убедилась, что Асмодей вышел, и медленно выдохнула. Вроде бы пронесло.

— Итак, — он вернулся буквально через несколько минут, подхватил с комода блюдо с клубникой и развалился с ним в кресле, — вернемся к десерту. На кого запала? Предвосхищая вопли возражений — я не пытался тебе целенаправленно читать, просто сам сейчас в таком состоянии, что настроен на похотливые флюиды. И они от тебя исходили.

— Бред.

— Так старая любовь не ржавеет? — словно пропустил мои слова мимо ушей этот озбоченный черт, смакуя спелые ягоды. — Стоило эльфу тряхнуть ушами из забвения, как ты потекла?

Чтоб доброго друга аллергия разобрала на сладкое.

— Тебя не затруднит хотя бы иногда выбирать выражения?! — я неподдельно обозлилась и кинула в него свернутой в ком рубашкой, но попала только в тарелку, и взбитые сливки разлетелись по обнаженной груди демона. — Шел бы, куда клубничку нес, думаю, тебя там заждались!

— Им есть чем заняться в мое отсутствие, — отмахнулся Асмодей, невозмутимо вытеревшись моей же рубашкой и отложив ее на столик по соседству. — А вот ты вся на нервах.

— Разумеется! — с досадой развела руками и устало плюхнулась на кровать, подогнув ногу под себя. — Понятно, почему...

Я пересказала демону события последних двух дней. Коротко, сжато, насколько могла, постаравшись не скатываться в эмоции. Как можно спокойнее и сухо призналась, что поведала Гончему историю своего «счастливого» брака, предпочла не скрывать его помощь с ранами. Тем более не стала умалчивать, что явление Эйла из небытия меня... нервирует. Асмодей слушал, не перебивая, даже ягоды оставил в покое.

— Тебя не это беспокоит, — он покачал головой спустя пару минут, как в комнате повисла тишина.

— Да что ты? — я едва не скрежетнула зубами. — Вообще-то, как раз очень даже. По моему, поводов для беспокойства озвучила с лихвой.

— Возможно, — уклончиво кивнул Ас. — Но, в целом, довольно спокойно обо всем рассказала. Гораздо важнее то, о чем умолчала.

О чертовом поцелуе. О том, как на меня действует Дес.

О том, что раз за разом возвращаюсь мысленно к тому, что происходило в старой лаборатории, и вовсе не потому, что жалею о своем порыве.

— Брось, Лина, я знаю тебя, как облупленную, — друг тяжело вздохнул. — Ты дважды споткнулась на рассказе, а пульс при этом ускорился. В чем дело?

Мне часто доводилось слышать от знакомых женщин, что они хотели бы видеть рядом наблюдательного и чуткого мужчину, способного заметить перемены в их настроении или что-то вроде того, уловить малейшие колебания чувств. Официально заявляю: я в гробу видала этих наблюдательных. Как по мне, так лучше сексуально активный идиот.

— Ли-и-ина, — в мягком голосе демона послышались чуть вкрадчивые угрожающие нотки. Как пить дать — не отстанет. — Ну давай же, чую лакомый кусок.

— Я поцеловала Гончегу, пытливая ты скотина, — в Асмодея пролетела еще одна брошенная в запале рубашка, оказавшаяся под рукой.

— Значит, все же выбрала тренированный зад вместо нежной эльфячьей жопы, — фыркнул друг, ничуть не оскорбившись и не удивившись. — Одобряю.

— Из твоих уст звучит просто отвратительно, — невольно скривилась, не желая думать, что демон имел в виду. Вообще-то, лет тридцать назад и у Эйла зад был вполне крепким. Но это вот вообще сейчас лишняя мысль.

— Если ты чуешь в этой фразе крамольный смысл, виноват не я, а твоя развратная головенка, — Ас едва не хрюкнул в смешке. И снова принялся за ягоды. Как назло, так аппетитно, что я едва слюной не захлебнулась. — Угощайся, — он догадливо протянул мне блюдо, потом и вовсе пересел на кровать рядом.

Да и черт с ним. Выбрав ягоду покраснее, я щедро окунула ее в сливки и едва не замурлыкала от удовольствия. Чистое блаженство. И почему только мне никто из кавалеров не догадывался ни разу притащить подобное в постель? Голову поверженного недруга — на, дорогая, не испачкайся. Пару кусняшек — ты чего, голодная что ли?

Хотя, если уж так подумать, окровавленная башка всегда была для меня бóльшим афродизиакком.

— Ну так каков наш молодчик на вкус? — Асмодей снова вывел меня из раздумий и поиграл бровями. — Сладок, как запретный плод? Солен, как кровь? Или...

Я очень любила доброго друга, несмотря на все его заморочки. Только иногда он становился просто ужасен.

— Не стану с тобой обсуждать, — помотала головой и взялась за новую ягоду. — Ни за что. Ты опошлишь даже целомудренный чмок в лоб, подаренный покойному родственнику на похоронах, так что...

— Хочешь сказать, он лежал как бревно, пока ты слюнявила ему лоб? — демон подавился и закашлялся, застучал по груди, выбивая коварную клубничку. — Всякого ожидал, но не таких извращений.

— Ас, забудь о том, что слышал, — я сердито ткнула в него пальцем. Случайно вылетевший из руки зеленый ягодный хвостик шлепнулся на кровать, но мы оба проигнорировали его короткий полет. — Не хочу об этом ни думать, ни говорить.

— Так плохо? — непритворно ужаснулся демон. — Не поверю, что он тебя отшил, так в чем дело? Не понравилось? Пожалела, что сдалась первой? *Ему* не понравилось?! — вдруг выпучил глаза друг, картинно прижав руку к сердцу. — Дорогуша, теряешь хватку...

— Да понравилось мне, упырь! — не выдержала, в конце концов. — Понравилось, понимаешь? Он меня поцеловал, оставил выбор за мной, а я словно с катушек слетела: оседлала его колени, чуть не раздела. Чудом остановилась в секунде от непоправимого. И, между прочим, ему, судя по всему, тоже понравилось.

Асмодей фыркнул и растянул губы в довольной улыбке. Поставив тарелку прямо на покрывало, демон вытянулся на кровати и подпер голову рукой.

— Хоть успела ощупать это «судя по всему»? — прохехекал он, старательно удерживая серьезную мину. Покосился на клубнику, но не рискнул подавиться еще раз.

Да, но не руками, если на то пошло. Это последнее, в чем я признаюсь Асу.

— Ты невыносим.

— За что и любим тобою, — парировал друг. — Ну так что? Есть смысл ставить на эту лошадку? В том смысле, стоит ли...

— Я прекрасно поняла, что ты имеешь в виду, — торопливо перебила его, вскинув ладонь. — И мы не будем обсуждать члены, размеры и прочее, а если попытаешься продолжить — клянусь, удушю тебя голыми руками. Итак еще долго буду жалеть, что проболталась.

— Лина, никак не могу понять, в чем проблема? — нахмурился демон. — Позволь напомнить, что вам обоим чуть-чуть так за четыреста. Даже если бы вы потрахались — все нормально. А ты на взводе из-за какого-то поцелуя. Ей-богу, как монашка, увидевшая впервые голую жопу.

— Я не кидаюсь так на мужчин даже с большой голодухи, — раз уж разговор все равно пошел в этом русле, хоть выскажусь. Не Эйлу же мне свои переживания изливать, в самом деле? — Тем более на тех, кто мне даже не нравится.

— Лукавишь, — покачал головой Асмодей. — Гончий в твоём вкусе.

— Пусть так, визуально — мой типаж...

— Он в целом твой типаж, — друг не дал договорить. — Красивый, с мозгами, обставил тебя, да еще и не боится.

— Тебя послушать, так я вообще непритязательна, — огрызнулась на него. Соскочив с кровати, я вернулась к вытаскиванию вещей из шкафа. — Дай мне смазливому хама без чувства самосохранения, как я из трусов выпрыгиваю?

— Да если бы. Непритязательным старым ведьмам двухлетний недотрах не грозит, — Ас тоже подорвался с кровати, шутиливо шлепнул меня по заду и принялся помогать, сворачивая мои вещи аккуратной стопкой. — Ты наоборот слишком заморачиваешься.

Я только скептически на него покосилась: он ведь понимает, что я все равно утрамбую шмотки в сумку, как попало? И разве плохо обладать определенной избирательностью? Сам он, между прочим, тоже не всех без разбору тащил в постель, несмотря на расхожие сплетни про «все, что движется».

— Нет ничего странного или противоестественного в том, что произошло, — демон невозмутимо вещал дальше. — Стресс, располагающая обстановка, привлекательный мужик, который дал понять, что хочет тебя, сексуальная неудовлетворенность — вот и отреагировала так остро.

— Да ты просто душевный лекарь, — хмыкнула я, подивившись его рассудительности. Наверное, во многом он прав. Объяснения звучали так логично, что стало несколько обидно: я ведь и сама думала о чем-то подобном, откуда же взялись сомнения в собственных чувствах?

— Так что, будешь пробовать мальчика до конца? — подкравшийся друг томно выдохнул на ухо, и я от неожиданности чуть не подскочила. — Признайся, хочется ведь? Вы оба только выиграете, если ты немного на нем поездишь...

— Плохая идея, — я бездумно затолкала в сумку сложенные им вещи. Демон, глядя на такое святотатство поморщился, но промолчал. — Этому нельзя давать ход. Лучше прекратить сейчас, пока все не зашло слишком далеко.

— По шкале от «я выхожу за него» до «конечно, во все щели» — что ты имеешь в виду? — удивленно вскинул брови Асмодей. Мне невероятно захотелось сделать ему новое замечание, но какой смысл впустую сотрясать воздух? — Речь ведь о сексе, а не вечной любви и клятвах верности. Погоди... Ты же не хочешь сказать, что втрескалась или на пути к тому?!

Я все же не выдержала и вlepила другу затрещину.

— Нет, конечно, — потерла ноющую ладонь о бедро. Замолчала, не желая выглядеть дурой, но потом все же решилась. — Мне показалось, что со стороны Гончегго есть что-то большее, чем желание разово трахнуть.

— Разово? В тебе совсем веры в людей нет, — хрюкнул неугомонный демон. — На мой взгляд, он способен на большее.

— Да можешь ты хоть на секунду стать серьезнее?! — я вызверилась на Асмодея, отчаянно жалея, что вообще открыла рот. Как чувствовала, что не стоило. — Меня все это пугает до трясучки, а тебе лишь бы поржать!

Рывкнув, я заткнулась, проклиная себя теперь и за последние слова.

Друг прикусил язык, очевидно не ожидав столь яркого порыва. Или нечаянного признания. Перестав скалиться, он мягко обнял меня за плечи, погладил по голове.

— Лин, я скажу тебе одну вещь, которую, вроде, уже когда-то говорил, — хмыкнул демон мне в макушку уже без тени веселья. — Значение имеешь только ты. Плевать, о чем речь: постель, чувства, дружба. Если что-то тебе не по нутру — к дьяволу. Не смей переживать, как сильно обидишь кого-то отказом, посылом. И, кстати, ради всего несвятого, умоляю, даже не думай о нежном внутреннем мире своего бывшего, когда будешь засовывать ему в глотку планы по твоему возвращению.

— Я не говорила, что Эйл хочет меня вернуть, — со смешком прищурилась, отстранившись от Асмодея.

— Еще бы не захотел, — закатил глаза друг. — Ясен хрен, зачем он притащился следом, как балласт. Ты же лучшее, что было в его жизни. Остроухому так свезло, что он должен был сдохнуть еще у алтаря, от счастья и собственного невероятного везения. А уж после брачной ночи...

— Ты сведешь к койке даже самый трогательный момент, — я вздохнула с мнимым огорчением. Вообще-то стало немного легче.

— Не без того, — пожал плечами Асмодей и выпустил меня из объятий. — Но я серьезно, Лина. Как только этот мудозвон заикнется о возвращении былого, натяни ему глаз на жопу.

Он потерял право лезть в твою жизнь, как только решил оставаться мертвым. Будь моя воля — таким бы ему и быть.

Это звучало чертовски хорошо. Прямо сейчас — настолько хорошо, что я сама верила: Ас абсолютно прав. Сохранять бы такую же уверенность в тот момент, когда я буду смотреть в глаза Эйлу.

Откровенно говоря, я вообще-то не хотела сейчас думать об Эйлларе.

— На счет Гончего тоже что посоветуешь? — перевела тему.

— О, вот сюда я не сунусь, — усмехнулся друг. — Что бы не посоветовал, в случае проблем получу по шее. Так что решай сама. Хотя, чисто как представитель мужчин замечу, что не стоит верить словам, интонациям, жестам и даже некоторым великим поступкам. Мы очень хорошо можем изображать из себя сладкий романтичный пирожок, чтобы заполучить понравившуюся даму, в то время как ничего серьезного не планируем. Да что говорить, ты же сама видела меня в деле.

— То, что ты сейчас назвал «сладкий пирожок» обычно в твоём исполнении больше смахивает на «обаятельный говнюк», — я действительно как-то не могла припомнить, чтобы Ас был милым или заботливым. Как правило, его жертвы таяли еще на стадии лукавой улыбки и не слышали ту хамоватую ахинею, что нес демон.

Асмодей, удалившийся в ванную, выглянул оттуда с той самой фирменной ухмылочкой змея-искусителя.

— Что-то отсюда будешь забирать? — он помахал мне каким-то бутылечком, вроде с шампунем.

— Выбери, что поменьше, буквально пару-тройку флакончиков, — решила перестраховаться, на случай, если временное пребывание в охранном домике затянется. — Я рассчитываю как можно быстрее обосноваться в своих дворцовых покоях, но кто знает.

— Ты уже решила, как обставишь появление у талиеров? — приглушенно раздался голос демона, бренчащего склянками в ванной. — Ворвешься в столицу с ноги с довольным воплем: «Я жива, козлы»?

— Сначала поговорю с Кристой, там видно будет, — немного поколебавшись, из шкапки с украшениями я забрала серьги, подаренные Асом, потому что никогда с ними не расставалась, и пару колец, на случай, если понадобятся деньги. — Я как-то раньше не воскресала, знаешь ли.

— А ты спроси у рыжего, — конем заржал Асмодей, появляясь в поле зрения. — Он тебе накропает сценарий на коленке.

Стоит ли считать плохим знаком, что мне за Эйла совершенно не было обидно? Напротив, я едва сдержала усмешку.

Закончив со сборами, я отдала пару небольших сумок Асу, направившемуся в гостиную, а сама чуть задержалась на пороге с сожалением оглядев свою спальню. Здесь я всегда чувствовала себя, как дома, в безопасности.

За одну только необходимость черт знает на сколько покинуть особняк друга стоило бы убить и Вильгельма, и Каролину и всех из бывшей свиты, с чьей подачи старшие демоны потребовали у Асмодея моего выселения.

Я плохо продумала план. Можно сказать вообще не продумала. Само собой, когда тут было за последние дни? Наверное, стоило задержаться у Асмодея, немного времени до его встречи со старшими демонами у нас было. Но теперь, когда при поддержке Гончего перетаскала нас всех в охранный домик на границе Тейаласа — столицы талиеров, было глупо со смущенной улыбкой чесать маковку и возвращаться обратно.

Здесь никого не было. Вообще-то весьма кстати, хотя и несколько напрягало: дом всего в пятистах метрах от священного места казни, обычно здесь всегда дежурила хотя бы одна три-

ада из личной гвардии Правительницы. Впрочем, если был объявлен траур, да еще и с закрытием дворца, не исключено, что Криста предпочла собрать всех лояльных исключительно ей солдат поближе. Все же отношения с собственными Советом у нее всегда оставались натянутыми. Девуцу на троне, с личиком ангела и стальными яйцами, мужчины как-то болезненно воспринимали.

Ну почему, черт возьми, почему у меня было стойкое ощущение, что из одного чана, наполненного дерьмом, я упорно и незаметно для себя перебиралась в больший, со столь же неаппетитным содержимым?

Пусть звучит мерзко, но стоило дать той девчонке-ведьме в Вартосе расплатиться за свою ошибку в доверии. Не влезь я в ее казнь — на мой след вряд ли бы вышла свита и Гончий. Тогда я не была бы связана сделкой, не сунулась бы в мир Эйла и не столкнулась с ним.

Ну да, а Вильгельм, возможно, получил бы сына Лоркана и сейчас экспериментировал над ним, превращая в мое жуткое подобие. Нет уж. Нет худа без добра.

Дом был меньше, чем помнился. Откровенно говоря, я и была-то здесь безумно давно, мельком. Но только теперь, осматриваясь, неумолимо понимала, насколько непросто будет наше пребывание тут. Камилла с бессознательной Терезой, Ричард, Лисия, Элазар с его запретельным ростом. Я, Гончий и Эйлар. Просто великолепно. Хвала богам, что Себастьян отсутствовал, да и Нэйт куда-то унесло. Здесь и так было не продохнуть.

Всего две небольшие полукруглые комнатухи с крайне скудной обстановкой: кровать, маленький шкаф, пара стульев. Слева — темная кладовая, напротив — такая же унизительно маленькая оружейная комната, ближе ко входу — кухня, если можно так выразиться: очаг, маленький стол, малость перекошенные от времени шкафчики. В центре домика нечто вроде гостиной с продавленным узким диваном и парой кресел в пару. По факту даже не гостиная, проходная зона, в которой двое разойдутся с трудом.

Что б меня, да спальня у Аса была больше, чем весь этот дом. Как тут можно разминуться с двумя упрямыми баранами, которые торчат по обе стороны и молчат, но очень уж выразительно переглядываются?

Впрочем, кажется, либо они прочли мои мысли, либо наконец-то взяли за собственные. Гончий в компании Элазара направился в оружейную, которую они теперь изучали с деловитым интересом, негромко что-то обсуждая. Насколько я успела услышать, оба сошлись во мнении, что стоит как можно быстрее осмотреть окрестности и установить график дежурств на случай, если появится кто-то незванный.

Эйл... Эйл внезапно стал походить на себя прежнего: бросился помогать Камилле с размещением Терезы, перестав вздыхать мне в спину. По правде говоря, он вообще теперь не смотрел в мою сторону, всецело погрузившись в разбор вещей и мягкий спор с Милой на предмет действенности снадобий, используемых ею для поддержания матери Ричарда в бессознательном состоянии. На краткий миг у меня даже мелькнула глупая надежда, что он сможет помочь: у Эйла был настоящий талант в плане целительной эльфийской магии.

Жаль только, что против последствий алатского дара она не помогала, он много лет с этим бился, но явного успеха не достиг.

Без пристального внимания мне было куда легче. И все же теснота дома давила почти физически. Спертый воздух с запахом пыли не давал как следует продышаться, поэтому швырнув одну из своих сумок (вторая была у Гончего) на диван, я вышла наружу.

Невнятное подобие веранды опоясывало дом примерно на две трети. Складывалось впечатление, что дежурившие здесь воины решили создать хоть какое-то подобие уюта в каменной хибаре, поэтому со временем сколотили вокруг сначала навес, потом и пол под ним, перила. По крайней мере, дерево на этих частях разительно отличалось по цвету, видимо, какое-то изнашивалось чуть больше, какое-то — меньше.

Я свернула чуть влево, в сторону неглубокой каменистой речки, оперлась ладонями на перила, ощущая под пальцами приятную теплую шероховатость дерева. Это ощущение почему-то помогало прийти в себя. Мне надо было хорошенько обдумать, что собираюсь делать дальше, а для этого голова должна быть холодной. Желательно, как и остальные части тела.

Какое-то время бездумно смотрела на мерцающую водную гладь, потом невольно покосилась в сторону леса и замерла, поежившись от мерзкого ощущения, проскользившего по лопаткам. Мертвая Роща. Банальное название, но совершенно неординарное наполнение. Кусок леса, будто воткнутый в дивный яркий пейзаж из другой реальности: черные причудливо изогнутые деревья, лишенные листвы, но так плотно переплетающиеся друг с другом тонкими ветвями наверху, что создавалось впечатление густой кроны, тягучий туман, неторопливо плывущий меж стволами. Даже небо над рощей было иным, тяжелым, низким, затянутым грозowymi облаками. Сейчас, к моей несказанной радости, без раскатов грома и молний. Грозы в Мертвой Роще случались, когда казнь святотатца завершалась ее закономерным итогом, и лес получал кровавую жертву. Так что я предпочитала наблюдать гнетущее спокойствие лесного массива, нежели зловещее оживление.

В свое время я пыталась понять, в чем странная особенность этого места. Талиеры верили, что здесь Версана, верховная богиня их пантеона, покарала преступника, осмелившегося сделать ей какую-то лютую пакость. Якобы в Роще теперь с виновными в преступлениях против веры происходило то же, что и с тем мужчиной. Я всегда относилась к легендам скептически, к этой в том числе. Просто потому что не представляла, как же надо было наступить на хвост богине, чтобы она настолько осатанела: в Роще невозможно было выжить, не действовала никакая магия, а часы до момента смерти превращались в сплошной кровавый ужас и непрерывный забег, словно за тобой разом бросаются все твои ночные кошмары в попытке разорвать на клочки.

Единственная причина, по которой у меня когда-то получилось выйти оттуда: я превосходно знала как работает страх, поэтому сумела балансировать на грани паники дольше других. Ну и, конечно, немаловажным фактором оказалась Пандорра. Понятия не имею, как так вышло, помню лишь, что валялась под деревом, мечтая уже наконец сдохнуть и не мучаться, а в следующий момент пришла в себя на самом краю Рощи. Триада, которая ждала грозы, чтобы известить Совет о смерти паразитки в моем лице, так никогда и не рассказала никому, что видела в тот день, но гвардию деда нынешней Правительницы покинула быстро. А с меня началась интересная, но, к сожалению, практически невыполнимая традиция: если преступник выйдет из Рощи живым, он будет оправдан независимо от мнения Совета.

Надо будет предупредить всех, чтобы не совались в ту сторону. Да, войти в Рощу у них не получится, магический барьер не даст, да и природный страх должен сработать. Но предосторожность лишней не будет. Да и вообще стоит просветить всех на счет кучи особенностей этого мира и, в частности, талиеров, дабы избежать в будущем неловких ситуаций.

Говорю же, из чан в чан.

Шаги Гончегго спутать с другими было сложно, как бы осторожно он не крался. Я предпочла сделать вид, что не слышу их, малодушно надеясь, что мужчина заметит мою напускную хмурую задумчивость и уйдет. Черта с два.

— Лина.

Вот и что это? Вопрос? Утверждение? Напоминание, как меня зовут? Конкретики бы.

Смирившись с неизбежным, я коротко выдохнула и обернулась в его сторону, вопросительно выгнув бровь. Дес держался в паре метров, будто намеренно не приближаясь.

Можно подумать, расстояние как-то препятствует мыслям или памяти.

— Что-то хотел? — прозвучало как-то излишне резко, но извиняться я не собиралась.

— Мне нужно ненадолго отлучиться, — он покачнулся с пятки на носок, будто хотел сделать шаг вперед и передумал.

Я так спешно кивнула с облегчением, что от Гончего это не укрылось. Смерив меня внимательным взглядом, он неопределенно хмыкнул. Мне даже показалось, что немного помрачнел.

Не буду ничего исправлять. Не буду.

— Хорошо, поняла, — тут же нарушила данное себе слово и спешно отвернулась, уставившись перед собой так, словно нашла там нечто крайне занимательное. Линию горизонта, например. Видели ее вообще? Глаз не оторвать.

— Ненадолго, буквально на час-два.

— Делай, что тебе нужно, — пожала я плечами.

— Лина.

Да что ж такое, можно уже как-то более четко использовать интонации?!

— Не лезь на рожон с талиерами, — продолжил мысль Дес. — Дождись моего возвращения.

Я настолько опешила, что все же покосилась в сторону мужчины, недовольно скрестив руки на груди.

— Вздумал давать мне указания? — хмыкнула, нахмурившись. — Позволь напомнить, что талиеры — мой подзащитный народ, я знаю их не одно десятилетие...

— Что не помешало им объявить тебя мертвой, не удосужившись проверить, — отмахнулся Гончий. — Насколько я знаю, ты понятия не имеешь, случайность ли это, так что...

— Я взрослая девочка, Дес, — насущное желание переспорить не дало дослушать. Почти сразу вспыхнуло раздражение. — Полагаю, ввиду последних событий у тебя могло сложиться превратное впечатление о моей излишней слабости, но, смею заверить, ты был всего лишь невольным свидетелем не свойственного мне минутного порыва.

— Когда ты говоришь в таком тоне, хочется проблеваться, — мотнул головой мужчина. — Не перед Высшей ложей выступаешь, притуши яд.

— Притуши свой напор, — окрысилась в ответ. — С талиерами я сама в состоянии разобратся, как и постоять за себя. Не указывай, что мне делать.

— Прошу тебя, — я могла поклясться, что услышала скрежет зубов и скрип челюсти Гончего, но внешне он остался спокойным. — Пожалуйста, дай мне хотя бы час. Просто побудь здесь, пока я не вернусь.

— С какой стати?

— Мне нужно кое-что... сделать, — на секунду мужчина споткнулся на полуслове, невольно хрустнув костяшками пальцев. — Дело и так обернется плохо, а если я в этот момент буду думать, не вляпалась ли ты еще во что — катастрофы не избежать.

Проклятье. Прозвучало пугающе честно. Замолчав, он неотрывно смотрел на меня, ожидая ответа и явно не собираясь уходить.

Надо было бы настоять на своем. Сказать, что чхать я хотела на его проблемы, у самой по горло. Оттолкнуть. Только что-то в его взгляде заставило прикусить язык на полуслове.

— Ладно, — вырвалось с тяжким вздохом. Сама себе удивившись, я поспешила исправить положение. — Ровно час, ни минутой больше.

— Обещаешь? — подозрительно уточнил Гончий.

— Время пошло.

Меня хватило ровно на полчаса. А потом как-то внезапно оказалось, что все нашли себе место для ночлега, разместились. Сразу возникли вопросы о том, что дальше, да и Эйл снова начал как-то странно поглядывать, намекая на уединенную прогулку. Смелодушничав, я уговорила его заняться просвещением своей компании относительно талиеров и их быта, сама же отправилась нарушать данное Десу обещание.

В конце концов, вряд ли он правда верил, что я буду сидеть смиренно, не так ли?

Глава 5

Я даже не понял, в какой момент уставился в окно и совершенно отвлекся от слов Элазара про меры безопасности. Сначала это было беспокойство, когда вдруг ощутил ее отсутствие и заозирался по сторонам, пытаюсь понять, куда делась ведьма.

А потом залип. Оперся на стену, прислонил голову к потемневшей оконной раме и потерял связь с реальностью. Элазар что-то раздосадованно вещал про неказистую оружейную комнату, которую мы осматривали, но я не разбирал ни слова.

Лина медленно вышагивала по допотопной веранде, плавно переступая по поскрипывающим доскам, будто кралась куда-то. На первый взгляд она казалась спокойной и задумчивой, почти умиротворенной. Насколько это слово вообще было применимо к ведьме. Хотя, если внимательно присмотреться (я присматривался непозволительно внимательно), можно было заметить, как она нервно чеканила шаг время от времени. Ветер трепал волосы, на солнце пряди то и дело вспыхивали алыми проблесками. Вздохнув, ведьма повернулась спиной к окну и оперлась на перила, чуть склонившись вперед.

Святым меня назвать было сложно, да я к этому званию и не стремился, поэтому бесстыдно очертил глазами изгиб талии, бедер и дивный зад, подчеркнутый штанами. С ума сойти, всего несколько часов назад он был в моих руках. Сейчас в это как-то верилось с трудом. Вообще с трудом верилось, что моя ведьма была в шаге от того, чтобы действительно стать моей.

— Эй, я не просто так распинаюсь тут, — Элазар, похоже, все же заметил отсутствие даже мало-мальского согласного мычания с моей стороны.

— Я слушаю, — соврал без зазрения совести. — Надо организовать дежурство, да, согласовать с Линой.

Он вроде что-то такое же сказал, нет?

Элазар подозрительно хмыкнул, но вернулся к разглагольствованиям, не мешая мне и дальше пожирать взглядом его покровительницу.

В том чертовом доме я просто не смог сдержаться. Лина оказалась так близко, вдруг призналась, что не любит остроухого и все, сорвался.

Нет, я не жалел о том, что сделал. Возможно, это был единственный шанс попытаться обратить ее внимание в мою сторону. И потом, думаю, рано или поздно это должно было случиться. То, что копилось между нами практически с первой встречи, с первой пикировки, должно было получить выход. Если уж не в поцелуе, так в мордобое точно. Очень может быть, все началось с вечера, когда ведьма влепила мне кувшином по башке. Сейчас уже не будет странным признать, что ее наглость восхитила: так меня еще никто недооценивал. Похоже, в тот день у меня искры из глаз посыпались, одна, мать ее, так и задержалась.

И с момента, как Лина ответила мне с порывом, которого, сама, кажется, не ожидала, эта искра полыхнула в полной мере. Вроде и убедил себя успокоиться, чтобы не давить на ведьму, но... Больше не мог ни о чем другом думать. Ее прикосновения, вкус, запах, сбившееся дыхание, тихий стон. Будто получил то, за чем гнался всю жизнь, сам того не ведая.

— Плохо, что рядом какой-то магический лес, так что даже если Лина установит чары, не факт, что будут работать, как надо, — тяжело вздохнул Элазар.

Вообще-то я не был так уж обеспокоен, что кто-то решит брать эту хибару штурмом. Хотел было ответить алату, но ведьма чуть повернула голову, и порыв ветра сдул ее волосы, обнажая шею. Переживания Элазара пролетели мимо меня, подхваченные этим же ветром.

Смахивало ли мое нынешнее состояние на одержимость? Вполне вероятно. Сам себя не узнавал, если честно. Больше трех столетий в Гильдии. Столетий, твою мать, не дней. И даже в мыслях не путал постель и работу. Охота есть охота. Добыча — это добыча. Я никогда не

спал с «заданием», не западал на женщин, которых ловил по долгу службы. Среди них были и невероятно красивые, и те, кто лег бы со мной, прояви я внимание. Были и те, кто пытался соблазном выторговать свободу или жизнь.

Никогда, ни единого раза у меня не возникало мысли пойти на поводу. Верхний мозг всегда брал верх над нижним. Я слишком хорошо понимал, чем грозит подобное развлечение. Репутация. Статус Гончего. Положение в Гильдии, которого я добивался основную часть своей жизни. Все это полетело бы к дьяволу, узнай кто-то, что я не смог удержать собственный член в штанах.

По той же причине старался избегать отношений с женщинами, что работали на Гильдию. Кроме Беаты, конечно, но это исключение лишь подтверждало, что я был прав в таком решении. Сплетни, косые взгляды, обидки в случае расставания — не стоило того. Мое личное пространство — только мое, работа в Гильдии — наиболее ценное достижение.

А сейчас?

Мне было плевать.

Я смотрел на ведьму и понимал, что по уши в дерьме. Если кто-то из коллег пронюхает (некоторые, вроде Ниала, ну очень уж старательно это делают), что я сохну по алате Страх, которую ловят черт знает сколько — меня сожрут. Аристарх лично мои кишки на руку наматывает, читая занудную лекцию, как нельзя себя вести.

Пытался ли я убедить себя не рисковать? Хрен там, даже не пробовал.

Потому что Лина вела себя как обычно, была внешне равнодушной, держалась на расстоянии, только я видел и другое. Как она подолгу смотрела на меня, думая, что я не замечаю, как отводила глаза, когда мы пересекались взглядами, не сразу, а будто замешкавшись или смутившись.

Так что если меня что и терзало, это было не спасение собственной шкуры. Как не спугнуть и на разрушить то, что едва появилось — вот король всех вопросов.

Может, стоило предложить Асмодею душу? Например, за возможность, чтобы в этой хибаре, где даже разойтись трудно, мы с ведьмой могли остаться вдвоем. Чем черт не шутит, вдруг бы помогло? Вдруг у меня бы появилась возможность снова ощутить в руке эти тяжелые волосы, услышать, как собьется ее дыхание, если провести губами по животу, опускаясь все ниже...

Я на мгновение крепко зажмурился. Боги, надо уже как-то взять себя в руки. Не поможет в фигуральном смысле, так попробовать в буквальном, что ли?

Кольцо Роланда требовательно обожгло палец, на корню перебив все греховные помыслы. Очень хорошо. Весьма кстати. Мне нужно было бы остыть, но раз такое пока не светит — сброшу-ка все в гнев. Уж больно многое нужно было сказать этому родственному куску дерьма.

Коротко извинившись перед Элазаром, который, судя по всему, уже оставил надежду добиться от меня существенной помощи, я вышел на веранду. Лина обернулась далеко не сразу, словно пыталась сделать вид, что не заметила моего появления, но проигнорировать прямое обращение не смогла. Одним богами ведомо, насколько мне не хотелось уходить. И насколько неприятно было заметить, что ведьма едва ли не облегчение испытала от моих слов про отлучку. Правда, вроде почти сразу смягчилась. А судя по реакции на просьбу не лезть в пекло в одиночку, практически вернулась к себе обычной.

Интересно, она хотя бы на мгновение задумывалась, чтобы сдержать данное слово и дожждаться моего возвращения? Верится с трудом.

Привычное уже кладбище встретило тишиной, которую я собирался от души разбавить. Роланд мялся возле семейного склепа, кутаясь в извечный камзол и позевывая, будто не выпался. При виде меня дорогой братец только открыл было рот, но я успел поприветствовать его раньше, чем услышал хоть звук, и не утруждая себя вежливостью.

Кулак впечатался в челюсть Рола с такой силой, что я даже не понял, то ли это мои кости влажно хрустнули, то или его. Гаденыш вскинул руки, защищаясь, но я не дал ему опомниться, и ударил снова, с еще большей силой. Попал вроде бы по скуле. Потом просто потерял счет и рассудок: лицо, туловище, ребра, руки. Глаза практически застилала кровавая пелена, пока я колотил сукина сына, пытаюсь выбить из него все дерьмо, не слушая просьб остановиться. Бил, вкладывая в каждый удар всю ярость, что копилась с момента, как я узнал правду. Как с отвращением осознал, что мой родной брат — трусливый ублюдок, способный на убийство крохотного ребенка, даже не понимающего, что происходит.

Он лгал мне. Смотрел в глаза, делал несчастную рожу и лгал. «Не знаю, за что Лина так взъелась». Ублюдок.

Роланд от очередного удара потерял равновесие, споткнулся о ступеньку и упал на камень, попытался отползти. Я даже не понял, как настиг его в один размашистый шаг, вздернул за шкуру на ноги и снова вмазал.

В голове не осталось ни одной связной мысли, только всепоглощающая ярость, которая за всю жизнь меня перекрывала всего пару раз до этого дня. И она требовала выхода. Я с почти животным удовлетворением наблюдал, как на лице братца расцветали кровоподтеки, как треснула губа и заплыл глаз. Паршивец все еще пытался меня остановить. Вяло, почти безнадежно. Вроде орал что-то, звал по имени — все без толку. Я, может, и был младшим, но все же сильнее. И несдержаннее, если Рол вдруг подзабыл.

В памяти то и дело всплывало лицо ведьмы, с которым она смотрела на каменную девочку с цветком в руках, как она говорила о ней. И желание измордовать брата вспыхивало все ярче.

Я остановился только в тот момент, когда он тяжело облокотился на стену склепа и со стоном сполз по ней вниз, утирая рукавом камзола кровь на лице. Полулежа на ступенях, тяжело дыша, этот сученыш позволил себе растянуть разбитые губы в той же мерзкой усмешке, что и раньше.

— Полегчало? — прохрипел он и закашлялся.

Чтобы не убить его ненароком, я предпочел промолчать, сосредоточившись на собственном дыхании. В такой раж вошел, что взмок насквозь.

— Насколько же она запала тебе в душу, — Роланд сплюнул на ступени багровые сгустки, — раз ты так зол из-за явления ее бывшего? Брось, братишка, это к лучшему.

От этих слов на мгновение опешил. Я думал об этом еще там, в треклятом особняке. С той секунды, как услышал, что братцу было известно о том, что остроухий жив. Не могло все быть простым совпадением.

— Так история с заданием была состряпана тобой только для этого? — мой голос прозвучал до того хрипло, что захотелось как следует прочистить горло. — Для этого был этот цирк с заданием?

— Просто подвернулась удачная возможность, — Роланд пожал плечами, насколько было возможно в его положении. — Я знал, что нас направили к эльфам, но не знал, куда именно. А когда понял, решил, что это знак свыше, шанс вмазать стерве.

Не я один здесь был одержим ведьмой. Но Рол в какой-то другой, извращенной манере. Он готов был мешать с грязью буквально все, что с ней связано, даже не замечая, как сильно рискует отхватить снова.

— Тебе вообще нужна моя помощь? Или весь скулеж о желании покинуть свиту Вильгельма только ради шанса с моей помощью сделать ей гадость? Твою мать, да ты даже в тот момент думал не о победе, а о Лине!

— Скулеж? — неприязненно хмыкнул брат. — Я попросил помощи, взамен лишь наблюдаю, как ты падаешь все ниже к ее ногам! Сначала отказ выдать дрянь Вильгельму, потом — рисковать ею... Не поделишься, почему так и не пришел в том мире, чтобы инсценировать мою смерть, как договаривались?

— Ловушка сработала, — претензия Роланда, сказать по правде, была обоснованной. Я не только не пришел, но и не нашел способа сообщить о возникших трудностях. — Мы оказались лишены магии, Лина была ранена, я...

— Похоже, это ты думал только о Лине, — Рол снова сплюнул кровь, на этот раз с отвращением. Регенерация алата же начинала действовать, ссадины потихоньку покрывались корочками буквально на глазах. — Когда ты не появился и пропал со связи, я так и понял, что что-то не так пошло. Алат, сопровождать которого я напросился, выполнил поручение Вильгельма, мы должны были возвращаться в свиту, а тебя все не было. Поэтому я подсунил остроухому записку, что стоит навестить старый дом. Брось, Дес, для тебя все к лучшему. Получив назад любимую игрушку, она отцепится. Полагаю, что вовремя вмешался. Ты из меня отбивную чуть не сделал из-за нее, тебя надо как-то оградить от этой твари.

Неужели долбаный братец в самом деле считает, что все дело в появлении остроухого? Он вообще не допускал мысли, что для меня откроется его нелицеприятное прошлое?

— Ты настолько ее ненавидишь? — невольно нахмурился в недоумении. — Настолько, что считаешь допустимым убийство невинного ребенка?

Роланд брезгливо поморщился. С трудом, держась за ребра и шипя от боли, сел прямо и посмотрел на меня с усталым презрением.

— Так вот оно что, — он машинально вытер рукавом набежавшую из разбитой губы кровь. — Надо же. Обычно она держит все при себе, а тут решила выболтать? Не иначе, как на жалость давила, — Рол неприятно усмехнулся и покосился на меня, как как дурака. — И, похоже, довольно успешно. Уже успел дать рыцарский обет?

Жаль, но нет. Так бы мог латной перчаткой вмазать.

— Ответ на вопрос.

— Что ты хочешь услышать? — ощерился брат. — Все же очевидно: это был приказ Вильгельма, у меня и выбора-то не было.

— Был.

Я невольно шагнул к Роланду, слово хотел добавить порцию тумачков. Он дернулся, попытался закрыться рукой. Бить я не стал, просто навис над ним, заставляя смотреть на меня снизу вверх.

— Ты мог отказаться. Мог. В конце концов, если у самого яиц не нашлось, мог бы предупредить Лину. Она бы спасла дочь.

В серых глазах брата явственно проступила ненависть. Неясно только по отношению ко мне или снова к ведьме.

— Почему ты ничего не сделал? — мне надо было знать ответ. Их с Линой отношения были слишком лично неприязненными. И если теперь я знал, почему она так себя ведет, то Рола все же не понимал. По крайней мере, отказывался верить, что он настолько мерзок, что сделал это в отместку за подчиненное положение в свите. — Почему, черт тебя дерит?!

— Око за око, — выплюнул братец. — Ясно тебе? Эта сука заслужила и не такое.

Зрачок Роланда, тот, что я мог отчетливо видеть, на краткий миг дрогнул, расширился и снова пришел в норму. Он в целом выглядел так, будто ляпнул нечто такое, о чем жалеет.

— Что ты имеешь в виду?

— Забудь, — Рол отрицательно мотнул головой, отвел взгляд.

— Выкладывай, — я придал голосу угрожающий оттенок.

Сперва братец все еще молчал, отвернувшись и разглядывая старое покосившееся надгробье. Потом глянул на семейный склеп.

— Ты правда уверен, что хочешь знать? — не смотря на меня, хмыкнул он без привычной ядовитой усмешки. — Разочарование выйдет довольно болезненным. Это куда хуже Пандорры, ты даже смотреть на эту тварь не сможешь, а между вами сделка...

— Да выкладывай же ты, мать твою, — не выдержал я неуместного нагнетания обстановки. Не верилось, что Роланд может поведать что-то такое, что отвернуло бы меня от ведьмы.

Наконец, он заговорил. Без злорадства или мстительного торжества, медленно, обстоятельно, то и дело потирая заживающую скулу и останавливаясь, чтобы подобрать слова.

Сперва я слушал с недоверием и скептицизмом. По мере рассказа брата все больше ощущал холод, расплзающийся по позвоночнику. И отчаянное желание сорваться на маты, запустив пальцы в волосы, буквально шевелящиеся на голове. Мог ли я предположить подобное тому, что слышал? Нет, даже в страшном сне.

Рол закончил рассказывать несколько минут назад, но я просто не представлял, как реагировать на услышанное. Стоял истуканом, уставившись в одну точку на земле и пытался переварить все, осознать, что это не вымысел.

— Ты хотел правды, — развел руками Роланд, не дождавшись хоть какого-то ответа. — Видят боги, я пытался тебя защитить. С другой стороны, теперь понимаешь, что она из себя представляет.

Защитить? Смешно, да и только. Шел бы он с такой «защитой».

Не без труда я нашел в себе силы двинуться с места. Сухо сообщил брату, что свяжусь с ним позже, проигнорировал попытки возразить, открыл портал и шагнул в него, не оглянувшись. Мне надо было возвращаться, время, что я выторговал у Лины, практически вышло.

Только теперь я действительно не представлял, как смогу посмотреть на нее и сделать вид, что ничего не знаю.

Вообще-то я проторчала в доме практически час, до того, как уйти. Ну, хорошо, полчаса, но в той обстановке они и за два сошли. Просто потом не выдержала. Непрерывный гул голосов, бубнеж Элазара о необходимости охранных чар, расспросы Ричарда о мире. Даже Лиса словно включилась во всеобщую вакханалию, ноя, что здесь мало места. Чем дольше я вслушивалась в шум, мешающий думать, тем больше мечтала сократить численность пребывающих тут.

Еще и Эйл. Нет, вообще-то он прекратил бросать на меня грустные взгляды, полные надежды, и намекать на общее прошлое, что было весьма кстати. Целиком и полностью погрузился в хлопоты о Терезе, помогая Камилле и попутно просвещая ее и крутящегося поблизости Ричарда о талиерах, их законах и традициях. Чуть позже к ним присоединилась и Лисия. Ко мне Эйллар обратился всего пару раз, да и то только чтобы уточнить какие-то данные про дар алата, который ввел Терезу в такое состояние, и попросить при случае помочь ему восстановить данные о возможном лекарстве. Я настолько опешила от перемен в его поведении, что молча покивала.

Еще в самом начале наших отношений Эйл пытался отыскать способ противодействовать дару алата, либо устранять последствия такого воздействия. Изыскания шли с переменным успехом, однако после множества попыток ему удалось создать зелье, которое довольно успешно, пусть и краткосрочно, приглушало для меня чужие страхи. Ничто так не ускоряет поиски нужного решения, как невозможность поймать объект собственного влечения: оказавшись со мной в постели первый раз, ночь Эйл закончил, сидя с остекленевшим взглядом, устремленным в стену, вздрагивая от пережитого ужаса и вяло реагируя на мои сбивчивые извинения. Настолько фееричным вышел секс. Мне повезло больше, потому что в самый разгар я сорвалась и против воли прокатила его по волнам своего дара, но сумела взять ситуацию под контроль раньше, чем разобралась, что его пугает до дрожи (видел бы он свое лицо, когда у меня крылья распахнулись). Вряд ли мы смогли бы продолжить хоть какое-то общение, тем более в романтическом ключе, загляни я в самые темные уголки его души. Со временем необходимость в зелье отпала: то ли привыкли друг к другу, то ли я научилась лучше держаться.

Теперь Эйл пытался вспомнить рецептуру, надеясь, что это поможет и Терезе.

Честно говоря, это бесило меня даже больше. Нет, я была бы только рада, сумеи он восстановить формулу и помочь, просто... Не знаю, проще было даже в мыслях отталкивать Эйла со взглядом побитого щенка. А не такого, которым я его полюбила. Устав от собственных терзаний, я решила наконец заняться чем-то полезным.

Да и вообще, с какой стати умудрилась пообещать Гончему торчать тут?!

Я сменила привычную рубашку на тонкое платье песочного цвета, с открытыми плечами и неглубоким вырезом, больше напоминающее какую-то тунику на манер древнегреческой, сверху набросила накидку потемнее, по моим меркам больше похожую на очень свободный халат. Заплела волосы в косу и спрятала под накидку, чтобы не выдали меня раньше времени. Под платьем все же оставила брюки и сапоги. Черт его знает, вдруг что-то пойдет не так? Драпать в штанах всегда удобнее.

В целом, на первый взгляд я вполне могла сойти за обычную талиерку, если капюшон накидки не снимать.

В принципе, никто не запрещал мне обставить появление с помпой и фанфарами, ворвавшись в главный зал дворца с ноги, но как-то не хотелось потом на ходу соображать, что делать, если ситуация обернется против меня. А так можно было посмотреть, понаблюдать. Найти мразь, которая объявила меня мертвой так преждевременно.

Предупредив Элазара, куда направляюсь, я переместилась поближе к Тейаласу. Немного подумала, и переместилась еще раз, уже за городские стены, чтобы не проходить мимо стражей.

Город встретил тишиной вопреки привычному шуму. Обычно вечерами жизнь здесь разворачивалась в полную силу: открывали двери кафе и бары, разворачивались уличные лотки с едой и безделушками, незамысловатыми сувенирами и цветами для прогуливающихся парочек. По мощным светлым камнем улицами даже в сумерках то и дело сновала неугомонная детвора, над городом буквально плыла музыка и умопомрачительные запахи еды. Криста частенько любила смыться из дворца, чтобы покутить инкогнито, я присоединялась к ней, замаскировав цвет волос. Если честно, я всегда подозревала, что владельцы заведений все же безошибочно узнавали собственную Правительницу, и деликатно делали вид, что это не так.

Сейчас город словно потух. Редкие прохожие, что попадались мне на пути, явно куда-то спешили, не глядя по сторонам и опустив головы, детей вообще нигде не было видно. Кафе и бары наглухо закрыты, приспущены флаги. Фонтаны — и те отключены, даже мраморные чаши пусты.

Самый натуральный траур, не показной.

Чтоб меня.

Я натянула капюшон поглубже и зашагала к южной части города, стараясь выбирать окольные пути.

До дворца добралась без приключений, что радовало. Охранные чары напротив тайного хода Кристи проскочила без видимых помех: мною же поставленные, они и не звякнули, признав хозяйку. По пустым коридорами (видимо, на время траура притих даже дворец) добралась до тронного зала.

В принципе, я особо и не ждала, что найду Кристу там. Официальность вызывала у нее нервный почесон. Поэтому, раз здесь Правительницы сейчас не обреталось, она наверняка заседала в рабочем кабинете. Развернувшись, я направилась туда, невольно вздрагивая от того, каким гулким эхом отдавался стук каблучков по каменному полу.

В кабинете, судя по шуму, что доносился из-за дверей, было довольно живо. Уж не знаю, что именно они обсуждали, не прислушивалась, но отборная площадная брань от обладательницы ангельского голоса перемежалась с возмущениями Маруса и краткими попытками Инари напомнить Правительнице талиеров о сдержанности. Выходит, Криста снова сцепилась с Советом. Не ясно только, что там забыла распорядительница дворца? Присматривает, чтобы ее воспитанница не поколотила Маруса?

Я взялась было за дверную ручку, а потом передумала. Все же, в данный момент я тут считаюсь покойницей. Если вот так ворвусь без предупреждения, кто его знает, не поплохеет ли кому? Не то, чтобы переживала, если у Маруса от неожиданности сердечко прихватит, но вдруг вместо него во главе Совета кто похуже появится? Да и Инари стоило бы пожалеть. С досадой поморщившись, я направилась в покои Кристи. Туда она никого не пускает, мы точно сможем поговорить с глазу на глаз.

В полутемной спальне Правительницы было тихо, темно и просторно. Немного пахло лавандой, но не настолько, чтобы запах раздражал. Опустившись в кресло у окна, я вытянула ноги и приготовилась ждать, решив заодно перевести дух.

Интересно, он сильно разозлится, если узнает, что я все же не сдержала слово?

Криста явилась спустя час, не меньше. Вошла, на ходу распуская волосы, уставшая, сыплющая ругательствами сквозь зубы. Такой я видела ее всего несколько раз, еще в те времена, когда она только боролась за свое место на троне. А потом она заметила меня. На прекрасном лице с утонченными чертами, огромными голубыми глазами, обрамленном светло-золотистыми локонами, моментально расцвела воистину дьявольская улыбка.

— Ах ты, крылатая рухлядь! — она швырнула в меня заколкой, которая чудом пролетела мимо цели. — Так и знала, что Совет — конченные дебилы! Не могла же ты в самом деле сдохнуть.

Нет, контраст между тем, насколько прекрасен рот Правительницы талиеров, и тем, что из него вылетает, никогда не перестанет меня удивлять.

— Ну, допустим, на счет Совета согласна, — я хмыкнула и решила не утруждать себя долгими приветствиями, раз Криста не стала. Поднявшись со своего места, приблизилась к талиерке и скрестила руки на груди. — Но ты-то куда смотрела? Если не верила в мою смерть, что за траур? К чему это объявление войны луттам? Да с какой стати я бы вообще выдала такое «последнее желание», черт тебя дери?!

Правительница талиеров поморщилась, будто от зубной боли, отошла к столику и налила себе в стакан воды из графина.

— Если б я знала, — она сделала пару больших глотков и грохнула стаканом об стол. — Они ж все провернули, пока меня не было! Уроды, — девушка брезгливо скривилась. — Вести о том, что ты мертва, впервые до нас дошли еще где-то с полгода назад. Я запретила объявлять траур и вообще считать это за чистую монету, сказала, что сперва нужно убедиться. Старичье поворчалो, но прислушалось вроде. А потом случился непонятный конфликт с соседями на севере, мне пришлось уехать туда. Представь, как я обалдела, когда вернулась и узнала, что эти престарелые уже все провернули, даже письмо Сатону успели черкнуть. Так мол и так, сейчас мы тут отскорбим, потом отчекрыжим вам башку и причиндалы, ждите. С искренним пожеланием сдохнуть, ваши извечные враги.

Сильно сомневаюсь, что Совет талиеров использовал подобный лексикон. Это было бы скорее в духе их Правительницы.

— И ты не пыталась обратиться к луттам, отозвать письмо?

— Какое там отозвать, — устало вздохнула Криста. — Сатон спал и видел как избавиться от нас так, чтобы при этом не прослыть агрессором. Мой гребаный Совет дал ему дивный шанс. Я писала ему и про отказ от войны, и с просьбой порвать письмо Совета и забыть о нем. Даже об аудиенции просила, чтобы обсудить все с глазу на глаз и принести извинения. Он уперся рогом: вы меня оскорбили, и такое оскорбление смоешь только кровью.

— Почему ты не попросила Шаена связаться со мной? — этот момент не давал мне покоя с тех пор, как Лисия сообщила, что тут стряслось. — Я чувствую, что наши узы все еще работают. Брось он мне просьбу срочно появиться, я бы так и сделала.

— Но это именно он сообщил, что ты действительно мертва, — нахмурилась Криста. — Шаен сказал, что его связь с тобой оборвалась, а последним было твое видение. Ты говорила, что во всем виноваты лутты, просила отомстить.

У меня внутри все похолодело. Час от часу не легче. Ша-ан-Арил — вот кто начал весь дурдом? Зачем ему так подставлять собственный народ?

— Почему кто-то вообще поверил в эту чушь? — вопрос был скорее в никуда. — Разве на меня это похоже?

— Я не поверила, — хмыкнула Правительница талиеров. — Но, как видишь, меня обставило гнусное старичье.

— Что ж, схожу-ка я повидаться с Шаеном, — по крайней мере, теперь у меня была некая цель. — Ты пока сообщи как-то двору, что я пока еще помозолю им глаза.

— Как скажешь, — пожала плечами девушка. — А что с памятником? Отдать приказ, чтобы прекратили работу над ним? Или пушай ваяют, раз начали?

— Какой еще памятник?

— Ой, тебе в центре некрополя Совет организовал чудную могилку, — Криста чуть смехом не подавилась. Было от чего: Совет меня не сильно жаловал, полагая, что именно я помогла юной безмозглой девчонке уместиться на троне. Так что, если они и сделали мне место последнего пристанища, то с большим удовольствием. — Да, пустую. Но зато какую красивую. Ни у кого в радиусе трех рядов такой нет. Осталось вот только памятник поставить.

— Спасибо, конечно, но не стоит таких почестей, — я невольно передернулась. — Позже поболтаем.

Шаен, судя по тому, куда меня вели узы, все еще обитал в роскошных покоях западной части дворца, выделенных ему, как представителю покровительницы народа. Каждый мой шаг отражался от стен, как раньше, только теперь звук выходил каким-то недобрый. Я собиралась надрать гаденышу задницу за вранье и вытрясти из него всю правду. И почти дошла до его двери, когда кто-то бесцеремонно схватил меня со спины за талию и дернул в нишу коридора. Я даже испугаться не успела, только разозлилась. Уже занесла было руку, разворачиваясь, чтобы от души влепить нахалу, но с удивлением обнаружила перед собой Гончего.

Он стоял передо мной, но максимально вжавшись в стену напротив, чтобы между нами осталось расстояние, что в тесной нише было довольно проблематично. Поэтому как бы Дес не отстранялся, я весьма явно чувствовала жар его тела, рваное дыхание, будто он гнался за мной через весь город. Может, так оно и было. От Гончего едва заметно пахло тем самым теплым древесным ароматом, что все больше ассоциировался у меня именно с ним, только сейчас с примесью пота, металлического запаха крови. Довольно... будоражащее сочетание.

Присмотревшись, я удивленно нахмурилась: видок у него в целом был потрепанный. Рубашка местами прилипла к телу, будто он взмок, ворот расстегнут, растрепаны волосы. Костяшки пальцев на руках, как бы он не пытался незаметно спрятать их, сбиты в кровь. Но это черт с ним. Меня гораздо больше настораживали его глаза. Гончий старался смотреть куда-то мимо, в стену, в пол, в потолок — куда угодно, лишь бы не мне в глаза. В прошлый раз подобное было, когда я стояла перед ним почти голой, и потому бешеное вращение глазами было объяснимо. Сейчас-то что вдруг? Когда он все же случайно скользнул взглядом по моему лицу, дернулся, словно от удара. Будто смотреть на меня было физически неприятно.

Я ощутила, как у меня в груди что-то сжалось против воли, как от дурного предчувствия.

— Ты не сдержала слово, — голос мужчины прозвучал глухо, с нажимом, но без недовольства или раздражения, скорее, устало. — Я просил всего-то час. Неужели нельзя было подождать?

— Могла, — я сложила руки на груди, насколько это было возможно в тесноте ниши. — Но не захотела. В чем дело, Дес? Ты выглядишь так, словно кто-то запрягал тебя в телегу вместо лошади-водовоза.

— Ничего. Все в порядке, — он мотнул головой, снова избегая смотреть мне в глаза. Я заметила, как дернулся его кадык, когда он нервно сглотнул. — Просто думал, что ты все же послушаешься.

— Ну, дрался-то явно не со мной из-за непослушания, — я скептически хмыкнула, кивком указав на капли крови на рубашке мужчины, сбитые кулаки. — Ты встречался со своим товарищем? Что-то пошло не так? Такое ощущение, что вы явно не поладили.

Гончий наконец поднял глаза.

Всего на мгновение. Один короткий обжигающий взгляд, что выбил у меня из легких весь воздух. В нем было что-то пугающее до жути. Не какая-то нездоровая страсть, злость или привычная наглая усмешка. Что-то такое, чему я никак не могла с ходу подобрать определение. Вина? Сочувствие? Жалость?

Дес смотрел на меня так, будто я либо вот-вот оглашу ему какой-то приговор, либо причину боль — сама не могла понять, почему именно такие возникли мысли. И то же время в лихорадочно блестящих синих глазах чудилась какая-то надежда.

Я совершенно не узнавала этот его взгляд, и не была уверена, хочу ли понять, что за ним скрывается. Он почти сразу отвел глаза, вжался в стену ниши еще больше, чтобы увеличить расстояние между нами.

— Мои проблемы, — мужчина потер переносицу, зажмурившись на мгновение. — Пришлось объяснять старому знакомому, что я должен ему куда меньше, чем он просит.

Бред. Я не могла поверить в то, что слышу, потому что слышала откровенный бред. Слишком уж вымотанным и сломленным выглядел Гончий. Слишком отчаянно отворачивался. Но попытаться я не стала. Не время, честно говоря, да и не место. Не говоря уже о том, что я не имела права лезть ему в душу, если он сам того не хотел. Да, его поведение выглядело странно и непонятно, особенно в сравнении с тем, что творилось между нами в моей старой лаборатории. Только, может, это к лучшему, что он вроде как пытается отдалиться?

В нише повисла вязкая, давящая тишина. Создавалось ощущение, что мы стояли слишком близко, но в то же время были дальше друг от друга, чем когда-либо. Я вслушивалась в неровное дыхание мужчины и не понимала, что могу сказать. Да и надо ли?

Он вдруг молча поднял руку. Медленно, осторожно, будто боялся спугнуть. Я замерла, сама не понимая, почему не отталкиваю его, не уйду прочь. Пальцы Гончего коснулись прядки волос у самого моего лица, той самой, что вечно выбивалась из любой прически и лезла в глаза, убрали ее за ухо. Движение было почти невесомым, но от него по телу побежали мурашки. Я невольно вздрогнула и спешно сглотнула, чувствуя, как пересохло в горле.

Дес заметил реакцию на его прикосновение. Пальцы мужчины на мгновение замерли у моего виска, потом он так же медленно убрал руку. Но наконец-то не отвел взгляда.

— Лина, я... — начал он и тут же осекся. Замолчал, будто язык его не слушался.

Взгляд Гончего метался по моему лицу, будто он искал там ответ или разрешение продолжить. Или прощение за то, что собирался сказать. Потом он тяжело выдохнул, с какой-то обреченностью, и снова опустил глаза.

— Рискованно было сорваться сюда одной, — голос мужчины стал более ровным, деловым. — Мало ли, вдруг кто из талиеров замешан в том, чтобы выставить тебя покойницей, а ты так открыто заявила.

Он сменил тему. Я могла поклясться, что изначально хотел сказать что-то другое, нечто такое, что жгло его изнутри и заставляло избегать моего взгляда. Но в итоге то ли не смог, то ли не решился, поэтому так явно и неуклюже сменил тему.

— Я в состоянии постоять за себя, — возразила, задрав подбородок. Если он так хочет — черт с ним, сделаю вид, что ничего не заметила. — Да и талиеров знаю получше тебя.

— Все же, не расхаживай одна.

Мне вдруг стало невыносимо тесно в этой нише от недосказанности. И немного от воспоминаний, что вызывала близость Гончего. Поправив капюшон накидки, я резко вынырнула в коридор, пытаясь сбросить с себя липкое чувство тревоги.

— Я иду к Шаену, — бросила через плечо, не оборачиваясь и не утруждая себя проверками, идет ли Дес следом. Без того буквально всей спиной его чувствовала. — Можешь пойти со мной или вернуться к дом у реки, там Эйл проводит увлекательную лекцию об этом мире.

— Предпочту слушать тебя, — ответ Гончего за спиной прозвучал почти привычно, с той самой ленивой усмешкой, от которой мне частенько хотелось ему врезать. — Даже если будешь говорить, чтобы я шел к черту.

Женщины — загадочные создания? Вы просто не были знакомы с одним конкретным мужчиной, мать его.

Не став отвечать, я просто пошагала вперед, старательно игнорируя зародившееся чувство облегчения.

Глава 6

Я шел чуть позади Лины, буквально на шаг, и левее. Ровно настолько, чтобы видеть и ее, и коридор перед нами, и в случае чего успеть дернуть ведьму себе за спину. Не сказать, чтобы прямо так уж верил, что ей грозит опасность — больно спокойной она выглядела, да и мое чутье помалкивало. Просто старая привычка Гильдии. За века службы меня не раз использовали в качестве стража для каких-нибудь псевдоважных и пугливых личностей. Один только Аристарх с его «детьми старинных друзей» чего только стоил. Как правило, работа охранника растягивалась в тупое выматывающее ожидание какой-то мифической опасности, но расслабляться все равно нельзя было ни на секунду.

Сейчас впервые поймал себя на том, что роль мне вполне по душе. Просто объект «охраны» был уж больно ценный. Лина целеустремленно шагала впереди, с королевской осанкой, выстукивая каблуками четкий ритм. Капюшон она раздраженно скинула в итоге, и солнечные лучи, пробивающиеся сквозь огромные окна, то и дело подсвечивали косу красными искрами.

Осознав, что в очередной раз перестал обращать внимание на окружающую обстановку, я вплепил себе мысленную пощечину и заставил отвести глаза от ведьмы, осмотреться для приличия по сторонам, мрачно хмурясь.

Суровый страж, мать вашу.

Перед встречей с братцем я думал, что вляпался по уши. Просто потому, что попался в капкан ведьминских чар, который, смешно сказать, она и не пыталась толком поставить. Оказалось, все намного хуже.

Рол вывалил на меня такой ушат помоев, что нестерпимо хотелось помыться — да был бы в этом толк. Я понимал, для чего он это сделал. Прекрасно понимал. По тому, как говорил братец и что, несложно было догадаться: он ждет, что я ее возненавижу. Испытаю отвращение, презрение. Целиком и полностью встану на сторону Рола, и если сам не придушу паразитку, то незамедлительно сдам ее Вильгельму. Он выкладывал каждый фрагмент отвратительного пазла из прошлого с особым вкусом, пусть и пытался казаться в тот момент равнодушным.

Вот только Роланд совершенно не догадывался, что я, к собственному безмерному изумлению, владею последним кусочком этой мозаики. Который меняет ситуацию в моих глазах на совершенно противоположную его видению, но в то же время катастрофическую для любых чувств к Лине. Говорят, что от ненависти до любви всего один шаг, не так ли? А от вины и стыда? Возможно ли переступить их?

Потому что, выслушав Рола, воскресив в памяти чужие откровения, которые веками считал бесполезными, я испытал именно эти чувства. Жгучий, липкий стыд и придавившую камнем вину. За свою невольную причастность к той истории. Черт возьми, настолько дерьмовой, что я даже мысленно не мог повторить ее про себя, — вдруг так все окажется дурным сном?

Теперь было ясно, почему брата буквально трясет от одного ее имени. Да, я не считал это справедливым, и, положив руку на сердце, счел в чем-то излишне драматичным. Но понимал если не эмоции, то ход мыслей Рола. Понимал отчасти, как Лина стала такой. Даже моя неуязвимость по отношению к Пандорре, черт подери, — и та обрела смысл. Собственно, я отыскал ответы на многие из вопросов, что мучили меня в отношении ведьмы. Был ли от этого счастлив? Едва ли.

Вообще-то было еще и... восхищение? Я давно заметил, что к близким ей ведьма довольно великодушна и лояльна, но, дьявол, силы, милосердия и благородства в ней оказалось побольше, чем во многих известных мне праведниках, кичившихся бескорыстной помощью окружающим.

Вот именно поэтому я сказал себе отступить. Еще там, шагая в портал от старого склепа, велел засунуть все свои хотелки в жопу и оставить Лину в покое. Потому что не имел никакого права пальцем ее касаться. Потому что если мы останемся рядом, рано или поздно может всплыть эта грязная история из прошлого. И тогда она пошлет меня к черту, в лучшем случае, за то, что промолчал.

Я мог бы рассказать ей о своей излишней осведомленности. Признаться в родстве с Ролом, для начала, а потом выложить все, что знал. Должен был сделать это, чтобы сохранить хоть какое-то достоинство. Без того ведь заврался, как никогда еще в жизни. Даже обман Гильдии на предмет моей алатской сущности рядом не стоял. Пока я рыскал по дворцу, впадая во все большую панику с каждой минутой (здесь все хранило ее след, но самой ведьмы нигде не было, да и тишина и безлюдность напрягали), клялся себе, что раскрою все карты. Может, не прямо сейчас, когда она по уши в проблемах с талиерами, их войной, Ричардом и воскресшим довеском. Но в итоге расскажу все. Надо будет, на колени грохнусь. Позже, потому что если вдобавок ко всем проблемам она обнаружит детали давно минувшего прошлого, не выдержит. Если я что и понял четко на могиле Шатиль, так это склонность Лины нагребать на себя чужую вину и погружаться в самобичевание. Не хотелось добавлять ей сейчас душевных терзаний.

Поэтому повинюсь потом. Найду удобный момент, подходящие слова.

Пока же просто наступлю себе на горло и солгу, мол, ошибся тогда в темном кабинете, решив коснуться ее. Да, снова солгу, что ужасно. Только в этот раз абсолютно точно ей во благо. Скажу, что поцелуй был дурацкой и ничего не значащей ошибкой, так будет правильно. После останусь, чтобы помочь, насколько возможно, благо, неразорванная сделка позволяет.

А потом я увидел ее в коридоре. Шагающую черт знает куда, сердито, но уж как-то больно беспечно, — она мое появление-то заметила только после того, как я втянул ее в нишу. Сам не знаю зачем, сперва вроде хотел наехать, что не сдержала слово или показать, насколько легко ее оказалось поймать. Но при виде меня злющее раздражение на лице ведьмы сменилось облегченным узнаванием, и мое собственное вконец охеревшее сердце тяжело шлепнулось куда-то к печени.

Лина беспокоилась. Спрашивала, что случилось, и в ее словах не было фальши, она действительно переживала. Черт возьми, это было настолько приятно, что все зарок не касаться ее мгновенно полетели в пропасть. Я потянулся к лицу моей ведьмы, поправил упрямую прядь волос, что вечно лезла в глаза. Просто чтобы на секунду почувствовать под пальцами ее тепло и запомнить его. Лина чуть вздрогнула, но не отстранилась.

Я поймал ее взгляд, в котором было недоумение, немой вопрос. Она безусловно догадалась, что случилось что-то нехорошее, как все неуловимо изменилось, но не могла понять, что именно. Честно сказать, меня это напугало. Надо было сдержать данное себе обещание сию же минуту. Но с трудом выдавил только «Лина, я», а потом все слова застряли в гортани.

«Лина, я совершил ошибку, решив, что между нами что-то происходит».

«Лина, я жалею, что поцеловал тебя, забудь об этом незначительном эпизоде».

«Лина, я брат Рола. Да-да, того самого. А еще знаю, кто ты для меня».

«Лина, я знаю, почему Пандорра меня не трогает».

Ну хоть что-то из этого. Надо было сказать хоть что-то из этого списка, чтобы разорвать нашу связь.

И я не смог.

«Лина, я слабовольный лживый мудака, который отчаянно надеется, что однажды ты сможешь простить его за трусость».

Единственное, что проговорил мысленно, переводя тему. Ляпнул что-то про талиеров, даже не задумавшись над словами — лишь бы как-то продолжить фразу. Она ответила привычно колко, но по глазам все было ясно: взгляд остался настороженным, изучающим. Конечно же, она догадалась, что я сказал не то, что хотел. Просто давить не стала.

Боги, ну почему она не выбила правду? Тогда бы смогла держать меня как можно дальше от себя, потому что сам я на это оказался просто неспособен.

Если быть честной без прикрас — поведение Гончего взволновало едва ли не больше, чем предстоящие разборки с Ша-ен-Арилом. То смотрит, словно удара ждет, то тащится следом и как-то чересчур явно пытается проявлять заботу. По-хорошему бы припереть его к стенке и потребовать ответы. Жаль, времени на это нет.

Разумеется дело в нехватке лишнего времени.

Не боюсь же я истины, в самом-то деле?

Шаен скорбел. Настолько отчаянно и искренне, что, отворив дверь в его покои, я прямо не сразу решилась войти. Чтобы не зашибить засранца ненароком, не успев ничего спросить.

Войдя же, огляделась по сторонам и изумленно вскинула брови. Нет, я знала, что ему, как моему представителю, выделили прекрасные покои. Но чтобы настолько... Как будто перепутала его комнату и сокровищницу талиеров. Светлые каменные стены буквально сплошь увешаны картинами в тяжелых рамах, пол из голубовато-белого мрамора с золотистыми прожилками (такой лежал в тронном зале, и позволить себе подобный в личной комнате не решалась даже Криста — у нее сердце прихватывало от цены). Все три огромных окна в комнате были не просто застеклены, а поражали воображение витражами в полупрозрачных голубых и бирюзовых оттенках. Многочисленные шкафы, тумбы, письменный стол — все из светлого, явно дорогого дерева, заставленное бессмысленными ценными статуэтками, шкатулками и прочими атрибутами непопозволительной роскоши.

В комнате витал густой аромат пряных специй, привычных в талиерской кухне, и чего-то приторно-сладкого, фруктового. В глаза невольно бросался круглый низкий стол в центре комнаты, заставленный от и до тарелками, с трогательным зеленым букетиком в вазочке — традиционный траурный цвет здесь. На фоне роскошной комнаты куцые цветочки смотрелись насмешкой.

Сам хозяин комнаты возлежал на темно-синих с золотыми кисточками подушках, целиком и полностью предаваясь скорби: в руках он небрежно держал за тонкую ножку бокал с искрящимся золотым напитком, с блаженной улыбкой перевешего кота поигрывая им на свету. С нашей последней встречи гаденыш чуть отъелся, остриг светлые волосы покороче и обзавелся гардеробом на порядок дороже прежнего: расшитая сверкающей нитью и бусинами белая рубашка оттеняла и золотистый загар, и голубые бессовестные глаза на лоснящейся достатком харе. Отхлебнув из бокала, Шаен, наконец, соизволил поднять взгляд на незваных гостей и поперхнулся.

Вино пошло носом, безнадежного испоганив воистину королевское одеяние.

Я позволила себе мрачную усмешку, которая вряд ли добавила спокойствия мерзавцу. Не без труда поставив бокал, он попытался сесть прямо, одновременно откашливаясь, и в итоге вообще едва не перевернул стол. Что ж, либо Ша-ен-Арил достойно принял мою «смерть» и теперь был изумлен появлением, либо знал, что я жива, но все равно не ожидал увидеть.

И судя по затравленно метавшемуся по комнате взору, второй вариант как-то ближе к истине. Талиер с заискивающей надеждой заглянул мне за спину. Я невольно и сама обернулась, вдруг там есть кто-то еще, кроме Гончего, кто мог бы помочь нерадивому засранцу? Но нет, в дверном проеме маячил только Дес, вопросительно вскинувший брови. Как по мне, он мало походил на спасителя. Скорее даже наоборот. На месте Шаена я бы точно на него не рассчитывала.

— Лина, — развернувшись назад, я увидела, что мой представитель кое-как сел прямо и вытер лицо от вина, хотя все еще покашливал. — Ты жива!

Боги, да в Вильгельме и то было больше артистизма. По крайней мере, ему я долгое время верила. Ша-ен-Арил же... Не дотягивал — слабое определение.

Значит, все же вторая версия.

— А то ты не знал, — хмыкнула я, подходя поближе и глядя на мужчину сверху вниз. — Больно разительный контраст между городом и этим, — обвела рукой пиршественный стол Шаена и его комнату.

— Я... Я могу объяснить, — талиер бестолково заморгал. — Это совсем не то, что ты подумала!

— Не то? — от откровенного вранья, что я слышала и, вероятнее всего, могла услышать дальше, меня буквально перемякло. Голос зазвучал мягко, почти ласково. Сама удивилась, как легко перешла в этот угрожающий режим, на котором держала свиту. — А ты знаешь, что я подумала?

Шаен притих. Сообразив, что я все же жду ответ на свой вопрос, замотал головой.

— Подумала, что ты, крысеныш, объявил меня мертвой, солгал своей правительнице и фактически толкнул собственный народ к войне, в которой у них нет ни единого шанса, — почти промурлыкала с улыбкой. — А теперь шикаешь здесь в свое удовольствие, будто не при делах. Представляешь, какая чушь? Да еще и траур смотрю, не блюдешь, каким-то вшивым букетиком перед глазами обошелся.

Я чуть склонила голову набок, разглядывая его, как редкий вид вычурного таракана. Талиер нервно сглотнул, вцепился в подушку так, что пальцы побелели.

— Наши узы... — забормотал он. — Они же пропали. То есть, мне показалось, что они пропали...

— Брехня, — непреклонно перебила лгунишку. — Я нашла тебя, опираясь на них, и вообще, за все время моего отсутствия они не ослабевали.

— Но мне показалось...

— Рассказала бы, что делают, когда кажется, но ты не поймешь, — наклонившись, я отщипнула с блюда темную виноградину (черт его помнит, как он тут правильно называется). — Так в чем дело, Шаен? Тебя чем-то обидел собственный народ, и ты решил так отомстить? Тебе заплатили за это? Внутренний голос в тупой башке надоумил?

Талиер снова бросил быстрый взгляд мне за спину, ища поддержки у Гончего. Подобного пренебрежения своим угрожающим видом я перенести не могла.

Дар услужливо скользнул из-под снятого барьера и мягко коснулся Ша-ен-Арила. Тот, сообразив, что происходит, вытаращил глаза.

— Тебе нельзя применять страх, — он дернулся назад, будто это могло его спасти. — Соглашение запрещает!

— Напиши жалобу в Совет, — коротким смешком выразила презрение к заявлению крысеныша. — Ну? Ответишь? Или подождем, пока начнешь рыдать от ужаса?

— Меня вынудили! — выпалил он с отчаянием. — Никогда бы сам не стал!

— Вынудили? — я изобразила задумчивость. — Что-то не наблюдаю следов жесточайших пыток. Впрочем, история знает примеры, когда даже в таком случае люди оставались верны своему народу. Порадуй меня новым значением слова «вынудили», а?

Талиер напрягся, поджал плечи и отвернулся. Как по мне, так совсем не походило на раскаяние или стремление к откровенности.

Дар хлестанул по гаденышу не хуже кнута, заставив его вздрогнуть и чуть ли не подскокить на месте. Круговерть страхов Шаена мгновенно заполнила мысли. Впрочем, он оказался из той редкой категории людей, чьи кошмары не будили мои крылья. Да, боится, опасается. Но в основном всякой ерунды вроде бедности, темноты, высоты, мышей — и то не до состояния панического ужаса. Меня боится — это хорошо. Кристу боится — неплохо. Вот на этом и сыграем.

Я позволила Шаену мысленно прочувствовать на себе весь бешеный нрав его Правительницы, который несомненно явит себя, когда ей станет известно об обмане неверноподданного. Заметив подрагивающие руки талиера, чуть поддала жару.

И вдруг буквально физически ощутила на себе чужой взгляд. Покосившись на Гончего, переместившегося из-за моей спины чуть ближе к Шаену (наверное, собирался вмешаться в случае чего), поперхнулась на полуслове. Мне казалось, Дес вот-вот попытается влезть с проповедями на счет того, что нельзя применять дар алата направо и налево, но... Он смотрел совершенно иначе. Как тогда, в лаборатории.

«Ради всего святого, только не думай».

Я будто снова услышала его сдавленный шепот, ощутила пальцы, перебирающие волосы. Непрошенный жар накатила почти мгновенно: я почувствовала, как вспыхнули щеки (вовсе не от смущения), а следом шея и все тело.

Проклятье.

— Какого черта ты на меня уставился? — нахмурилась я. Голос прозвучал холоднее, чем сама ожидала, но так даже лучше.

— Просто оцениваю обстановку, — мне показалось, что Гончий несколько смутился. Или сделал вид, что смутился — с ним я что-то уже ни в чем не была уверена до конца. Самоуверенная полуухмылка, которая доводила меня до зубовного скрежета, теперь вызывала несколько иные ощущения, пугающе похожие на сладкую истому. И это... бесило. — Она впечатляет.

Я предпочла не уточнять, что именно он имел в виду, и почему его слова звучат странным намеком (да каким, к чертям собачьим, намеком, практически прямым подкатом). Просто проигнорировала и отвернулась к Шаену.

— Созрел, крысеныш? — раздраженно переступила с ноги на ногу, мрачно скрестив руки на груди, чтобы не ежиться от мурашек, бегущих по спине.

— Я не хотел, — залепетал талиер, практически сжимаясь в комок. — Правда не хотел, клянусь. Просто он сказал, что ты скоро не сможешь нас защищать, а когда об этом узнают лутты, то нападут, вот я и попытался...

— Притормози, — теперь уже я хмурилась совершенно неподдельно. — Кто сказал?

— Такой же как ты, — Шаен смотрел снизу вверх глазами побитой собаки. — Синекрылый. Он сам меня нашел. Рассказал, что у тебя проблемы, ты не сможешь и дальше быть нашей покровительницей. Это он предложил сообщить о твоей смерти, говорил, что если так не сделать, нам конец. И обещал помочь справиться с луттами, мол, изнутри их ослабит, нам останется только добить.

— Ослабил? — обманчиво учтиво уточнила я, скрыв дар за ограничивающим барьером. — Нет, план великолепен. Просто великолепен! Что-то Криста пока не в курсе внезапного ослабления луттов, зато все идет к тому, что вас перебьют как нехрен делать!

— Он обещал помочь, — талиер снова использовал пустой и дьявольски неубедительный аргумент. — Ему не было резона врать, этот синекрылый хотел после войны занять твое место здесь, говорил, что у него больше влияния.

Да твою же мать! Ни на год отвернуться нельзя, ей-богу.

— Ты поверил не пойми кому? — я покачала головой. — Неизвестному алату, что явился к тебе с посулами и, прости боги, гарантиями? Идиот, ничего не скажешь. Как хоть звали этого синекрылого?

— Он не говорил.

Шаен замолчал, виновато склонив голову. У меня были большие сомнения насчет искренности раскаяния, но я не видела особого смысла именно сейчас дрючить крысеныша на этот счет. Судьбу его решит Криста и Совет, когда вынесут приговор, сожаления мне к черту не сдались. А если понадобятся еще какие детали — навещу снова. Брезгливо поморщившись, я развернулась и вышла прочь из вычурных покоев, жестом поманила Гончего за собой.

В коридоре на секунду замерла, поколебавшись, потом положила руку на стену возле двери, ведущей в комнату Шаена и прикрыла глаза. Каменная кладка чуть потеплела и смягчилась, медленно погребла под собой дверь, затем снова застыла.

Так-то лучше. По крайней мере, без меня сюда никто не сможет войти, а лживый свинтус — выйти. Еды ему на пару дней хватит, не меньше.

Отвернувшись от двери, я вдруг осознала, что снова оказалась наедине с Гончим. Мало-душно подумала, не вернуться ли к допросу Шаена прямо сейчас, но выбросила эту мысль куда подальше и натянула маску непроницаемости. Хотелось бы верить, убедительную.

— Что скажешь? — Дес первым прервал молчание. Скрестив руки на груди, мужчина покосился в окно, обвел взглядом коридор и только потом посмотрел на меня. На мое счастье, не так, как раньше, скорее встревоженно. — Какой-то конкурент просто пожелал на твое место покровительницы? Есть кандидаты? Он такой же как ты, управляет страхом?

— Не факт, цвет же ни о чем не говорит, — пожала плечами, вернувшись мыслями к таинственному пернатому. — Даже если безоговорочно принять версию, что это все же алат, а не какой другой обладатель пары оперенных конечностей... Синекрылых не так уж мало, тем более, сделаем скидку на то, что Шаен — мужик.

Гончий недоуменно хмыкнул. Я молча щелкнула пальцами, по кончикам заплясали голубоватые искры.

— Какой это цвет? Просто ответь, — мотнула головой, предупреждая лишние вопросы, которые явно едва не сорвались у него с языка.

— Синий.

— А это? — повинуюсь, искорки сменили цвет на более темный, почти фиолетовый.

— Не синий? — неуверенно почесал бровь мужчина, скорее догадавшись, в чем суть вопроса, нежели действительно увидев разницу.

— Что и требовалось доказать, — хмыкнула я, потушив искры. — Так что мне нужно вычислить имя и дар этого алата, цвет ничего не дает.

— Не думала, что это может быть кто-то из свиты?

— Думала, конечно, — как по мне, такая мысль была просто очевидна. — Но меня терзают дичайшие сомнения. Чушь какая-то получается. В свите никто не знал о талиерах и моей связи с ними. Даже сам Вильгельм.

— Не слишком ли наивно полагать, что за годы твоего отсутствия ничего не изменилось? — не сдержавшись, фыркнул Гончий. — Еще скажи, что Вильгельму хватит благородства не жертвовать народом, которому ты покровительствуешь, исключительно из-за вашего конфликта, не имея на то более веской причины. Кстати, зачем тебе вообще эта история с покровительством?

— Здесь я немного сильнее, как алата, — вообще-то, порой сама задавалась вопросом, на кой черт мне лишние проблемы, но разрывать старые узы все же не хотела. — Страх талиеров подпитывает мой дар, я не использую дар против них, помогаю по мере своих сил. К тому же, всегда могу рассчитывать на удобную комнату и обеспеченную жизнь. Я здесь что-то вроде низшего божества.

— Губа не дура, — взгляд мужчины пробежался по мне с головы до пят. — Имею в виду, у талиеров, при выборе божества. Есть чему вознести молитву.

Нет, с этим определенно надо что-то сделать. Нельзя же каждый раз при его подобных намеках и взглядах вспыхивать, как спичка, чтобы потом уговаривать спятившее тело опомниться и успокоиться?

— Так может, все же Вильгельм? — Гончий перевел тему обратно буквально за долю секунды до того, как я собралась испортить ему настроение. Словно почувствовал. — Решил избавить тебя от надежного убежища, поэтому подсунул сюда кого-то?

— Вильгельму под силу стереть талиеров с лица земли гораздо проще и быстрее, — я и сама ощутила, сколь явное сомнение промелькнуло в моем голосе. Вообще-то, ситуация была как раз в духе бывшего покровителя. Зачем тратить силы на уничтожение чего-то, если это можно повернуть чужими руками и остаться словно ни при делах? — Черт, очень надеюсь, что ты ошибаешься. Иначе получится, что я снова подставила всех под удар, переместив сюда.

— Лина, я и сам не думаю, что прав, — поспешил «успокоить» меня Дес. — Знай Вильгельм о твоей связи с талиерами, взялся бы за них раньше, а не спустя десятилетия вашей ссоры.

Может, и так. А может, он выжидал какого-то подходящего момента, и тот настал не так давно.

В любом случае одна только мысль о возможной причастности Вильгельма выбивала из колеи. Прямо сейчас я думала только о том, что нужно срочно переместить всю свою компанию под защиту дворцовых стен.

В охранный домик я вернулась в одиночестве. Гончий порывался пойти со мной, но внезапно сработало кольцо Гильдии. В первое мгновение он заколебался, стоит ли прислушаться к зову, и вроде как даже махнул рукой, заявив разберутся без него. Я убедила Деса не глупить. Отчасти, потому что это был безопасный способ сбавить его хотя бы на время, чтобы перестать витать в странных облаках. Отчасти, так как не хотелось провоцировать Аристарха на поиски непослушного подчиненного, — вдруг они увенчаются успехом? Я бы не хотела объяснять главе Гильдии, как оказалась в непосредственной близости от одного из Гончих, и почему он не торопится меня ловить.

Портал я открыла в гостиную домика, даже не подумав, что могу кого-то ненароком зашибить. К счастью, обошлось, разве что я едва не споткнулась о ногу Ричарда, дремлющего на продавленном кресле. Мальчишка настолько вымотался, что даже не сразу проснулся, а открыв глаза еще какое-то время просто медленно моргал, приходя в себя.

— Извини, что разбудила, — виновато покосилась я на него. — Впрочем, все равно пришлось бы вставать. Мы перемещаемся во дворец.

— Дворец? — Ричард как-то не выразил особого воодушевления и закатил глаза. — Зачем мы вообще ушли из особняка? Ты где-то пропадала несколько дней, потом вдруг выдернула всех черт знает куда.

Похоже, стоило запаковать ему с собой суккубу-другую. Надо будет исправить данное упущение.

Или, как вариант, попросить Элазара усилить тренировки до тех пор, пока у меня не появится возможность вернуться к воспитанию юного алата.

— Давай договоримся, что объясню все попозже? — уклончиво отозвалась я. — Вас бы переместить, выспаться да подумать. Во дворце тебе понравится, там есть, что посмотреть, тем более, завтра вечером прием.

— Мне нравилось в доме демона, — мрачно пробурчал мальчишка, нехотя поднимаясь на ноги. — И не нравится выполнять роль безмолвного багажа.

— Для такого багажа у тебя язык длинноват, — я с трудом удержалась от желания ответить ему шутиливую затрещину. — Не ной и помоги Камилле. Поверь, во дворце твоей маме явно будет удобнее и безопаснее. И там будет место для Трианы, не то что здесь.

При упоминании блондинистой демоницы Ричард подозрительно быстро изменил выражения лица с недовольного на нейтральное. Судя по всему, Триана сумела одержать безоговорочную победу над своей соперницей за внимание моего подопечного. По крайней мере, я все чаще видела ее рядом с ним, да и мальчишка все меньше скрывал свое увлечение.

Теперь придется в самом деле попросить Асмодея отпустить суккубу сюда.

Стоило Ричарду скрыться в комнате матери, как оттуда вышел Эйл. На ходу вытерев руки какой-то тряпкой, покосился мне за спину и нахмурился:

— Он что, не нашел тебя?

— Ты о Гончем? — уточнила я с искренним удивлением: с какой стати Эйллар так спокойно спрашивает меня о Десе?

И почему, во имя всего святого, сегодня он уже второй, кто таращится мне за плечо, будто там есть что-то поважнее?!

— О ком же еще, — Эйл кинул тряпку на кухонный стол, опустил закатанные рукава. — Я думал, этот тип дверь лбом вышибет — так за тобой рванул, едва услышал, что ты ушла к талиерам. Неужели упустил?

— Нет, нашел, — я мучительно размышляла, нравится ли мне, что Гончий так распереживался, или скорее тревожит в довесок ко всем его странностям. — А что-то не так?

— Ничего. Просто странно, что его на наблюдается поблизости. Вообще-то мне было бы спокойнее знать, что он глаз с тебя не спускает.

Они сговорились сегодня озадачить меня своими закидонами как можно больше?

Я неотрывно уставилась на Эйла, в бессмысленной попытке прочесть его мысли, и несколько ожидая подвоха. Но он смотрел совершенно спокойно, без той тоски во взгляде, затаенной надежды, что выбивали меня из равновесия.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — не выдержала я первой молчания. — То приступы ревности, то непоколебимость скалы.

— Я понимаю, что был идиотом, — Эйллар развел руками, будто говорил о чем-то очевидном. — Наверное, просто не сразу пришел в себя. Думал, если вывалить на тебя свои чувства и переживания, ты сжалишься и вернешься. Как-то выветрилось за годы, что жалость тебя не возбуждает.

Равно как и резкие перемены и осознание собственных ошибок в мгновение ока вообще-то.

Выгнув бровь, я скрестила руки на груди и скептически хмыкнула. На большее как-то не хватило.

— Ну чего ты смотришь так? Да, признаю, я так испугался снова тебя потерять, что повел себя низко. Ты же знаешь меня, как облупленного: в моменты наших ссор я всегда терял трезвый рассудок.

— Теперь, выходит, внезапно его обрел? — недоверия в голосе было хоть отбавляй.

Эйллар промолчал, глядя куда-то в сторону.

— Я не теряю надежды, Линаэ... Лина, — добавил Эйл тише. — И любить меньше не стал. Но ползти за тобой на четвереньках не буду. Не столько в гордости дело, только знаю ведь, тебе такое не нравится.

Будь я проклята, сейчас передо мной был Эйллар тридцатилетней давности. Уверенный, с легкой усмешкой в уголках губ, теплым взглядом. Не сломленный той трагедией, не заиклившийся на прошлом, которое не вернуть. А вернувший себе тот внутренний стержень, что когда-то привлек мое внимание.

Собственно, я хотела, чтобы он принял новую реальность, он ее принял, даже лучше, чем можно было ожидать. Что ж не нравится-то?

Никогда бы не подумала, что допущу подобную мысль, но... Боги, как же я скучаю по Гревальскому. Простой, как три серебряшки, туповатый. Такой понятный в обращении.

Эти же двое... Такими темпами они доведут меня до ручки.

Не считая моего раздражения от неспособности понять теперь уже двух мужчин, перемещение во дворец вышло быстрым и будничным. Я поручила размещение всех по комнатами прислуге, проигнорировала короткое сообщение Эйла, что завтра утром он дополнительно проинструктирует мою компанию, каковы правила поведения во дворце, чего делать катего-

рически нельзя, и доплелась до своей комнаты. Стянула сапоги, штаны, оставшись в платье, и мгновенно отключилась, выбросив все из головы.

Глава 7

Я проспала не только завтрак, но и обед. В общем-то, довольно целенаправленно. На утренний стук послала всех к черту (интересно, кому достался столь нелюбезный прием, но оспорить посыл визитер не решился), завернулась поплотнее в одеяло и отключилась. И в следующий раз открыла глаза лишь далеко за полдень, когда осатаневшее солнце не только ткнуло лучами в глаза сквозь плохо задернутые шторы, но и хорошенько поджарило. Настолько, что одеяло я раздраженно сбросила на пол, пытаясь распутать прилипшее к коже платье. Совсем забыла коварный талиерский климат: утром холодрыга, днем — пекло.

Одно хорошо, проснулась я в итоге не только отдохнувшая, но и злая, как черт. Самое то для вечернего приема.

Пока я отмокала в ванной, строя планы, что и как сказать на приеме, как сдержать порыв просто-напросто навешать по ушам Совету, в комнату просочилась девчонка из прислуги с подносом еды. Я, выйдя в чем мать родила, поскольку полотенце под рукой не оказалось, застучала ее ровно в тот момент, когда она пыталась незамеченной смыться. Покраснев до корней волос, девушка чуть слышно пробормотала что-то про записку от Кристы и скорый приход Инари, которая поможет мне со сборами, а потом буквально стрелой вылетела из комнаты.

Я предпочла списать это на смущение от внезапного явления голой покровительницы, нежели на страх. Вообще-то мне нравилось знать, что я могу напугать до усрачки просто выражением лица. Чудесный навык порой значительно упрощал общение, переговоры и достижение компромисса. Просто не хотелось внезапно обнаружить, что он стал проявляться без повода.

В записке Криста лаконично сообщала время начала приема, время моего непринужденного, но тщательно продуманного ею появления и убедительную просьбу выглядеть прилично, как того требуют традиции. Гребаные традиции требовали платье. Не просто невнятное одеяние с юбкой, а именно парадное платье, то есть нечто безумно красивое, но неудобное, открытое, вероятнее всего с какой-нибудь вышивкой, что расцарапает всю кожу. Не то, чтобы я была яркой противницей женственной одежды. Просто мой вкус обычно расходился с местными «традициями» в диаметрально противоположные стороны: я была не прочь показать ноги, распорядительница же дворца вечно пыталась затянуть меня в корсет, да так, чтобы грудь в подбородок уперлась.

— Итак, будем драться за твой внешний вид, или в этот раз просто послушаешь старую перечницу?

Мягкий голос Инари застал меня врасплох в тот самый момент, когда я пыталась расчесаться.

Она не менялась последние лет пятнадцать, как мне казалось. Непривычно короткие для талиерки, остриженные до плеч, светлые локоны безукоризненно лежали изящной волной, на женщине было неизменное серебристо-серое платье, минимум украшений, но весьма искусный макияж. Инари являла собой воплощение элегантности и сдержанности.

При виде меня на ее лице расцвела тонкая улыбка. За спиной талиерки маячила давешняя служанка с подозрительным темным чехлом в руках. Судя по тому, как она морщилась, не без труда удерживая его на весу, легким он не был.

Не к добру.

— За старую перечницу уже каялась миллион раз, — я ответно улыбнулась Инари, с облегчением отбрасывая расческу: она все равно справится с моей головой куда ловчее. — Еще раз прости.

— Не торопись извиняться, пока не открыла чехол, — фыркнула талиерка. Забрав темное чудовище из рук служанки, она повелительным жестом отослала девицу прочь. Только оставшись один на один со мной, Инари позволила себе чуть расслабиться: положила чехол с

платьем на кровать, заключила меня в крепкие и теплые, практически материнские объятия. — Я безумно рада, что все оказалось враньем. С возвращением тебя.

Это странное чувство преследовало меня буквально с первого дня знакомства с этой женщиной. Я ей в прапрабабки годилась по возрасту, но она упорно делала вид, что все наоборот. С моей стороны возражений не было: не то, чтобы при жизни я была избалована материнской лаской.

— Итак, — Инари перестала стискивать мои ребра и деловито уперла руки в бока, изучая меня мрачным взглядом. — Готова к сборам?

— Можешь делать со мной, что хочешь, — я пожала плечами и плюхнулась на пуфик перед туалетным столиком, повернувшись спиной к распорядительнице дворца. — Обещаю не спорить.

— Какое-то подозрительное смирение, — талиерка, не мешкая, впиалась мне в волосы, как клещ, ловко разделяя их на пряди. — Так, собирать высоко не будем, иначе у нас спина останется слишком открытой.

Что там за платье, черт подери?

— Полагаю, за меня вполне отыграется Гончий, — я припомнила тот единственный раз, когда придела его парадно для таверны Севара. В частности, кислую мину и придирки, пока мы перебирали гардероб Аса. — Представляю, какой скулеж он поднимет, когда вы попытаетесь напялить на него что-то из торжественных шмоток талиеров. Советую сразу оглушить дубиной и переодеть бездыханное тело.

— Гончий — тот твой темноволосый спутник? — Инари бросила на меня странный взгляд в отражении. — Если верить перешептываниям служанок, с ним и правда будет проблематично.

— О чем это ты? — прищурилась. — Что за перешептывания?

— Девицы как с ума посходили, — талиерка чуть покачала головой, будто не одобряла подобное поведение подчиненных. — Ты настолько разнообразила контингент дворца своими спутниками, что я только и слышу, что бессовестное обсуждение мужиков. Постеснялись бы, хотя бы Эйла не трогали, но нет ведь.

Да пусть бы себе его и трогали.

— Так и что проблематичного будет с Гончим, не поняла? — я тряхнула головой, отбрасывая упавшую на глаза прядь волос, за что чуть не получила расческой по макушке.

— Крупноват для нашего народа, — хмыкнула Инари. — Придется искать ему что-то среди вещей Эйла. Если, конечно, он вообще появится к вечеру.

Ох, как Дес будет рад разделить гардероб Эйллара...

— Погоди, разве он еще не вернулся? — я вдруг зацепилась мысленно за окончание фразы.

— Нет. Ему выделили комнату напротив твоей, как просила, но насколько мне сообщили, он так и не появлялся, — покачала головой талиерка, принимаясь за вычесывание следующей пряди.

Если так подумать, не так уж и долго вроде отсутствует, разве нет? После того, как он днями и неделями в Гильдии не появлялся, вполне логично, что сейчас придется провести там денек, а то и больше. Наверное, причина моего беспокойства была в том, что он сам, очевидно, не особо понимал, зачем его вызвали.

Господи, да ну мало ли зачем?! Может, Вильгельм снова где-то отместился. Или что-то не связанное с алатамистряслось, не только ведь мое дело Дес вел? Он же один из заместителей главы, вызов вообще вполне мог быть формальным, чтобы решить текущие моменты, разве нет? В таких тонкостях работы Гильдии я как-то не в курсе.

А если Аристарх заинтересовался тем, почему моя поимка занимает столь длительное время? Невольно вспомнился давний разговор с Гончим о том, что мое дело могут передать

кому-то другому, если к нему возникнут вопросы без ответа, и внутренности на мгновение скрутило от тревоги. Что, если так и случится? Вдруг Дес застрял в Гильдии с концами, что тогда? Как быть с нашей сделкой, например?

— Лина, не суди за любопытство старую женщину, но можно вопрос? — Инари неловко кашлянула, привлекая мое внимание. — У вас с Эйлом что-то не ладится?

Гадство. Гадство и еще раз гадство. Здесь никто не знал о том, что Эйл был мертв. У талиеров прошло всего десять лет, а не тридцать, как в большинстве других миров, многие из тех, кто еще застал мои появления здесь в статусе жены Эйллара, вполне живы, здоровы и даже далеки от маразма. Даже Криста его помнит, ей было лет семнадцать, когда мы оба гостили тут последний раз. Спустя несколько месяцев я внезапно «овдовела», а еще спустя года четыре по летоисчислению талиеров, навестила их снова, на все вопросы о муже уклончиво отвечая, что он просто не смог прийти со мной.

Выходит, что в этом мире я, по сути, в глазах большинства все еще замужняя дама. Чтоб меня! Как можно было об этом не подумать?!

— Просто некое недопонимание, пустяк, — фальшиво улыбнулась я талиерке, дернув плечом. Потом объяснюсь, сейчас как-то не до того. — Не бери в голову.

— Из-за пустяка мужа не отселяют в отдельную комнату, да еще и с просьбой, чтобы она была подальше от твоей, — справедливо заметила женщина. — Вы и раньше спорили, только...

— Инари, честно, вообще не хочу об этом говорить, — остановила я ее.

— Потому что предпочла другого? — выгнула бровь талиерка. — Сложно не заметить, услышав об отсутствии Гончего ты помрачнела.

— Об этом тоже не хочу говорить, но нет, ты неправильно все поняла, — я бросила через зеркало на нее предупреждающий взгляд. — Между нами ничего нет.

И не будет.

— Как знаешь, — не расстроилась Инари. — Просто могла бы выговориться, вдруг что подскажу... Все же не один год в браке, и довольно счастливом.

— Не подскажешь, как твои попытки выдать Кристу замуж и добиться от нее наследников? — коварно ввернула я, вспомнив большую мозоль распорядительницы дворца. Да, у нее и впрямь были потрясающие отношения с мужем, которым я не раз по-доброму завидовала. Но вряд ли весь ее огромный опыт можно было применить к нашей с Эйлом деликатно-дерьмовой ситуации.

— Не хочешь говорить и не надо, — мельком скривилась женщина, но почти сразу вернула себе спокойное выражение лица.

Следующий час Инари действительно не касалась вопросов о моей жизни, болтая только на нейтральные темы вроде погоды-природы, обстановки во дворце, последних государственный сплетен и перестановок в Совете. Как и ожидалось, шустрая прислуга под чутким руководством распорядительницы дворца работала ничуть не хуже шпионской сети. У Инари было столько новых для меня сведений, что большая часть просто-напросто пролетела мимо ушей, совершенно не отложившись в памяти. Я только то рассеянно кивала, то согласно хмыкала, отрешенно наблюдая, как талиерка собирает часть моих волос на затылке, беспощадно втыкая в макушку какое-то немислимое количество шпилек.

Пока она не сообщила, что пришло время натянуть подготовленное для меня платье. Взяв в руки чехол, я чертыхнулась — действительно тяжелое, подозрительно не то шуршащее, не то позвякивающее. Вопросительно покосилась на Инари, мол, не шутит ли она, но та лишь невинно улыбнулась и кивком указала мне на ширму.

Ткань покалывала, царапала, цеплялась за волосы. Я почти озверела, пока расправила подsunутое мне бордовое нечто на теле, но выйдя к зеркалу подавилась собственными возмущениями.

Платье было не бордовым, а скорее глубокого винного оттенка, чуть темнее цвета моих волос, когда на них падает свет. Тонкое кружево расшито мелкими сверкающими бусинами в цвет, на длинных рукавах под ним не было подклада. Верх платья плотно облегал фигуру до самых бедер, дальше юбка расходилась свободными волнами, при каждом шаге переливающимися алыми искорками. Декольте определенно притягивало взгляд, но вызывающим не выглядело. В отличие от спины, потому что там платье отсутствовало, не считая тонкой полосы того же кружева, что прикрывала крестец.

И на том спасибо, хотя бы задницу не продует. По крайней мере, теперь я понимала, почему Инари не стала собирать мне волосы: слишком много покровительницы предстало бы талиерским взорам, а формат мероприятия явно такого не одобрял.

Вообще-то мне нравилось то, что я видела в отражении. Давно не видела себя такой, не чувствовала этой уверенности. Настолько давно, что успела заскучать. Нет, я наряжалась в таверну, но все же, не совсем так, как сейчас.

Даже жаль будет, если кое-кто...

Если кое-кто не возьмет себя в руки и не займется важными делами.

Надев туфли, я позволила Инари помочь мне вдеть в уши длинные серьги из таких же бусин, что на платье, только чуть поярче цветом, и вышла прочь под ее пожелание удачи.

Тронный зал мое появление встретил сперва ошарашенной тишиной, а затем все возрастающим гулом голосов и морем любопытных взглядов, которые я предпочла оставить без внимания. На фоне бело-голубого зала с изящными вкраплениями золота в виде прожилок мрамора на полу и несущих колоннах, золоченых подсвечников, я казалась ярким темным пятном, которое сложно пропустить. Хотелось бы верить, что и достаточно злобещим: план Кристи предполагал, что причастные к делишкам Шаена при моем внезапном появлении обгадятся от страха, а мы уж вычислим их по запаху. Среди разряженной дворцовой публики, ближе к подиуму, я краем глаза заметила Ричарда, Лисию и Эйла. Камилла и Элазар очевидно предпочли остаться с Терезой. Гончего видно не было: меж привычно светловолосых талиеров он бы точно не затерялся.

Криста восседала на троне в голубовато-серебряном платье, как и пристало Правительнице. Зная ее лютую нелюбовь к подобным одеяниям, я с трудом сдержала усмешку. В кои-то веки она действительно походила на Правительницу, а не проказливую девчонку, случайно присевшую на чужое кресло. Сияющая прозрачными камнями диадема создавала вокруг ее головы сияние, практически ангельский нимб. При моем появлении Криста поднялась с места, церемонно дождалась, пока я доберусь до нее, старательно сдерживая шаг, чтобы не бежать. После излишне вежливого обмена приветствиями и воодушевляющего заверения, как мы рады друг друга видеть, я позволила себе опуститься в кресло чуть поскромнее, установленное по правую руку от трона. Правительница талиеров взяла слово, сообщая публике благостную весть о моем возвращении на тот случай, если вдруг кто-то сейчас не понял, что произошло.

Речь Кристи я слушала краем уха, изобразив надменно-скучающий вид и занимаясь в тот момент куда более важным делом. Когда я рассказала ей про Шаена, с трудом удержала талиерку от мгновенной расправы над крысенышем, убедив, что нам сперва нужно было понять, не завелось ли у поганца единомышленников-друзей при дворе, которые разделяют его заботу о народе. Собственно, именно поэтому талиерка сообщила о моем появлении лишь крайне узкому доверенному кругу, предпочтя устроить остальной дворцовой публике шоковую терапию. Следуя нашему плану, пока Криста тянула время, неся черт знает что, я рассматривала зал.

Члены Совета по большей части поглядывали на меня с плохо скрываемой неприязнью (сказывалось влияние Маруса и его ко мне глубокой антипатии), некоторые — с искренним удивлением (а это, смею полагать, следствие тотальной непричастности к выходкам Ша-ен-Арила и искреннее удивление тому, что я жива). Пара-тройка умудренных опытом советников

казалась вполне умиротворенной и даже вроде бы довольной моим появлением. То есть адекватные члены Совета все еще существовали. И то радость.

А вот у некоторых талиеров глазенки все же бегали, да и ручки то пуговку беспокойно теребили, то по бокалу перебирали нервно, то тугой воротничок рубашонки оттягивали.

Я прибегла к привычному и естественному для меня методу — сканировала их страхи. Незаметно, исподтишка, тщательно контролируя дар, чтобы он не выдал себя. Всех в зале перебрать не получалось, Кристу и без того уже несло в странные дебри пустопорожних рассуждений. Так что я выбрала наиболее подозрительных персонажей. На мою удачу все они стояли близко к подиуму с троном.

Марус, глава Совета, был чист. Как ни обидно было признавать, старый интриган, вечно пытавшийся бросить на Кристу тень по поводу и без, к выкрутасам Шаена не имел никакого отношения. Если он чего и боялся, так того, что я тут подзадержусь и попытаюсь влезть в работу Совета. Мелкий страх, никчемный. С Советом Криста и сама справлялась много лет.

Парочка его ближайших подхалимов была поинтереснее, их страхи были темнее, гуще, с оттенком вины. Мне показалось, что кто-то из них боится, что всплывет какая-то тайна, связанная со мной, но конкретнее разобрать не смогла: Криста как раз обратила внимание честной публики на «воскресшую», а народу в зале все же было многовато. Чтобы детально разобрать, где чей страх, надо было дать дару большую волю, что было бы прямым нарушением соглашения.

Работать лицом на публику одновременно с использованием дара я не рискнула.

Поблагодарив Кристу за предоставленную возможность, сообщила о том, как рада вернуться (старичье из Совета захмыкало), поблагодарила Кристу и Инари за гостеприимство и радушный прием (распорядительница дворца расцвела улыбкой, Правительница талиеров делано махнула ручкой, мол, пустяки). Выждав паузу, я со скорбным видом сообщила о предательстве Шаена и скором его наказании, а также заверила всех в том, что костями лягу, но исправлю последствия письма, направленного Советом. По залу снова заматались шепотки, Марус недовольно прищурился, но от бубнежа ближайших прилипал досадливо отмахнулся. А что такого я, собственно сказала? Чистая, незамутненная правда. Я даже не ткнула присутствующих носом, что все провернули в обход Кристы, пусть спасибо скажет.

После меня Криста еще раз заверила всех в предстоящем справедливом суде над крысе-нышем и предложила перейти наконец к празднику в мою честь.

Как только зазвучала музыка и в зал просочились слуги с подносами, я спустилась с подиума и отошла чуть в сторону, к колонне, прихватив по пути бокал с вином. Честно говоря, не то настроение, чтобы праздновать, но и уходить сразу было бы как-то странно. Поэтому, прислонившись к колонне так, чтобы видеть большую часть зал, но самой находиться в полутьме, я рассеянно наблюдала за гостями, машинально поглаживая пальцами прохладную ножку бокала. Когда кто-то порывался подойти поближе, чтобы пообщаться лично, просто чуть больше скрывалась за колонной, пропадая из виду.

Меня все больше беспокоила чертова сделка. Даже больше, чем поиски пособников Шаена среди гостей.

Нет, правда, что если этот сложносочиненный придурок не вернется? Сделки скрепленные магией на крови нельзя просто забыть или отмахнуться от них, мы будем связаны друг с другом до тех пор, пока ее не исполним. Или не разорвем по обоюдному согласию. С учетом туманных намеков Деса, что он более в моей помощи не заинтересован, мог бы и расторгнуть, но нет ведь, оставил все в силе и исчез.

Твою мать, ну почему я вообще должна дергаться, вернется он или нет?! Нельзя было найти способ направить восточку, так мол и так, государственные дела требуют моего срочного присутствия?

— Позволишь?

Протянутая рука Эйла замаячила перед моим опущенным взглядом совершенно неожиданно. Удивленно заморгав, я посмотрела на мужчину, не сообразив, что ему нужно.

На душе тут же неприятно царапнули кошки: на нем был костюм в тон моему платью. Немного темнее, но с таким же узором на ткани, расшитым бисером черного цвета. Я не любила подобные мужские костюмы, считая их излишне вычурными. Хотя надо признать, что Эйлу все это шло. В сочетании со светлой рубашкой, сложной гладко заплетенной косой, лежащей волосок к волоску, выглядел он довольно статно.

Разве что мы слишком явно выглядели парой.

— Лина? — вывел меня из раздумий Эйлар, чуть более явно качнув протянутой рукой.
— Хотя бы один танец позволишь?

На запястье мужчины блеснул широкий золотистый браслет, отчего у меня по голой спине невольно пробежали мурашки. Лишь присмотревшись, поняла, что он только очень отдаленно напоминал брачный.

Я хотела отказать ему. На языке уже вертелись вежливые, нейтральные слова про усталость и натертую туфлями ногу. Но краем глаза я заметила, что за нами слишком пристально наблюдает Марус и несколько приближенных ко двору дам. Сложно сказать, кто напряг меня больше: перешептывающиеся хихикающие кумушки или старый интриган, охочий до сплетен, в глазах которого читался явный интерес к ситуации. В любом случае, мне совсем не улыбалось делать свою личную жизнь предметом этих сплетен, поэтому я нехотя протянула руку Эйлу, изобразив воодушевленную улыбку.

Прежде чем я успела сказать хоть слово, Эйлар молниеносно защелкнул на моей руке браслет, как две капли воды похожий на его собственный.

— Я починил застежку, Линаэль, — нарочито громко заявил он и изловчился чмокнуть меня в щеку, пока я не отошла от шока. — Идем.

— Какого черта ты творишь?! — зашипела сквозь натянутую улыбку, стоило нам оказаться в центре зала. Нехотя вложила свою ладонь в руку Эйла и позволила ему приобнять себя за талию.

— Инари нашла пару браслетов, чтобы прекратить сплетни среди прислуги. — мужчина уверенно повел меня в танце за собой, словно ничего не случилось. — Сама понимаешь, сначала горничные шепчутся, что мы разбежались, потом это во все стороны разойдется.

— Не все ли тебе равно?

— Лина, ты сама, судя по всему, предпочла для талиеров сохранить мою смерть в тайне, — Эйл устало вздохнул, мягко заставил меня откинуться назад, чуть прогнувшись в пояснице и выпрямиться обратно. Теплые уверенные пальцы мимолетно скользнули по коже. — Это просто украшение. Зато оно избавит от вопросов обо мне. На наше раздельное проживание скажем, что тебе нужно сосредоточиться на решении вопроса с войной, и ты не желаешь ни на что отвлекаться. Или обиделась на меня из-за чего-нибудь.

— Очень интересно, — не оценила задумку. — То есть или я слишком тобой озабочена, что аж отселила подальше, или припадочная дура, которая выставила мужа вон из-за размолвки, но преспокойно с ним танцует? А ты при этом образец непоколебимости и стойкости, терпеливо сносящий все мои заскоки?

— Боги, скажешь сама, что пожелаешь, — покачал головой Эйл. — Лучше обрати внимание на советника за твоим правым плечом, средних лет, с длинными волосами, в синем.

Мужчина аккуратно развернулся вместе со мной, чтобы я могла увидеть того, о ком он говорит.

— И? — озвученный Эйларом советник, заметив мой взгляд, изобразил жутковатый радушный оскал.

— Он весь вечер пытается выяснить, будет ли пересмотр торговых соглашений с луттами, — Эйл снова совершил круг, уводя меня чуть в сторону. — Насколько я помню, членам Совета

запрещено иметь какие-либо связи со сферой торговли. Разве не странно, что его интересует именно этот вопрос? И потом, он постоянно обсуждает со своей спутницей, что вложил огромные средства в предстоящую войну, и теперь, вероятно, потеряет целое состояние. Не знаю, конечно, о каком именно размере состояния речь, но его дама становится все грустнее, а сам советник от своих переживаний потеет как... Сильно, в общем. Ближе лучше не подходи.

На мгновение я сбилась с шага, но Эйл практически незаметно вернул меня обратно в ритм, чуть сильнее сжав ладонь на талии.

— Ты следил за ним? — не удержалась от очевидного вопроса.

— Я следил за многими, — мужчина чуть пожал плечами. — Инари рассказала про ваш с Кристой план. Пока шла официальная часть, у меня было время как следует погреть уши. Надо же использовать природный талант?

Эйллар с невозмутимым выражением лица подергал заостренными кончиками ушей. Я почувствовала, как уголки губ поползли вверх: старый ведь трюк, заезженный, можно сказать, но все такой же забавный.

— Так вот, — продолжил мужчина, глядя скорее по сторонам, чем на меня, — был тут где-то еще один тип, странно себя повел. Он при твоём появлении вообще не удивился. Я сперва подумал, что просто раньше других пронюхал о причинах торжественного вечера. Только когда ты сказала про Шаена, парень слишком уж занервничал. Если увижу его, покажу.

Я невольно вперилась взглядом в Эйла. Будь я проклята, он в самом деле помогал. И надо сказать, весьма неплохо. Не считая выходки с браслетом, Эйллар вел себя безупречно, ничего не просил, не давил, просто делал то, что получалось у него великолепно: наблюдал, анализировал. Без единой просьбы.

— В чем дело? — он, в конце концов, заметил мой взгляд.

— Спасибо, — выдавила я, все еще не совсем веря в реальность происходящего. — За помощь.

— Всегда пожалуйста, — мужчина улыбнулся искренне, без тени самодовольства. Зеленые глаза мгновенно потеплели. — Я же говорил, что могу быть полезен.

Как только музыка стихла, Эйл моментально отпустил мою талию, ни на мгновение не попытавшись задержать прикосновение. Отступил на шаг, благопристойно сложив руки в замок на спине. В кои-то веки за последние дни я не чувствовала себя неловко в его присутствии.

Отойдя от центра зала, мы незаметно оказались около Кристы. Правительница талиеров около столика с блаженным видом дожевывала пирожное, игнорируя злобные взгляды Инари, пытавшейся то поправить ей немного перекосившуюся диадему, то затянуть обратно ослабленный в талии корсет. При нашем появлении талиерки прекратили борьбу свободы с элегантностью и заулыбались. Криста приветственно отсалютовала Эйлу бокалом.

— Давненько тебя не было видно, — возраст Эйллара никоим образом не мешал Правительнице талиеров обращаться к нему на «ты». — Уже думала, между вами что-то стряслось.

Я замерла на долю секунды, поняв, что все же стоило предупредить Кристу и Инари о нашей запутанной ситуации. Эйл прекрасно знает, насколько доверительные между нами отношения, наверняка думает, что они в курсе. Будет весьма неловко, если...

— Не смущай мою жену, — Эйл, не замешкавшись, словно так и надо, притворно погрозил Правительнице пальцем и запечатлел на моих губах мимолетный поцелуй, собственнически погладив по спине поближе к краю выреза платья. — У нас все по-прежнему, все та же счастливая пара.

Маска полезного и удобного рассыпалась осколками.

Сукин сын.

Лживый, наглый сукин сын.

Я медленно обернулась к нему, сжав руки в кулаки, чтобы не вlepить прилюдно пощечину. Одно дело изображать при посторонних, что между нами все гладко, хрен с тобой. Но врать Кристе и Инари, что мы счастливы вместе? Вести себя так, будто я и впрямь все еще его жена? Большая ошибка.

Счастливая... пара?!

— Жену? — холодно уточнила я у Эйла, вскинув брови в притворном удивлении. — Разве не правильнее будет сказать, что я твоя вдова? Мне казалось, что женщину, муж которой тридцать лет прикидывается трупом, называют именно так.

Криста изумленно выругалась и выронила бокал, перепачкав вином подол платья. Инари неверяще уставилась на Эйлара, словно в самом деле углядела призрак.

На лице мужчины промелькнула целая гамма чувств, от мимолетного удивления, боли и досады до злости. Я заметила, как дернулся мускул на его щеке, как потемнели глаза, и в них мелькнуло нечто опасное, что напомнило, каким он мог быть в гневе. Но на мой выпад Эйл промолчал и лишь сжал челюсть.

Я не стала дожидаться, пока повисшее между нами напряжение разразится скандалом. Развернулась на каблуках так резко, что чуть не подвернула ногу, подхватила подол платья и пошла прочь из зала, игнорируя все вопросительные взгляды. На полпути раздраженно скинула туфли, замедляющие шаг, и злобно зашлепала по мраморному полу босыми ногами. Эйлар попытался меня окликнуть, но его голос только подстегнул в спину, и из зала я практически выбежала. И только хлопнув дверью, вспомнила о гребаном браслете. Остервенело стянув его с руки, я почти уже открыла дверь, чтобы швырнуть треклятое украшение в башку Эйлу, но в последнюю секунду передумала и снова саданула створкой двери о косяк.

Замечательно. Просто прекрасно. План не давать поводов для сплетен о моей личной жизни удался как нельзя лучше. Как бы Марус с приспешниками не издох от счастья.

В Гильдии царило странно-тревожное оживление. По пути к кабинету Аристарха, мне то и дело попадались бледные и злые коллеги с распотрошенными папками. Кто-то уныло брел навстречу, передергиваясь от каких-то собственных мыслей, кто-то несся, сломя голову, с перекошенным от гнева лицом. Все явно свидетельствовало о том, что Аристарх засел за массовую раздачу ускоряющих работу пинков.

Гематитовый перстень не переставал требовательно полыхать, обжигая кожу.

Да твою ж коврижью мать! На месте я, на месте.

Обогнув очередь из коллег перед дверью Главы Гильдии (к слову, никто не стал спорить и сдвигать меня в конец), я вежливо постучал, но вошел в кабинет, не дождавшись ответа.

Аристарх восседал за массивным письменным столом, заваленным бумагами так, что столешницы и не видать. Выглядел он немного потрепано, на висках выбилось несколько прядей, словно Старх хватался за голову. Может и хватался, конечно, черт его знает. Во время разносков я разок-другой замечал за ним подобное. Жест не столько свидетельствующий о реальном состоянии Главы Гильдии, сколько добавляющий экспрессии его словам. Сесть он мне не предложил, но я, в общем-то, и не нуждался в подобном радушии: опустил в кресло напротив, закинул ногу на ногу и приподнял брови в вежливом внимании.

С моего сапога на застеленный светлым ковром пол шлепнулся ошметок грязи. Аристарх проследил его мрачным взглядом, а затем скривился еще больше: грязные следы обуви тянулись через весь кабинет.

— Да ты вконец рехнулся, — Глава Гильдии на мгновение устало прикрыл глаза. Потом попытался проделать во мне дыру фирменным гневным взором. — По каким колдобинам тебя черти носили, позволь поинтересоваться?

— По грязным, — пожал плечами, дав очевидный ответ на странный вопрос. — Извини, не было времени прихорашиваться, мне перстень чуть до кости палец не прожег. Что стряслось?

— Это я у тебя хочу поинтересоваться, — Аристарх побарабанил пальцами по столу. Папки с бумагами угрожающе пошелестели. — Почему до тебя не доходил зов? Мелитон уже готов был бить тревогу, если бы ты сегодня не объявился.

— Обстоятельства. Сам знаешь, как бывает.

— Знаю, именно поэтому спрашиваю, — хмыкнул Глава Гильдии и чуть откинулся на спинку кресла. — Обычно подчиненные предупреждают, что какое-то время не смогут отзываться.

— Я не думал, что мир, в который попаду, будет с настолько нестабильным магическим фоном, — соврал, не моргнув глазом. Не рассказывать же, в самом деле, что я просто был лишен магии вместе с Линой? — Туда зов кольца вообще не доходил. Ты же знаешь, я не игнорирую вызовы просто так.

На столь откровенную ложь у Аристарха просто не нашлось, что сказать. Он изумленно вытаращил глаза, открыл было рот, но почти сразу махнул рукой.

Разумно, отповедь про необходимость незамедлительно реагировать на зов никогда не оказывала на меня нужного эффекта.

— Где отчет по погибшим метаморфам? — вместо нравоучений перешел Глава Гильдии к делам.

К счастью, здесь я был готов. Ну как готов... Понимал, что после восьми трупов перевертышей вопрос однозначно всплывет, поэтому нацарапал кое-что на коленке. Не шедевр, но лучше, чем ничего. Вытащив свернутые листы бумаги, выглядевшие так, будто не в кармане куртки держал, а где поукромнее, я невозмутимо расправил их и протянул Аристарху.

— Что-то не вижу тут упоминаний о Гончих, которых ты привлек к делу в обход Гильдии, — хмыкнул глава, демонстрируя на редкость подробную осведомленность. — Думал, не узнаю? Нет, конечно, я же не идиот.

— Просто забыл вписать, — пожал я плечами. — Ручку не дашь?

— Забыл? — Аристарх с усмешкой протянул собственную, перьевую. — Будь добр, не забудь заодно указать, с каких заданий их выдернул, проверю, все ли уладили. Так ты не пытался скрыть привлечение стороннего ресурса?

— Слушай, не мы изобрели бюрократию, но ты возвел ее в культ божества, — кривоватым мелким почерком я втиснул нужные пометки на полях мятого отчета. На весу перо Главы гильдии оставило в бумаге пару дыр, поставило несколько клякс, но перфекционизм в бумагомарательстве никогда не был моей сильной стороной. — Если бы я все делал, как положено, упустил бы момент. А была возможность выйти на Вильгельма.

— Которую ты все же упустил, несмотря на все старания, — Аристарх посчитал нужным ткнуть меня носом в неудачу. Что ж, я бы удивился больше, не случись подобного. — Ты выяснил, зачем все пропавшие нужны были этому типу? Алаты, перевертыши... Что у него за вендетта? В отчете как-то я не вижу выводов на этот счет.

Вот мы и подобрались к моменту, когда совесть и долг разбивались к чертям свинячьим о ведьму. Я должен был бы выложить все, что слышал от нее самой. Что старый козел собирает души и проводит эксперимент для создания чего-то жуткого вроде еще одной Пандорры, а то и похуже. Рассказать так, как знаю, не утаивая ничего. Это в кои-то веки дало бы Аристарху рычаг давления на Высшую ложу или самого Вильгельма. Дало бы мне возможность задействовать все ресурсы Гильдии. Черт, если бы был шанс добиться от Старха какой-то неприкосновенности для нее, оправдания, Лина могла бы стать нашим свидетелем, помочь стереть ее бывшего покровителя в порошок.

Но кое-то я понимал до боли четко: если Аристарх узнает, что Лина и Пандорра — единое целое, ей не жить. Даже если она научится ей управлять. Даже если мы поклянемся и докажем, что я могу ее остановить. Возможно, в стремлении прищучить алатов Глава Гончих и согласится закрыть глаза на сей факт. Только когда все закончится, он не допустит, чтобы ведьма осталась на свободе. Не потому что двуличный ублюдок, просто долг Гончего не позволит.

Так рисковать я не мог.

— Только слухи, — старательно изобразил досаду. — Ходят слухи, что Вильгельм проводит какие-то эксперименты над душами, для этого нужны перевертыши, алаты и дети алатов. Доказательств у меня нет, вот и не вписал в отчет. Не приведи боги попадет в чужие руки, а обвинение уж больно серьезное.

— Дети алатов? — Аристарх вскинул брови в неподдельном изумлении.

— Да. Представляешь, они размножаются не почкованием, — не удержался от ехидного смешка.

— Заткнись, умник, — душевно посоветовал мне Глава Гильдии. — Я к тому, что не понимаю их ценность для Вильгельма. Помнится, от рождения они никакой силой не наделены, просто со временем теоретически тоже могут стать крылатыми. Так зачем Вильгельму чьи-то дети без дара?

А ведь Лина чертовски права, в знаниях Гончих об алатах есть куча пробелов. Что, впрочем, зачастую мне только на руку.

— Мне почему знать? — правдоподобно пожал плечами в растерянности. — Хотя кое-какое предложение есть. Подряди архив проверить, не было ли за последние три-четыре месяца сообщений о пропаже детей алатов или вероятных детей.

— А еще абстрактнее запрос не мог придумать? — Аристрах изогнул одну бровь так сильно, будто собирался пальнуть из нее в меня на манер лука. — Да и с какой стати кто-то, связанный с алатами, вообще к нам обратится?

— Пропавшие алаты, список которых мне давал Мелитон, все были из отступников. То есть тех, кто ему подчиняется, Вильгельм на опыты не пускает. Готов поручиться, что и ребенка алата он будет искать среди, скажем так, неучтенных, которых крылатая братия нахватится.

— Может и попросить кого из верноподданных поделиться потомством, — справедливо возразил Глава Гильдии. — Многие ли ему откажут?

— Немногие, — смысла спорить тут не было, тем более, что у меня был иной аргумент. — Только в случае неудачи, как с перевертышами, надо будет как-то себя обелять, придумывать объяснения. Разве не проще использовать того, о ком алаты не знают?

— Хорошо, я дам распоряжение архивариусам, — Аристрах так тяжело вздохнул, будто сам собирался возглавить бумажные изыскания.

— Маякни, если что найдете, — я поднялся с кресла, сдержав выдох облегчения. — Вернусь пока к поимке синекрылой.

— Не так быстро, друг мой, — покачал головой Глава Гильдии. — Для начала будь добр дописать и все другие свои отчеты, давным-давно заброшенные.

Выдох все же вырвался, но вместе с невольным матом.

— Обязательно сейчас? — неподдельно скривился я, мысленно уже шагая по коридорами талиерского дворца. — Что за срочность?

— Бюрократия, Дес, бюрократия, — благодушно улыбнулся Аристрах. — Как ты верно заметил, я ей поклоняюсь. Потому что только так в этой Гильдии будет хотя бы подобие порядка. И раз ты мой заместитель, будь так добр время от времени делать вид, что придерживаешься моего мнения. У тебя тут есть кабинет, стол, ручки. Вперед, порадуя меня к утру.

— К утру?! — неподдельно ужаснулся.

— Если успеешь отписаться раньше — я только за. Ты хоть примерно представляешь, сколько отчетов задолжал?

Я скрежетнул зубами от досады, но по взгляду Главы Гильдии понял, что пощады не будет. Поэтому просто вышел прочь, надеясь расправиться с поручением как можно быстрее.

В итоге всю ночь провел за письменным столом. Последний отчет я дописал лишь под утро, когда пальцы окончательно сроднились с ручкой до ломоты в костях и перестали разгибаться, а мысли смешались в кучу. Представляю, что я там понаписал, конечно. Но Аристрах вроде и не говорил про качество.

Сложив папки неаккуратной стопкой, сверху водрузил записку о том, что все сделал, и собирался уйти, когда в комнату буквально ворвался Мелитон. Судя по его побледневшему лицу, стряслось что-то из ряда вон.

— Срочно в общий зал, — секретарь Гильдии даже толком не отдышался после забега. — Аристарх собирает всех заместителей.

— На нас напали? — непонимающе хмыкнул, оттирая с пальцев чернила. — Откуда такая паника?

— Дело касается Эвелинн, — Мел на мгновение отвел взгляд, колеблясь, потом все же посмотрел на меня. — Похоже, Старх собирается официально снять тебя с этого задания из-за провала.

Глава 8

Утром мне пришлось пережить краткий спор с Инари. Я вырядилась в привычные темные штаны и рубашку, но была перехвачена распорядительницей дворца на выходе из комнаты. По суровому хмыканью талиерки догадалась, что она не случайно караулила под дверью. Инари непреклонно развернула меня на полушаге и отправила за ширму, вдогонку кинув платье. Я попыталась возмутиться, в итоге мы дошли до ярого спора и сошлись на компромиссе: брюки оставляю, а верх сменяю на талиерский — тонкий шелковый топ с декольте и свободную расшитая серебром накидку до колен. В принципе, почти то же самое, что и рубашка, разве что длиннее, потоньше и посвободнее. Пользуясь случаем, пока переодевалась, я успела просветить Инари на предмет наших с Эйлом разногласий, во избежание дальнейших досадных недоразумений. Талиерке явно было что сказать на этот счет, но она учла мое покашливание и придержала мнение при себе. Зато под шумок беседы умудрилась нацепить на меня сережки, кулон и изящный серебряный пояс с обвесом из цепочек на бедрах.

По сравнению с лекцией о семейных отношениях — меньшее зло.

— Гончий не появлялся? — мимоходом поинтересовалась я у распорядительницы дворца, вышагивая следом за ней в сторону кабинета Кристы и стараясь привыкнуть к тому, что на ходу позвякиваю теперь не хуже Лисы с ее браслетами. По крайней мере, на общем завтраке я Деса что-то не заметила. Как и Эйла, впрочем, что к лучшему.

— Переживаешь? — невзначай выгнула бровь талиерка. — Разве он не предупредил тебя, на сколько ушел?

— А разве обязан? — намек, пусть и не совсем четкий, в голосе женщины был довольно очевиден. — Я просто спросила, объявился он или нет, не додумывай ерунды.

— Не появился, — фыркнула Инари, ни на миг не поверив мне. — Хочешь, как только увижу, отправлю к тебе, чтобы не дергалась? Больно ты нервная.

Посмотрела бы я на нее, будь она связана сделкой с кем-то вроде Гончего, и не знала, чем теперь эта договоренность вообще закончится.

— Мне предстоит пребывание в обществе вашего долбаного совета без возможности вмазать хоть кому-то, — остановившись перед кабинетом Кристы, укоризненно покосилась на распорядительницу дворца и поправила накидку, едва не соскользнувшую с плеча. — Я нервничаю, когда мне запрещают применять насилие.

В светлом кабинете царилась весьма напряженная тишина. Сама Правительница сидела в кресле во главе длинного стола, мрачно сверля взглядом Маруса. Тот философски игнорировал ее презрение, уставившись куда-то перед собой, будто не видел ничего интереснее, чем геометрический орнамент тяжелых кремовых штор. Оставшиеся десять наиболее влиятельных членов Совета смотрели то на одного, то на другого, ерзая на неудобных резных стульях, ожидая следующей перепалки и стараясь лишний раз не дышать.

Как пить дать, эти двое в отсутствие Инари снова разосрались. Впрочем, тут я всегда на стороне Кристы. На моей памяти она ни разу не попыталась навешать тумачков без повода.

Щелкнув пальцами, я замкнула дверь и на всякий случай набросила сверху чары, скрывающие малейшие звуки.

— Признаться, не был уверен, что соизволите все же нас посетить, — вместо приветствия окрысился на меня Марус. Колочий взгляд карих глаз был призван приковать меня к месту и устыдить, но, увы, к его огромному сожалению, пробить мою броню не смог. — Полчаса уже сидим в ожидании.

Иногда мне было безумно жаль, что условия соглашения с талиерами запрещали быть злобной сукой.

— Ну так прошлись бы, размяли задницу, — проявлять к нему почтение после такого приветствия желания не было. Инари за моей спиной сдавленно охнула и едва слышно прошипела нечто вроде «не одна, так другая». — Глядишь, голова бы лучше соображала.

Криста изогнула губы в гадкой улыбочке.

Я не умела предсказывать будущее, но уж ей точно вечером влетит от распорядительницы дворца. Меня-то отчитывать Инари все же постесняется.

— Итак, не будем растягивать вынужденное общение, — я встала по правую руку от Правительницы, отказавшись садиться, ибо не собиралась задерживаться здесь и проверять, насколько хватит моего отнюдь не ангельского терпения. — Ситуация у нас патовая, думать надо быстро. Прежде всего, Криста направит Сатону новое письмо, в котором сообщит о моем возвращении, слезно попросит прощения и еще раз попытается убедить, что все случившееся — не что иное, как произвол одного-единственного человека. На роль козла отпущения предлагаю Шаена. Кто-то против?

Явных возражений не последовало. Впрочем, и горячего одобрения своей задумки я как-то не услышала. Даже от Правительницы талиеров.

— Унижаться перед старым маразматиком, который только и ждет, как бы отхапать наши территории? — Криста скривилась так, будто у нее разом все зубы заболели. — А в ноги ему не поклониться? Да после этого письма он будет думать, что я полная идиотка, не способная уследить даже за своим подданным! Мы все будем выглядеть идиотами, — мстительно добавила девушка, перехватив самодовольный взгляд главы Совета. — Не закатывайте глаза, господин вер-Тейн. На свиточке ваша подпись первой стоит, а моей все же нет.

— Зато живыми идиотами, что несомненный плюс, — отрезала я, прекращая очередной виток ссоры. Недовольство девушки было вполне понятным, но это был тот случай, когда личные душевные муки придется засунуть куда поглубже во имя всеобщего благоденствия. — Если напишешь такое письмо, да еще и открыто, чтобы все соседние государства знали его содержание, Сатону придется сильно призадуматься, так ли ему нужна война. Согласившись принять извинения, он сможет сохранить лицо, более того, изобразить благородство по отношению к талиерам.

— Это Сатон-то? — возмущенно поперхнулась воздухом Правительница. — Да он меня позорить этим письмом до конца жизни будет!

— Переживешь. В любом случае, начинать войну ему будет несколько сложнее, — я медленно выдохнула. Никогда не любила долгие объяснения, в свите меня вообще с первого слова слушали молча. — Представь, что все ваши соседи будут осведомлены, как ты попросила у Сатона прощения за ошибку, предложила извинения и возмещение ущерба, если таковой имеется, а он уперся рогом в войну? На вашу защиту гарантированно станут противники луттов, а то и некоторые их союзники задумаются. В конце концов, Сатон получит возможность нащелкать вас по носу, не потеряв ни единого солдата. Тоже бонус для него.

Криста скривилась еще больше, невольно почесав кончик носа.

— С вашего позволения, — Марус вдруг поднялся с места и степенно поклонился Правительнице. — Не думал, что скажу такое, но наша покровительница права.

Я мгновенно насторожилась. Старый интриган не согласился бы со мной, скажи я, что трава зеленая, а небо голубое, скорее язык бы себе откусил. Интересно, что он задумал?

— Война с луттами нам совсем не с руки, все верно, — продолжал тем временем вещать глава Совета. — Тем более, такая бессмысленная. Мы не готовы ни морально, ни физически, армия очевидно уступает по численности и подготовке. Думаю, что и лутты сами по себе тоже не горят желанием сражаться не пойми за что. Разве один из народов виноват в том, что некоторые позволили себе исчезнуть без следа на неопределенный срок и доверились не тем людям?

Ах, вот оно что. Решил шпильку мне в зад воткнуть. Холодная ярость в груди заинтригованно приподняла голову.

— Помнится, кандидатуру Шаена предложил именно Совет, — ледяным тоном напомнила я, притворно задумавшись. — Не вы ли больше других за него ратовали? Могу поклясться, что он имеет какое-то опосредованное отношение к вашему роду, не так ли? То ли брат, то ли сват. Отрадно видеть, как вы берете на себя ответственность за паршивца, признавая, что человека оказался «не тот». Правда, редкая самокритика. Следующего посредника я выберу сама, не переживайте, советник.

Марус побагровел, но захлопнул рот и сел на свое место. Криста, воспользовавшись повисшим в комнате молчанием, за каким-то чертом хлопнула ладонью по столу, да так, что чернильница подскочила.

Надеюсь, никто не заметил, что и я от неожиданности дернулась. Муху она заметила, что ли?

— Значит так, — отчеканила Правительница талиеров тоном, не терпящим возражений, — письмо Сатону я напишу. Как только допросим Шаена, проведем над ним суд. И молитесь, господа советники, чтобы правитель луттов согласился на наши условия, иначе в первых рядах воевать пойдете, клянусь. Есть что еще обсудить срочно? — обернулась на меня девушка. — А то мне надо в пригород по делам смотаться.

— Пока нет ответа от Сатона — увы, — покачала я головой. — Завтра допросим Шаена и...

— Только в присутствии представителя Совета! — бесцеремонно влез Марус.

— Да хоть десяти, — досадливо огрызнулась я на неугомонного старикашку, смерив его устало-презрительным взглядом. И откуда столько энергии, в его-то годы? — Осмелитесь при допросе рот вперед меня открыть — пеняйте на себя.

— Соглашение! — тут же раздраженно прошипел он. — Не имеете...

— Во имя всех богов, Марус, не будьте глупцом больше, чем уже есть! — не выдержала я. — Соглашение запрещает мне использовать дар алаты против талиеров. Думаете, я не знаю других способов довести до икоты и недержания? Говорят, у меня талант в этой сфере.

— Это угроза? — попытался схватиться за сердце глава Совета.

— Предсказание, — многозначительно дернула я бровью, направляясь к выходу, пока спор окончательно не перешел в склоку. — Криста сообщит вам время допроса.

Стоило мне выйти за дверь, как я напоролась на Эйла.

Да сегодня что, все сговорились караулить меня под дверью?! Если на то пошло, буду открывать их с ноги и без предупреждения.

— Заперла кабинет? — Эйлар нехотя отошел от стены и расцепил скрещенные на груди руки. На запястье провокационно блеснул браслет. — Почему не дождалась меня?

— Я тебя и не звала, начнем с этого, — поморщилась не столько от бессмысленного вопроса, сколько от вида мужчины. Как ни в чем не бывало, чтоб его. Словно накануне мы разошлись на мирной ноте.

На лице Эйла снова застыло то же вежливо-полезное выражение, что и вчера, но повторно купить меня на это было сложновато. Стоило ему шагнуть вперед, как я отступила.

— Почему не позвала? — не заметил моего маневра Эйлар. Или сделал вид, что не заметил. — Лина, я много лет был советником при дворе, смыслю кое-что в политике. Да и о луттах с талиерами знаю немало.

— Может и так, — я дернула плечом. — Только не хочется сидеть, как на иголках, гадая, ляпнешь ты между делом про жену или нет.

Мужчина поджал губы и сунул руки в карманы брюк. На мгновение он опустил глаза в пол, задумчиво наморщил лоб.

— Извини, — спустя пару вдохов посмотрел на меня. — Вот уж не представлял, что это прозвучит для тебя настолько неприятно. Думал, не хочешь объяснять направо и налево, что между нами случилось...

— Это явно не касается Кристи и Инари, — теперь уже я недовольно скрестила руки на груди. — О моих с ними доверительных отношениях ты прекрасно осведомлен, едва ли не больше, чем о политике талиеров и луттов. И я никак не могу понять, для чего решил разыгрывать супруга перед ними.

— Откуда мне было знать, в курсе ли они всего?! — вдруг вспыхнул Эйл. — Не то, чтобы ты нашла время заглянуть ко мне и договориться, что будем врать! Криста задала вопрос, я импровизировал, чтобы никто вокруг ничего не заподозрил.

— Можно было обойтись и без поцелуя, — справедливости ради, в чем-то Эйллар был прав. Все же, на мой вкус, явно переиграл. — Равно как и без вранья про счастливую пару. Мы больше не вместе и... — я вдруг осознала, что в одном шаге от того, чтобы наговорить гадостей и заткнулась.

— Что? — зелень глаз мужчины стала ядовитой. — Давай, Линаэль, договаривай. Тебе ведь хочется размазать меня окончательно, не так ли?

— И уже не будем, — не знаю, пытался ли Эйл взять меня на «слабо», и для чего использовал это чертового имя, но я не ощутила ни капли жалости или сочувствия к нему, озвучив истинное положение дел. — Я не вхожу дважды в одну реку, тем более, если в первый раз чуть не захлебнулась в ней. Прости, пыталась быть деликатной, но иначе ты просто меня не слышишь. Не обижусь, если теперь вернешься к себе домой и будешь проклипать меня последними словами.

— Я никуда не уйду, — покачал головой Эйллар. Ума не приложу, что творилось у него в голове. — Понятно, что ты зла и обижена на меня за долгие годы отсутствия, понятно, что тебе больно. Если надо ждать, пока ты остынешь, буду ждать, сколько понадобится.

— Ты правда не понимаешь? — усмехнулась я ответно, постаравшись вложить в этот звук смешка как можно больше презрения и снисходительности. — Я уже остыла. По отношению к тебе. Здесь больше нечего ждать. Объявись ты раньше, все могло бы быть иначе, но *твой* выбор был иным.

Эйл молчал, но не выглядел потрясенным или обиженным. По крайней мере, в первую минуту. Потом та яркая искра в его глазах, которая держалась даже в худшие моменты, медленно погасла. Я видела, как он пытался подобрать слова, как перебрал пальцами по фальшивому брачному браслету, нервно сглотнув.

К черту. К черту, к дьяволу, в Преисподнюю к Асмодею! Пусть бы обиделся. Разочаровался, возненавидел. Так было бы проще.

— И сколько же времени у меня было, чтобы успеть вернуться к тебе? — голос мужчины прозвучал глухо и надломлено. — Неделя, месяц?

— Годы. У тебя были годы, — я не сдержала тяжелый вздох. — Безумно много времени. Раз не нашел смелости объявиться сам — значит, все же научился жить без меня. Продолжай в том же духе.

— Не научился! — вскинулся Эйл. — Проклятье, ты ведь понятия не имеешь, *как* я провел эти десятилетия!

Дура, дура, дура. Боги, откуда во мне эта преступная доверчивость и тупость? Стоит ему намекнуть на какое-то дерьмо, как сердце сжимается от жалости и вины вопреки здравому смыслу. Я не привыкла видеть Эйллара буквально умоляющим о чем-то, сломанным. Он всегда был той стеной, на которую я опиралась.

— Можно подумать, ты знаешь, как я провела это время, — наступила на горло собственным переживаниям, чуть прокашлялась, чтобы проглотить комок, мешавший говорить ровно. — Не жди моего сочувствия.

— Мне не нужно сочувствие, Лина, — упрямо помотал головой Эйл. — Ты нужна. Да, представь себе, я такой мудака, что все еще вижу в тебе свою жену. И знаешь — мне ни капли не стыдно, как я себя повел на приеме. Можешь еще попинать меня, можешь вытереть ноги,

ничего страшного. Один раз мы в это уже сыграли, я поставил на кон собственную гордость, а в итоге получил тебя. От меня и второй раз не убудет.

— Умом тронулся? — изумленно заморгала я в ответ на неожиданные слова, не сумев подобрать ничего более разумного.

— Просто верю, что у тебя все еще остались ко мне хоть какие-то чувства, — Эйл поправил браслет так, чтобы он был виден поверх рукава рубашки. — Да, не похоже, чтобы это была любовь или желание. Но ты колеблешься, прежде чем ударить по мне словом. Я помню, что это значит, Линаэль. Ты боишься ранить только тех, кто тебе дорог.

— Не называй меня так, — процедила сквозь зубы, ощущая бессильную злость: ему же все нипочем, уродом назови — скажет, что комплимент. Не найдя, что еще возразить, я предпочла оставить поле словесной баталии и ретироваться прочь.

Я шел за Мелитоном, внешне сохраняя спокойствие и демонстрируя полное отсутствие какой-либо тревоги на счет его слов, что Аристарх хочет забрать у меня задание на поимку Лины. Хотя внутренности, признаться, скрутило в тугий пружинистый узел. Это не был страх, скорее ясное и четкое предчувствие какой-то херни, что вот-вот случится.

«Снять с задания из-за провала». Так Мел выразился. Если бы он знал точнее, в чем дело, сказал бы, я уверен. Тем более, раз уж решился вообще предупредить о предмете утренней встречи внутреннего круга Гильдии. Но, черт подери, что это может быть за провал? Будем честны, в плане поимки Лины и об успехе-то речи особой не шло за последние столетия, как я мог провалить то, что никому не удавалось раньше? Опять же, я ведь даже отчета никакого по ведьме не подавал, чтобы Старх мог сделать выводы.

До общего зала оставался только один длинный коридор. Наши с Мелитоном шаги гулко отдавались где-то под самым потолком, практически совпадая по темпу. Я на ходу перебирал в голове все возможные «провалы». На ум приходила только таверна Севара: Гильдии точно известно о причастности Лины к тому беспорядку и о том, что там был какой-то Гончий. Может, все-таки кто-то донес, что это был я?

Было бы неплохо. По крайней мере, на этот случай у меня есть приличная отмазка, отретированная с ведьмой. Если речь о чем-то ином — хрен знает, как выкручиваться.

Молчание Мелитона и его встревоженные оглядки на меня нервировали. Он редко выглядел настолько погруженным в собственные мысли. Да и вообще, как правило, Мел сыпал вопросами, чтобы прояснить ситуацию хотя бы для себя. Когда в Гильдию прилетела жалоба, что я во время задания не только выбил пару зубов виновному, но и пересчитал все кости заявителю (за дело, он умолчал, что сам — редкая падаль, насильник и садист), секретарь Главы за пять минут, пока вел меня на разбор полетов к Аристарху, выдал всю историю, да так, что выступил в итоге в роли адвоката, ни разу не ошибившись в фактах.

Сейчас я был бы весьма рад услышать хотя бы один вопрос.

Общий зал Гильдии встретил гулом голосов. К моменту, когда вошли мы с Мелитоном, заместители Аристарха собрались практически в полном составе, из семнадцати кресел пустыми оставались только место самого Старха, мое, Бельтайны — главной целительницы, Терсана — насколько я знал, его отправили к Суду Вечности. Прочие члены внутреннего круга Гильдии в ожидании начала собрания предавались беседе друг с другом. На наше с Мелом появление кто-то отреагировал вялым приветственным кивком, кто-то и вовсе не подумал оторваться от разговора.

Счесть это за хороший знак? Будь я главным виновником сбора — пристрелили бы взглядами еще на пороге. Собственно, с той историей избитого заявителя так и было, половина заместителей качала головой с упреком.

Я занял свое место по левую руку Аристарха, через три кресла от него. Опустился на стул, закинул ногу на ногу, скучаяще побарабанил пальцами по подлокотнику. Нарочито небреж-

ный жест дался на удивление непросто, плечи никак не получалось расслабить. Не без труда выдохнув, приготовился ждать.

Спустя несколько минут дверь распахнулась в первый раз. Я покосился в сторону входа, все так же изображая полнейшую расслабленность, и едва успел прикусить язык, чтобы не выmaterиться вслух.

Первым в зал вошел Ниал, натянувший на гнусную рожу на редкость самодовольное выражение. Засранец деловито вышагивал, сунув руки в карманы и не глядя по сторонам. В зале он чинно поздоровался со всеми с благопристойной улыбочкой, после чего отвальсировал к тумбе около окна: сидячих мест для посторонних не предусматривалось.

Я мог дать руку на отсечение, что этот мудака не сводил с меня предвкусшающего ехидного взгляда. И было почему.

Вслед за ним в зал вошел Витор в сопровождении двух Гончих, как под конвоем. Он выглядел спокойным, даже слишком для человека, которого выкинули отсюда с клеймом предателя, обнулив все прошлые заслуги. При его появлении среди заместителей шепотки вспыхнули с ожесточенной силой. Остановившись перед длинным столом, Вит огляделся с выражением полнейшего недоумения на лице, будто совсем не понимал, для какой цели его сюда притащили.

Зато я понял предельно ясно. Гончие в архиве Вартоса, вот в чем дело. Да, они работали тайно с Севаром, но все же оставались Гончими, было бы глупо полагать, что их смерть останется незамеченной. Не понятно, правда, с какой стати подобное событие требовало сбора внутреннего круга. Гончие гибли ежедневно, но мало чью смерть разбирали на столь высоком уровне.

Тут же пришлось сжать зубы, чтобы не застонать от досады и не обругать самого себя. Я идиот. Конченный, помешанный, обдолбанный идиот, не иначе. Стоило мне увидеть Витора и сообразить, ради чего всеобщее сборище, как по тупой башке тукнула здравая, но чересчур запоздалая мысль: а позаботился ли я о том, чтобы устранить следы нашего с Линой пребывания в архиве Вартоса?

Нет. Даже не попытался. В тот момент был настолько зол, что повелся на ведьминскую манипуляцию, что последнее о чем думал — как бы нас не поймали. Потом события завертелись, закрутились, я и думать забыл про чертов архив. И если только Вит не догадался затереть следы вместо меня...

По короткому взору, брошенному на меня зрителем архива, я почему-то предельно ясно понял, что не догадался.

Что ж, по крайней мере, все складывалось в один пазл: сияющая рожа Ниала, чуть виноватый взгляд Витора, архив. Да еще и эти намеки Ниала на Гончего, с которым Лина была в таверне — будет чудом, если мне сейчас не предъявят обвинение в сговоре с ней. Пришел один изгнанник, уйдет два. Если уйдем, конечно.

А может, Вит смотрел виновато, потому что он и сдал ее Гильдии?

— Бель ждать не будем, у нее срочный пациент, — дверь хлопнула второй раз, Аристрах стремительно ворвался в зал, на мгновение прервав мои душевные терзания. — Итак, я собрал всех в связи с чрезвычайным происшествием. Недавно были убиты пятеро наших коллег. Все указывает на причастность к тому приснопамятной алаты Страх. Убийство произошло в архиве Вартоса, где изволят работать Витор, — Глава Гильдии указал в сторону моего товарища рукой, мол, вдруг кто не в курсе, кто это. — Собственно, мы здесь, чтобы прояснить обстоятельства произошедшего. Витор, есть что поведать по старой памяти?

— По старой памяти? — на лице Вита мелькнула кривая усмешка. — В гробу я видал сие пафосное мероприятие. Вы меня от дел оторвали. После Гильдии, знаете ли, жизнь не заканчивается, у меня есть работа, обязанности.

— Я спрашиваю о смерти пятерых Гончих на твоей работе, — Аристарх опустил в свое кресло, с досадой поморщился. — Помнится, тебя отлучили за сговор с Эвелинн и пособничество. Разве не странно, что вы снова оказались в одно время, в одном месте?

— За подозрения, — недобро прищурился Витор. На скулах заиграли желваки. Старая обида на несправедливое обвинение все же давала о себе знать, как бы он не пытался убеждать в обратном. — Не за сговор. У внутреннего круга были только подозрения, что я мог быть предателем, но ни одного доказательства.

— Равно как и одного опровержения, — парировал один из заместителей, Арон. — Полно, Вит, это дело давно уже прошлое. Вопрос сейчас в другом...

— Да нет, в том же самом, — перебил его мой товарищ. — Вы снова вцепились в дурацкое совпадение и уверены в своей правоте. Я не знаю, что случилось в архиве. Понятия не имею. Вечером ушел домой, на следующий день пришел и застал там стражу, увидел кровь, тела. Вот и все. Я не знаю ни кого там убили, ни кто, ни за что. Честно говоря, мне плевать.

— И нет никаких мыслей, почему алата могла выбрать именно Вартос для своей выходки? — прищурился Аристарх.

— Откуда мне знать, что у нее в башке происходит? — развел руками Витор. — Я с момента отлучения перестал работать во благо Гильдии, сами с Эвелинн разбирайтесь.

— Когда тебя обвинили в сотрудничестве с ней, помнится, ты говорил, будто это подстава с ее стороны. И причина в том, что ты слишком близко к ней подобрался, разгадал намерения, вот она и решила таким образом избавиться, — прищур Старха стал еще более недоверчивым. — А теперь понятия не имеешь, чем эта особа руководствуется? Может определишься уже, подобрался ты к ней таки в свое время или нет?

— Слушай, — Вит тоже решил не церемониться с бывшим начальством, — на слове поймать меня не выйдет. Я уже не так давно говорил Десу, что никак не связан с алатой Страх и ничего о ней слышать не желаю с момента своего отлучения, к чему повторять сейчас все то же самое?

Все внимание присутствующих незамедлительно обратилось в мою сторону.

Вот спасибо, друг.

— Дес? — брови Аристарха вежливо приподнялись в вопросе. — Как это понимать?

— А что не так? — моментально прикинулся дураком. — Я же взял задание не поимку алаты Страх, логично, что решил побеседовать с тем, кто вроде как мог быть с ней связан.

— Вот так наугад выбрал кандидата для беседы?

— Почему же наугад? Синекрылая устроила в Вартосе пожарище, спасая неведьму из костра, сперла книгу, — я соображал на ходу, как бы вывернуться и не подставиться. — Потом я узнал, что она там выдавала себя за архивариуса, пришел в архив. А там — Вит.

— Случайно? — едко уточнил Аристарх. — Вот прям совпадение на совпадении: ты там оказался, и эта алата, еще и Витор? И все независимо друг от друга?

— Помнится, Витор ведь был твоим наставником, так? — Ниал не упустил момента вставить свое бесценное замечание.

Стоило бы вернуть подсчет чужих костей в свое расписание. Засранец совсем нюх потерял.

— Что с того? — смерил я его мрачным многообещающим взглядом. — Хочешь броситься обвинением, что Вит мне во времена наставничества алату Страх передал?

Ниал мгновенно заткнулся, угнетенный цепкими взглядами нескольких заместителей.

— Не знаю, совпадение это или нет, — продолжил я, повернувшись к Аристарху. — Но сказал, как было. Я действительно расспросил Витора об алате. Вернее о той личине, под которой она скрывалась в Вартосе. Спросил, что ей могло быть нужно, Вит сказал, что не знает. У меня нет сомнений в его честности. Зато возник вопрос к присутствующим: раз факт моего

пребывания в архиве теперь известен, может, меня сразу обвинят в сотрудничестве с алатой Страх? Или будем вокруг да около ходить?

— Никто никого не обвиняет, — Глава Гильдии заметно смутился. — Боги, Дес, не распадайся. Просто если бы ты сам сообщил мне о своих архивных изысканиях, я бы не был так изумлен откровениями Ниала, что в архиве Вартоса обнаружили твой след.

Так и знал. Не зря засранец присутствует на совете внутреннего круга. Зато понятно, почему у него так грустно вытянулась рожа, когда я упомянул, что бывал в архиве. Такой козырь из рук вырвали.

— Было бы о чем сообщать, — я сделал вид, что слова Аристарха притушили разгорающийся гнев, хотя кулаки все же чесались. — Ничего ведь не выяснил, вот и не стал докладывать. Знал бы, что в будущем какой-то малообученный тупой мудака наделает поспешных выводов и побежит к папочке кляузничать, непременно предупредил бы, что был там.

— Выбирай выражения! — мгновенно вышел из себя Ниал. Отлепившись от тумбочки, он сжал кулаки, но не решился на большее, кроме как испепелять меня взглядом.

— А я и выбрал, — пожал плечами. С обеих сторон среди заместителей слышались где укоризненное покашливание, где завуалированные кашлем смешки, но вроде никаких возмущений. — Так не терпится сделать мне гадость, что разносишь непроверенные сведения? Стоило убедиться, что я был там *вместе* с алатой, а не в другое время.

— Не поздно проверить, — оскалился усмешкой Ниал.

— Поздно, — куда более искренне ухмыльнулся я ему. — Раз ты знаешь, что след мой, значит, коснулся его. Теперь, к сожалению, давность его образования не установить.

— Дес, ради всего святого, угомонись, — Аристарх попытался вклинуться в перепалку, чтобы она не закончилась полноценными разборками. — Никто не обвиняет тебя в связи с алатой Страх...

Еще бы. До этого мы с ведьмой пока не добрались.

— ... и вряд ли хоть кто-то из присутствующих подвергнет сомнению преданность Гильдии, — договор Старх. — Всем известно о твоём отношении к крылатым, не кипятись.

Витор несолидно хрюкнул от смеха. Я украдкой послал ему угрожающий взгляд.

— Что-то забавное? — Глава Гончих перед взглядом на Вита.

— Нет, просто трогательно звучит, — покачал головой мой друг. — Мне что-то подобных почестей оказано не было. Дали под зад коленом — и вся недолга. Как бы я там к крылатым не относился.

— Ситуации разные, — развел руками Аристарх. — В отношении Деса, по крайней мере, нет никаких улик, свидетельствующих о его сговоре с алатой.

— А как же таверна? — снова влез не в свое дело Ниал. Похоже он понял, что задуманная подянка ускользает из рук, только сдаваться не собирался. — С алатой Страх там был Гончий.

— Какой из тысяч? — вкрадчиво поинтересовался я. Сам не знаю, что за черт, но мне показалось, будто я копирую Линины гаденькие интонации. — Конкретнее бы, а?

— Высокий, темноволосый, разряженный, как на праздник.

Более тупого описания я еще не слышал. Хотя, надо признать, довольно точного.

Впрочем, точность была, кажется, очевидная только мне и Ниалу. Остальные присутствующие посмотрели на моего оппонента со здравым недоумением на лицах. Решив прибавить им скептицизма, я задумчиво опустил глаза, оценивающе рассматривая собственные потрепанные временем рубашку и куртку.

— Не знаю, конечно, на какой праздник это подойдет, — с притворным сомнением покачал головой.

Смешки за столом приобрели все более явный оттенок веселья. Ниал практически побагровел.

— Посмотрим, как ты запоешь, когда найдутся свидетели!

— Свидетели чего? — почесав бровь, я решил окончательно размазать засранца по стенке, чтобы исключить дальнейшие его нападки. — Того, как я гнался за алатой по таверне в попытке поймать?

— Значит, все же признаешь, что это был ты? — торжествующе просиял Ниал. — Тот и оно, слишком много совпадений.

— Я охочусь на нее, кусок ты идиота, — чуть раздраженно закатил глаза, не обращая внимания на изумленные взгляды, вновь обратившиеся ко мне. Даже про Витора все давно позабыли, и он вместе с заместителями и Аристархом вертел башкой из стороны в сторону, наблюдая за представлением. — Какие в жопу совпадения? Ты вообще в курсе, как работают Гончие? Мы берем задание, отслеживаем добычу, ловим, иногда получается не сразу...

— Но не ходим с добычей под ручку по сомнительным заведениям, — перебил Ниал. — И не спасаем.

— А кто-то утверждает обратное? — что-то мне окончательно перестала нравится осведомленность этого засранца. — Если такие есть, пусть мне в лицо скажут, что видели, как я защищаю алату Страх.

— погоди, — Аристарх повелительно вскинул руку, — так ты действительно был в той таверне? Выследил Эвелинн?

— Да, — версия событий, отработанная с ведьмой, пошла в ход. — Почти поймал, но все же упустил.

— И снова не сказал, — недовольно хмыкнул Глава Гильдии.

— Я хоть раз сообщал о неудачах? — я вернул ему такой же хмык, один в один. — Даже след ее подцепить не успел из-за того дурдома, что там развернулся, хвастать тут нечем.

— Но ты подобрался к ней, ведь так? — все же уточнил Старх. — Знаешь, Дес, на будущее все же сообщай даже о сомнительных успехах, это поможет избежать огромного количества лишних вопросов.

— На будущее: если не отвлекать меня на бессмысленные отчеты, успехи в поимке алаты будут менее сомнительными, и я охотно о них сообщу, — гореть моей заднице в аду за столь наглую ложь. — Собственно, может, я вернусь к своему заданию? Или еще остались вопросы?

— Ступай, — после минутной паузы выдохнул Аристарх. Покосился на Вита, словно только вспомнил о его присутствии, махнул рукой конвоем. — Витор, ты тоже свободен. По крайней мере, пока.

— И все?! — взбеленился Ниал. — Он нанес какой-то ерунды и на этом все? Безграничное доверие?

— Мелитон, будь так добр, проводи нашу истеричку в мой кабинет, — поморщился Глава Гильдии. — Надо сказать ему пару слов. Все остальные свободны, прошу прощения, что оторвал от дел.

Боги, как жаль, что я не застаю выволочку, что сейчас устроят Ниалу.

Витор ушел чуть вперед меня, не прощаясь и не оглядываясь, будто мы в самом деле не поддерживаем общение.

Я дошел до потаенного уголка коридора и собрался уже было открыть портал к талиерам, как замешкался.

Ниал бросил фразу про помощь алате в таверне, и это не давало покоя. Если он сделал это наугад, то чересчур ловко попал в яблочко. Если сказал так, потому что точно знает, что там происходило — дерьмо.

Подожку-ка я, пожалуй, пока ему начистят рыло, чтобы задать пару животрепещущих вопросов.

После стычки с Эйлом мне просто необходимо было проветриться и сменить обстановку, чтобы выбросить его из головы. Немного поколебавшись, я решила навестить Терезу и

Камиллу. Присутствие мягкосердечной травницы всегда действовало на меня отрезвляюще и успокаивающе. С самого нашего знакомства, дабы не пугать излишне трепетную и впечатлительную Милу, я научилась держать язык за зубами, а гнев в клетке, насколько бы зла не была. Сейчас было не самое подходящее время, чтобы беситься, а успокоиться сама я никак не могла.

Инари подобрала для Терезы покои в самом тихом уголке двора. Бело-золотистая комната буквально утопала в рассеянном солнечном свете, проникавшем сквозь огромные незашторенные окна. На подоконнике были расставлены цветы и небольшие ящички, наполненные черной влажной землей. Похоже Мила снова взялась за собственноручное выращивание целебных растений. В комнате ощутимо пахло чем-то землисто-травяным, на тумбах, туалетном столике виднелись разложенные пучки высушенных трав. Ароматерапия, как она есть, пусть Камилла и называла это иначе.

Сама травница стояла около постели Терезы у дальней от двери стены. Девушка шустро перебирала пальцами, заплетая каштановые волосы в плотную косу, и встревоженно вглядывалась в лицо своей пациентки. Не знаю, что именно она там пыталась усмотреть: на моей памяти мать Ричарда впервые за долгое время выглядела настолько умиротворенно, будто просто спала. Тревожная складка на лбу наконец-то разгладилась, она не металась во сне, не сжимала одеяло до судорог в пальцах.

Приглядевшись, я рассмотрела у Милы темные круги под глазами, и немедленно ощутила укол острой вины. Хороша покровительница, ничего не скажешь. Свалила Ричарда на Элазара и Лису, его мать на Камиллу, а сама...

— Как она? — я мимолетно коснулась руки Терезы, проверила пульс. Пальцы у нее были теплыми, но совершенно безвольными.

— Лучше, чем неделю назад, — Мила зацепила кончик косы резинкой и откинула ее за спину. В талиерском светло-бежевом платье она выглядела моложе своих лет даже в таком усталом состоянии. — Приступы боли стали реже и слабее. Эйлар очень помог, Лина. У него потрясающие познания в целительстве, одна бы я такого не добилась.

— Спасибо, в курсе его талантов, — я раздраженно поджала губы: шла сюда, чтобы выкинуть его из головы, а вместо этого на тебе хвалебные оды в честь бывшего. — На счет попытки пробудить ее пока не думала?

— Нет, — травница замотала головой. — Слишком рано. Да, Терезу сейчас не корчит от боли и, судя по всему, кошмары отступили, но будить все-таки рано. Неизвестно, сможем ли мы в сознании удержать ее в этом же состоянии, а повторное погружение в такой вот целебный сон слишком опасно.

— Если я могу что-то сделать — скажи. Сейчас надо разобраться с войной сперва, но...

— Все нормально, Эйл объяснил мне ситуацию, — перебила меня Мила. — Его помощи пока вполне достаточно.

Я подняла на нее взгляд и немедленно почуяла надвигающееся дерьмо. Камилла мялась, неловко теребила рукав платья и смотрела на меня глазами олененка, что видит перед собой охотника с луком. С той лишь разницей, что в ее карих глаза застыло выражение, вызывающее у меня нервную чесотку: жалость и сочувствие, щедро приправленные слезами.

— В чем дело? — нехотя поинтересовалась я. Не то, чтобы хотела знать ответ, но и сделать вид, что ничего не заметила, не могла.

— Он рассказал мне про вас, — тихо отозвалась травница. Она уставилась куда-то в пол, и я по привычным жестам поняла, что ей крайне неловко говорить. Только Мила почти сразу вскинула глаза на меня и упрямо продолжила. — О том, что он твой муж, что его считали мертвым. Лина, мне так жаль. Почему ты от меня скрывала?

Потому что не выношу сочувствие, тем более настолько искреннее. Камилла всегда была слишком чувствительной, она умудрялась рыдать каждый раз, когда приходилось меня штопать. И это прекрасно зная, что в итоге все заживет без следа.

Сколько бы ее причитаний я услышала, узнай она про рану, которую не зашить и не залечить?

— Потому что это мое право, решать кто и что обо мне знает, — отрезала я. — И мне не нравится, что Эйл его нарушил. Я бы попросила тебя ни с кем больше не делиться этой информацией.

— Лина, нельзя держать...

— Мила, не знаю, что именно он тебе наплел, но сомневаюсь, что выложил совсем все.

Травница шмыгнула носом, по щекам скатилась пара крупных чистых слез. Была одна тема, над которой Камилла рыдала при любом случае. Дети.

— Ясно, — я кивнула сама себе, мечтая удушить рыжеволосое трепло. — Мила, пожалуйста, возьми себя в руки. Я не буду рыдать у тебя на плече из-за истории тридцатилетней давности. А еще очень прошу, когда в следующий раз всплакнуть решит Эйл, заткни его и не слушай.

Травница потрясенно охнула и уставилась на меня с возмущением в глазах. Она упрямо вздернула подбородок, вытерла слезы.

— Вообще-то теперь сочувствия у меня к нему еще больше! — сердито выдохнула Камилла. Говорила она на одном дыхании, будто боялась, что если остановится, продолжить не выйдет. — Пережить такой кошмар, дожидаться встречи с любимой женой, а вместо нее увидеть ледяную глыбу!

Я понимала Милу. Понимала, что она хочет сказать, понимала, как рассуждает. Примерно представляла, как и что рассказал ей Эйл, откуда ее столь явная симпатия к нему.

Но на сегодня и без того проявила nepозволительно много «понимания».

— А меня тебе не жаль? — недобро сузила я глаза. — Я переживала смерть собственного ребенка в одиночестве, пока ее папаша где-то там грустил хрен знает о чем и не думал даже намекнуть, что жив-здоров. Может, я и глыба льда, милочка, но это мне решать, какого отношения он заслуживает.

Подлый удар вышел, знаю. Стоило только задеть тему моего неудачного материнства, как Камиллу словно прорвало. Спрятав лицо в ладонях, травница всхлипнула раз, другой. Потом покосилась на меня так, будто ждала, что я последую ее примеру, убедилась, что это не так, и снова зарыдала.

Я вышла прочь, не дожидаясь окончания этого водопада. Устало потеряла переносицу, прислонилась лбом к холодному окну в коридоре. Нельзя было срывать, знаю. И задевать Милу не стоило, она ведь не со зла. Только что делать, если моего терпения и выдержки уже ни на что не хватает?

Умиротворенно зеленеющий сад за окном выглядел насмешкой над тем, как я ощущала себя внутри. Дав себе зарок попозже извиниться перед Камиллой, я развернулась в сторону библиотеки. Инари должна была поднять по моей просьбе все, что есть о сводах законов луттов. Вдруг получится найти мирную лазейку там? На благородство Сатона я рассчитывала меньше всего.